

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

СЛОВО И ТЕРМИН

Выпуск II

МОСКВА
2024

Редколлегия:

Шелов Сергей Д. (Россия, Москва, отв. редактор)
Вэнь Чанбинь (Китай, Пекин), Иконникова Валентина (Россия, Москва),
Кабре Тереза (Испания, Барселона), Каленчук Мария (Россия, Москва),
Кудашев Игорь (Финляндия, Тампере), Пихт Хериберт (Австрия),
Сунь Шуфан (Китай, Харбин), Фэн Чживей (Китай, Пекин),
Четверикова Татьяна (Россия, Москва),
Чжен Шупу (Китай, Харбин)

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий отделом Института
лингвистических исследований РАН
Сергей Святославович Волков

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Лариса Леонидовна Шестакова

Слово и термин. Вып. II. Отв. ред. д-р филол. наук С.Д. Шелов. – М., 2024. – 87 с.

Настоящее периодическое издание ставит своей целью расширить контакты и объединить усилия исследователей, преподавателей, специалистов разных стран в области терминоведения, языков для специальных целей, профессиональной коммуникации, научно-технической и профессиональной лексикографии. Оно посвящено как историческим вопросам науки о терминах и специальной лексики, так и вопросам современного состояния этой лексики. В сферу проблематики сборника входит также и перевод специальной лексики терминологического и профессионального характера на русском и английском языках или на эти языки. Во всех случаях предпочтение оказывается работам, содержащим ответы на актуальные практические задачи в этой области знания и описание инструментов и методик, реализующих предлагаемые ответы.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю.....	4
---------------------------	---

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

<i>С.В. Гринев-Гриневич</i> (Белосток, Польша), <i>Э.А. Сорокина</i> (Москва, Россия). О соотношении семантических и лексических полей.....	6
<i>С.Д. Шелов</i> (Москва, Россия). Некоторые новые результаты науки о терминах.....	14

2. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И РОССИЙСКОГО ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

<i>Ю.Г. Кокорина</i> (Москва, Россия). Термин «археология» в понимании первых российских археологов (по материалам архивов <i>А.С. Уварова</i> и <i>И.Е. Забелина</i>).....	25
<i>С.Д. Шелов</i> (Москва, Россия). Вклад <i>Д.С. Лотте</i> в проблематику мотивированности термина.....	30

3. ЛЕКСИКОГРАФИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ: СОСТАВ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>В.А. Иконникова</i> (Москва, Россия). Особенности составления глоссариев формирующихся терминологий.....	45
<i>А.С. Кулева, Т.Д. Четверикова</i> (Москва, Россия). К проблеме лексикографического представления названий растений: общеязыковое и терминологическое.....	53
<i>Е.В. Маринова</i> (Нижний Новгород, Россия). Терминоэлементы в процессах номинации и в словаре (на материале терминологии цифрового общества).....	60

4. НОРМА В ЛЕКСИЧЕСКОМ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ЯЗЫКА

<i>А.Э. Цумарев</i> (Москва, Россия). Кодификация специальной лексики в общем толковом словаре.....	68
<i>Т.Д. Четверикова</i> (Москва, Россия). Юридическая лексика в профессиональном и непрофессиональном понимании.....	74

5. ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПЕРЕВОД

<i>Л.Н. Беляева, О.Н. Камшилова</i> (Санкт-Петербург, Россия). Machine Translation and Terminology in Professional and Teaching Practice.....	80
Сведения об авторах.....	86

Дорогой читатель!

Перед Вами второй выпуск периодического издания «Слово и термин» (первый был опубликован в 2021 г.), которое включает в себя работы известных российских лингвистов и специалистов-терминологов по различным вопросам лексикологии и лексикографии специальной лексики и терминоведения русского языка. Издание посвящено как общим, так и некоторым частным вопросам этой области знания и отражает ее историю и ее современное состояние. Работа во многом характеризуется историографической направленностью, а особенностью издания является обращение к терминологии гуманитарных наук, к которой терминологические исследования прибегают значительно реже, чем к лексике естественных и технических областей знания. Особое внимание уделено теории и практике терминологической лексикографии этих областей знания.

Редколлегия

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

О СООТНОШЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Relations between the concepts of subject field, semantic field and lexical field are clarified. Comparison of English and Russian lexical terminologies shows that they are variants of the semantic invariant and are culturally determined.

Введение. Понятие «поле» является одним из наиболее важных и актуальных в современной лингвистике. Данное понятие было введено немецким философом Йостом Триром (Jost Trier 1894–1970) в 1931 г. в его монографии «Немецкая лексика понятийной области интеллектуальных свойств. История языкового поля с древнейших времен до начала 13 в.» (Trier J., 1931).

В названной работе Й. Трир выделил такие понятия, как «лексическое поле» и «понятийное поле». При этом, согласно Й. Триру, *понятийные поля* соответствуют *лексическим полям*. Следует заметить, что использование Й. Триром двух терминов «лексическое поле» и «понятийное поле» указывает на то, что он предполагал разницу между представлением поля в сознании (*понятийное поле*) и его реализацией в лексике (*лексическое поле*).

Анализ лексики при помощи установления границ *поля* очень быстро стал чрезвычайно востребованным. Уже через 30–40 лет, в семидесятые годы XX в., согласно Г.С. Щуру, насчитывалось свыше шестидесяти названий поля [Щур 2007: 21]. При этом используемые названия выделяемых видов поля у разных авторов могут совпадать в определении, но могут и различаться. В современной лингвистической литературе имеются описания таких, например, полей, как *лексико-семантические, лексические, понятийные, комплексные, ассоциативные* и т.д. При этом наблюдается явление, при котором разные авторы одно и то же понятие называют *семантическим полем, понятийным полем, лексическим полем, лексико-семантическим полем, словесным полем, лингвистическим полем, предметным полем, тематическим полем, концептуальным полем* и т.д.

Ситуация, при которой наблюдается наличие множества наименований для одного и того же понятия, обычно вполне естественна для интенсивно изучаемых явлений, но за последние годы ситуация с терминами, именующими понятие «поле», еще более усложнилась.

Следует признать факт того, что терминология, призванная номинировать *поле*, остро нуждается в упорядочении, без чего невозможно ясное представление об используемых понятиях и дальнейшее развитие знаний в этом направлении.

Термин «семантическое поле»

Наиболее часто употребляемым, по нашему мнению, является термин «*семантическое поле*».

В современном языкознании под *семантическим полем* большинство исследователей понимает **совокупность связанных по смыслу слов** (Азимов, Щукин 2009: 271; Вендина 2002: 153; Ганеев 2001: 66; Жеребило 2010: 321; Кобозева 2000: 98; Нелюбин 2003: 191 в значениях 1,2,4; Новиков 1997: 458; Розенталь, Теленкова 1998: 376; Шмелев 1973: 111), что восходит к первому употреблению в 1924 г. термина «поле» Г. Ипсеном, который определяет его содержание как «совокупность слов, обладающих общим значением» [Ipsen 1924: 225].

При этом следует отметить, что присутствует и несколько иное мнение: часть исследователей понимает под *семантическим полем* **группы взаимосвязанных значений** (см.: [Шайкевич 2005: 163]; [Кобозева 2000: 105]), **часть действительности, выделенную в человеческом опыте** (см.: [Ахманова 2013: 334]), или **совокупность семантических единиц**, имеющих фиксированное сходство (см.: [Городецкий 1969: 173]).

Отметим наличие и такого мнения, согласно которому *«семантическое поле»* – это «область действительности, предметная область» (см., напр.: [Нелюбин 2003: 191 в знач. 3]).

По нашему мнению, *семантическое поле* нельзя идентифицировать ни с *лексическим*, ни с *предметным*, поскольку *семантическое поле* принадлежит сознанию человека, а не внешнему миру или лексике языка.

Мысленный образ мира человека состоит из *семантических полей*, отражающих участки реальной действительности – *онтологические поля* (предметные области, области восприятия) и выраженных в *лексических полях* различных языков [Гринев, Сорокина 2020].

Это можно представить следующим образом:

Внешний мир онтологическое поле (предметное поле, область восприятия)	Сознание человека семантическое поле (концептуальное поле, понятийное поле)	Языковое выражение лингвистическое поле (языковое поле, лексическое поле и др.)
---	---	---

По нашему мнению, под *семантическим полем* следует понимать фрагмент действительности, выделенный в человеческом сознании и выраженный в языке в виде лексической системы.

При таком понимании необходимо констатировать двойное отражение: фрагмент реального мира (или фрагмент действительности, *онтологическое поле*) – это *предметное поле*, которое в сознании человека преломляется в *семантическое поле*, а затем находит материальное выражение в языке в виде *лингвистического* (обычно – *лексического*) *поля*.

Очевидная разница между *семантическим* и *лингвистическим* полями (кроме их характера) проявляется в том, что одно и то же *семантическое поле* получает разное наполнение в *лингвистических полях* разных языков.

В связи с тем что *семантическое поле* принадлежит сознанию, а в последнем, как известно, выделяются различные уровни, только часть из которых (уровень представлений, уровень специальных представлений, уровень понятий) находит выражение в языке на уровне лексики, в качестве уровней *семантического поля* можно рассматривать *поле представлений*, *поле специальных представлений* и *понятийное поле*.

При учете развития лексики языка отметим, что *полю представлений* соответствует общеупотребительная лексика, *полю специальных представлений* – профессиональная лексика ремесленного уровня, а *понятийному полю* – терминологическая лексика, то есть *терминологическое поле*.

Термин «лингвистическое поле»

Наилучшим определением *лингвистического поля* является дефиниция поля, данная в лингвистическом энциклопедическом словаре: «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС 1990], точнее ее первая часть: «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания», поскольку остальная часть дефиниции самоочевидна и поэтому избыточна.

Лингвистические поля могут далее подразделяться на *лексические* (наиболее изученный тип), *грамматические*, *синтагматические* и т.д., а *лексические поля* могут быть разделены на *синонимические*, *антонимические*, *деривационные* и т.д.

Понятие «семантическое поле» и его отношение к языку

Существуют все основания считать, что *семантическое поле* не зависит от национальных лексических систем языков, поскольку лексическое наполнение поля и количество соотносимых с полем лексем в каждом языке носит индивидуальный характер.

Во многих исследовательских работах по сопоставительному анализу лексики приводятся численные характеристики, подтверждающие различия разных национальных языках в количестве лексем, относящихся к одному и тому же *семантическому полю*. Так, например, в английское лексическое поле «Fitness» входят 42 термина, а в соответствующее русское поле всего 15 терминов (см.: [Каспрук, 2017]), что отражает разницу в значимости и продолжительности развития данного понятия в англоязычной и отечественной культурах.

По исследованию английской и русской лексики, связанной с понятием «область/region», проведенному А.Н. Смирновой [Смирнова 2004: 8–11; 18], к понятию «область» относится 98 наименований, а к его эквивалентному понятию «region» – 132 слова.

Понятие «художник/artist», согласно исследованию, проведенному Е.С. Рулевской, представлено в русском языке 108 лексемами, а в английском языке – 105 словами [Рулевская 2024: 12].

По результатам анализа семантического поля «успех», полученным О.И. Цораевой, 44 английским лексемам соответствуют 22 русские лексемы [Цораева 2021: 7].

Как правило, между лексическими системами даже наиболее близкородственных языков наблюдаются существенные различия, обусловленные особенностями национальной культуры. Эти различия влияют на национальный характер восприятия окружающего мира, однако *общечеловеческое семантическое поле* остается неизменным [Гринев, Сорокина 2020: 16]. При этом национальные лексические системы выступают как варианты выражения семантического поля, характеризующиеся неполнотой.

Итак, понятие *семантическое поле* связано с общечеловеческим мышлением, а понятие *лингвистическое поле* связано с национальным языком, с особенностями национальной культуры.

Понятие терминологического поля

Понятие *терминологическое поле* в лексике национального языка зависит от степени развития как всей лексической системы конкретного языка, так и от степени развития конкретной понятийной отрасли.

В 2020–2023 гг. нами проводились сопоставительные исследования соответствия лингвистических терминологий ряда языков. Эти поля представляют собой **варианты реализации понятийного поля**, которое является для них **инвариантом**.

В качестве иллюстративного примера представим результаты проведенного анализа фрагмента *семантического поля* «лексикология» – «лексические процессы». В качестве источников лексики были использованы учебники для высшей школы, где терминология лексикологии представлена в системном виде, словари и энциклопедии.

Процесс отбора терминов английской лексикологической терминологии был затруднен некоторыми проблемами, в первую очередь связанными с разграничением лексикологии и смежных областей языкознания. Известно, что ряд таких областей пересекается: в частности, словообразование рассматривается разными авторами по-разному: как часть морфологии, как часть лексикологии или как самостоятельный раздел языкознания. Однако, если мы рассматриваем лексикологию как лингвистическую науку, изучающую структуру, значение и функционирование лексических единиц, то нельзя

говорить о структурной типологии лексем, не обращая внимания на словообразовательные аффиксы, имеющие лексический характер.

В результате отбора английской лексикологической лексики к понятию «лексические процессы» были отнесены 118 английских терминов, номинирующих 66 специальных понятий лексикологии. Следовательно, на одно понятие приходится по два наименования. Из этого можно заключить, что английская лексикология переживает период интенсивного развития.

При учете иерархических отношений между понятиями и гиперо-гипонимических отношений между терминами, их обозначающими, английское терминологическое поле «лексические процессы» может быть представлено следующим образом:

lexical processes

- . *nomination (naming)*
- .. *semantic change (semantic derivation, change of meaning, semantic word-building, semantic processes, semantic shift, semantic transfer)*
- ... *broadening (extension of meaning, generalisation, generalisation of meaning)*
- *figurative extension*
- *overgeneralisation (overextension, overgeneralization)*
- ... *narrowing (specialisation, specialisation of meaning, restriction of meaning)*
- ... *metaphor (word metaphor)*
- ... *metonymy*
- ... *synecdoche*
- ... *elevation (melioration, amelioration)*
- ... *pejoration (degradation, deterioration)*
- ... *desynonymisation*
- .. *word building/2/ (word-formation, composition/obs/).*
- .. *derivation/2/ (morphological derivation, synaesthesia, synesthesia)*
- *affixation*
- *suffixation*
- *prefixation*
- *expletive infixation*
- *back-formation (backformation, back-derivation, disaffixation*
- ... *conversion/1/ (affixless derivation, zero derivation, zero-derivation, zero affixation, zero-suffixation, functional shift)*
- *partial conversion*
- *substantivation (substantivisation, substantivation of adjectives)*
- *perfect substantivation*
- *partial substantivation*
- *lexicalisation/2/ [of plural forms – customs, drops, etc.]*
- *etymological derivation*
- ... *compounding (composition, word composition)*
- *reduplication (repetition)*
- *neoclassical compounding*
- ... *abbreviation/process/*
- *lexical abbreviation (abbreviation of words)*
- *clipping (reduction, apocope, truncation)*
- *aphaeresis*
- *syncope*
- *syntactical abbreviation (syntactical shortening)*
- *initial abbreviation (alphabetism)*
- *acronymy*
- *graphical abbreviation*
- *graphical abbreviation of native origin*
- *blending*
- .. *sound interchange*

- . . *stress interchange*
- . . *onomatopoeia (sound imitation)*
- . . *transnomination*
- . . *ellipsis*
- . . *borrowing*
- . . . *material borrowing*
- *lexical borrowing*
- *formal borrowing (phonetic borrowing)*
- *morphological borrowing (morphemic borrowing)*
- *loan translation (translation loan)*
- *loan word borrowing*
- *semantic borrowing*
- *mixed borrowing*
- *half-borrowing*
- *hybrid borrowing*
- . . . *assimilation*
- *lexical assimilation (semantic assimilation)*
- *graphic assimilation*
- *phonetic assimilation*
- *grammatical assimilation*
- *lexicalisation/1/ [of phrases]*
- . *analogy /in word-forming usage of pattern/*
- . *collocation process*
- . *neologising*
- . *regional diffusion*
- . *relexification*

Большинство понятий и терминов этой категории относятся к различным видам номинации – заимствованию, семантическим сдвигам, деривации, аббревиации и т.д.

В русской лексикологической терминологии 102 термина используется для номинации 79 понятий, относящихся к полю «лексические процессы».

При учете иерархических отношений между понятиями и гиперо-гипонимических отношений между терминами, их обозначающими, русское терминологическое поле «лексические процессы» может быть представлено следующим образом:

лексические процессы

- . *номинация*
- . . *словообразование (деривация, словопроизводство)*
- . . . *лексико-семантическое словообразование (семантическое словообразование, семантическая деривация, семантический сдвиг)*
- *метафорический сдвиг (метафора)*
- *Функциональная метафора*
- *Ломаная метафора (противоречивая метафора, смешанная метафора)*
- *последовательная метафора (расширенная метафора, устойчивая метафора)*
- *метонимический перенос (метонимия)*
- *Лексическая метонимия (окаменевшая метонимия, стертая метонимия)*
- *апеллятивация*
- *Синекдоха*
- *Расширение значения (генерализация значения)*
- *Сужение значения (специализация значения)*
- *Внутриязыковое заимствование*
- *Терминологизация*
- *Детерминологизация*
- . . . *лексико-синтаксическое словообразование*
- *сращение*

- ... морфологическое словообразование
 - Аффиксация
 - Суффиксация
 - Префиксация
 - Суффиксально-префиксальное словообразование (Суффиксально-префиксальный способ словообразования)
 - безаффиксное словообразование
 - усечение
 - апокопа
 - синкопа
 - афerezис
 - обратное словообразование (редеривация)
 - ... конверсия
 - субстантивация
 - адъективация причастий
- ... морфолого-синтаксическое словообразование
 - эллипсис
 - сложение
 - основосложение
 - словосложение
 - синонимическое сближение
 - парное сближение
 - удвоение (редупликация)
 - сложносуффиксальное сложение
 - сложносокращение
 - аббревиация
 - слоговая аббревиация
 - слогозвуковая аббревиация
 - звукослоговая аббревиация
 - инициальная аббревиация (акронимия)
 - буквенная аббревиация
 - звуковая аббревиация
 - смешанная аббревиация (буквозвуковая аббревиация)
 - инициально-цифровая аббревиация
- .. заимствование
 - ... устное заимствование (трансфонация)
 - ... Письменное заимствование (транслитерация)
 - ... Прямое заимствование
 - ... Косвенное заимствование
 - ... Материальное заимствование
 - Лексическое заимствование
 - Формальное заимствование
 - Морфемное заимствование
 - ... калькирование
 - Словообразовательное калькирование
 - Фразеологическое калькирование
 - Семантическое калькирование
 - ... Смешанное заимствование
 - Полузаимствование
 - Гибридное заимствование
- .. Ассимиляция
 - ... Фонетическая ассимиляция
 - ... Графическая ассимиляция.
 - ... Грамматическая ассимиляция
 - ... Лексическая ассимиляция (семантическая ассимиляция)

- . . . Русификация заимствования
- . . . Интернационализация
- . . . Лексикализация заимствуемых словосочетаний
- . опрощение
- . переразложение
- . замещение

Различия между английским полем «лексические процессы» и его русским соответствием в количественном отношении можно объяснить тем, что в русском языкознании лексикология давно признана и достаточно полно исследована и упорядочена. Поэтому синонимия в русской лексикологической терминологии представлена не так широко, как в английской.

Сопоставление двух национальных лексических систем (полей) позволяет обнаружить различия в понимании данной предметной области, несмотря на их схожесть, обусловленную рассмотрением одной и той же предметной области. Так, например, в российском языкознании *лексико-семантическое словообразование* может рассматриваться как разновидность *словообразования* (см., напр. [Шанский 2019]), а в английском языкознании данное понятие не рассматривается.

Еще пример, указывающий на существующую разницу в понимании понятия «лексические процессы» в русской и английской лингвокультурах: в русской терминологии лексикологии имеются такие термины, как *ломаная метафора, противоречивая метафора, смешанная метафора, последовательная метафора, расширенная метафора, устойчивая метафора, лексическая метонимия, окаменевшая метонимия, стертая метонимия*, аналоги которых отсутствуют в английской терминологии лексикологии.

В русском языкознании замечены и описаны такие исторические процессы, как *опрощение, переразложение* и *замещение*, а в английском языкознании они не были предметом специального исследования, хотя такие процессы там происходили.

Показательно, что классификация понятий зависит в большей степени от культурных условий, чем от языковой разницы. Нами замечено, что в странах, говорящих на одном языке (Великобритании, Канаде и США), были значительно различающиеся классификации, например, понятий, относящихся к родовому понятию «горная порода».

Заключение

По нашему мнению, творческое наследие Й. Трира не было должным образом оценено его последователями. Во-первых, Й. Трир выделил два основных, наиболее важных вида поля – *лексическое* и *понятийное*, отчетливая разница между которыми была недостаточно оценена и это привело к современному разночтению в осмыслении теории поля, в употреблении и в понимании используемой терминологии.

Во-вторых, была проигнорирована главная идея его исследования – изучить развитие национальной культуры и национального мышления на основе его отражения в исторических изменениях словаря. В результате большинство диахронических исследований поля на материале *лексических полей* свелись к описанию формальных исторических изменений лексики без попыток их осмысления и интерпретации.

Возврат к этой идее вызвал появление новой науки – антропологической лингвистики, изучающей эволюцию человеческого мышления на основе ее отражения в соответствующей эволюции языка (прежде всего его лексики).

Системное сопоставление терминологий разных языков позволяет углублять наши знания с учетом всех понятий, отраженных в сопоставляемых национальных терминологиях, и ускорять развитие познания.

Литература

1. *Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 3-е изд. стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2013. 576 с.
3. *Вендина Т.И.* Введение в языкознание: учеб. пособие для педагогических вузов / Т.И. Вендина. М.: Высш. шк., 2002. 288 с.
4. *Ганеев Б.Т.* Язык: учебное пособие. 2-е изд., перераб., доп. Уфа: БГПУ, 2001. 272 с.
5. *Городецкий Б.Ю.* К проблеме семантической типологии. М.: Изд-во МГУ, 1969, 564 с.
6. *Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А.* Семантические основы антропогенеза // Новое в теории языка: монография / под ред. А.И. Фёфилов. Ульяновск: УлГУ, 2020. С. 71–105.
7. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
8. *Каспрук Д.И.* Антрополингвистические аспекты сопоставительного исследования лексики на примере семантического поля «fitness»: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2017. 19 с.
9. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика: учеб. пособие / И.М. Кобозева. М.: Едиториал УРСС, 2000 350 с.
10. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука. 2003. 320 с.
11. *Новиков Л.А.* Семантическое поле как текстовая структура / Л.А. Новиков // Теория поля в современном языкознании: материалы научно-теоретического семинара. Уфа: Башкирск. ун-т. 1997. Ч. IV.
12. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь трудностей русского языка. М.: Рольф, Айрис-пресс, 1998. 576 с.
13. *Рулевская Е.С.* Особенности вербализации понятия «художник» в английском и в русском языках: автореф. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2024. 22 с.
14. *Смирнова А.Н.* Сопоставительный антрополингвистический анализ многозначных лексем: автореф. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2024. 28 с.
15. *Цораева О.И.* Антрополингвистические аспекты сопоставительного исследования (на примере семантического поля «успех» в английском и русском языках): автореф. ... канд. филол. наук. М., 2021. 33 с.
16. *Шайкевич А.Я.* Введение в лингвистику: учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / А.Я Шайкевич. М.: Академия, 2005. 400 с.
17. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
18. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М.: Флинта, 2019. 336 с.
19. *Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур; предисл. М.М. Маковского. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2007. 253 с.
20. *Ipsen G.* Der alte Orient und die Indogermanen / G. Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft // Festschrift für W. Streiberg. Heidelberg. 1924. S. 200–237.
21. *Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg. 1931. 347 s.

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НАУКИ О ТЕРМИНАХ¹

The paper presents the main results of the author's activities on the following problems of terminology: what is a term and what other groups (classes) of special scientific and technical vocabulary are, where the boundaries of the variability of the term lie, how the degree of motivation of the term-phrase affects its desirable length, what is the conceptual structure of terminology and how it can be identified and presented.

Настоящие материалы обобщают исследования автора по терминоведению за многолетний период научной работы в этой области (более подробно с этими исследованиями можно познакомиться в работах (Шелов 2003; Шелов 2008; Шелов 2009; Шелов 2012; Шелов, Лейчик 2007; Шелов, Лейчик 2012а; Шелов, Лейчик 2012б). Материалом исследования послужила, как правило, русская терминология 1985–2005 гг., как она представлена в текстах различных работ и в толковых терминологических словарях. Анализ проводился на материале терминологии самых различных областей знаний, дисциплин и сфер деятельности – от техники до философии, от математики до религии, от естественных наук до гуманитарных.

В краткой, почти реферативной форме, настоящие материалы подводят итоги этой работы по следующим, как представляется, основным вопросам науки о терминологии и терминах:

1. Каковы критерии отнесения языковых единиц к терминологии и каковы критерии выделения этих единиц в текстах? Иными словами, **что есть термин?**

2. Идентифицировав несколько различные по форме или по значению языковые знаки как термины, чаще всего мы сталкиваемся с вопросом: имеем ли мы дело с одним и тем же термином (т.е. с различными разновидностями одного термина) или с разными терминами, иными словами, с вопросом о том, **каковы варианты термина и где пределы вариативности термина?**

3. Другая проблема касается оценки **мотивированности термина** как языкового знака. Она является частным, но важным случаем одной из самых древних и острых проблем общего языкознания о мотивированности или немотивированности языкового знака; в частности, в своих практических приложениях этот вопрос требует решения задачи: следует ли в нормативной работе немотивированным терминам отдавать предпочтение перед немотивированными? На исследуемом материале задача осложняется еще и вопросом о наличии или отсутствии сугубо специфических типов мотивации терминов на фоне мотивации общезыковых единиц.

4. Еще один вопрос огромной теоретической и практической важности – вопрос о **понятийной структуре терминологии**. В самом деле, какова понятийная организация научной терминологии и каково ее соотношение с так называемыми терминологическими полями? Возможно ли объединение терминологических полей в понятийную структуру терминологии в целом? В связи с тем, что особо важную роль в понятийной организации терминологии играют, по мнению значительного числа исследователей, **родо-видовые (гиперо-гипонимические) и цело-частные (тотативно-партитивные) отношения**, возникает также следующий вопрос: какова в соответствии с принятыми исходными положениями родо-видовая структура и цело-частная структура терминологии и в какой мере эти структуры охватывают понятийную структуру терминологии в целом?

¹Настоящая статья воспроизводит одноименную публикацию автора в сборнике «Слов'янське термінознавство кінця ХХ – початку ХХІ століть» (Київ: Видавництво «Жнець», 2018. С. 159–176).

5. Вместе с тем положение о природе термина и достижение ясности в том, что такое термин, теснейшим образом связаны с еще одной группой вопросов: имеются ли другие и какие именно **отличные от терминологии типы специальной лексики и каково их соотношение с терминологией** с точки зрения сущностных характеристик как терминов, так и этих нетерминологических лексических единиц? Известно, что при ответе на этот вопрос часто упоминаются и противопоставляются терминам **номены** (участвующие в образовании обширных классов **номенклатуры**). Однако ясности в соотношении этих единиц с терминологией до настоящего времени не существует, в связи с чем решение вопроса о соотношении терминологии и номенклатуры безусловно представляет и общелингвистический, и прикладной интерес.

Другой класс языковых единиц, традиционно обсуждаемый в связи с терминологией, но с терминологией как будто бы не совпадающий – это профессиональная лексика. И здесь точки зрения весьма различны, причем соотношение терминологии и профессиональной лексики остается весьма далеким от ясности. Уточнение места терминологии среди других классов специальной лексики – и, в первую очередь, ее соотношение с **профессиональной лексикой** остается весьма актуальным. Это уточнение представляется целесообразным провести, по крайней мере, первоначально на материале функционирования термина в своей «родной стихии» – в научных исследованиях, в научно-технической документации, в профессиональных публикациях, в терминологических словарях, энциклопедиях, справочниках и т.п., и лишь затем, с учетом полученных результатов, расширить исследование до изучения использования терминов в иных сферах – в средствах массовой информации, в художественной литературе, в публицистике и др.

Выбранная форма изложения сводится только к формулировке итоговых результатов и не позволяет прибегать к многочисленным иллюстрациям-примерам, обоснованию или, тем более, полемике с другими точками зрения. Автор надеется, что актуальность предложенных решений заключается, во-первых, в их комплексности, во-вторых, в их конструктивном характере, ибо все они допускают верификацию (что связано с интересами автора к компьютерным приложениям терминологической проблематики), и, в-третьих, в их применимости к самому разнообразному как в языковом, так и в научно-тематическом отношении материалу специальной лексики.

Все же каждое предложенное решение кратко иллюстрируется некоторым количеством языковых примеров, что позволяет читателю соотнести излагаемую точку зрения со своей интуицией и собственными взглядами на поставленный вопрос.

1. Были проанализированы многочисленные определения понятия «термин» как в отечественных, так и в зарубежных работах, с учетом устойчиво повторяющихся критериев отнесения языковых знаков к термину:

- профессиональность и специальность называемого термином понятия;
- правомерность и неправомерность отнесение термина к лексике литературного языка или к другим формам существования развитых национальных языков;
- необходимость и достаточность наличия у языкового знака дефиниции (толкования, объяснения) для его идентификации как термина;
- точность, строгость обозначенного понятия (или его определения) для признания соответствующего языкового обозначения термином.

Нами была предложена следующая **дефиниция понятия «термин»**:

А. Языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), соответствующий норме его употребления в профессиональном или ином сообществе и выражающий специальное понятие какой-либо области знания и в силу этого имеющий дефиницию (толкование, объяснение), является термином.

Б. Языковой знак (словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), соответствующий норме его употребления в профессиональном или ином сообществе является термином, если он выражает специальное понятие какой-либо области знания и мотивируется языковыми знаками (словами, словосочетаниями, сочетанием слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), хотя бы один из которых признается термином в силу п. А¹.

Такое определение, с нашей точки зрения, более соответствует сути термина, чем те традиционные его формулировки, которые ориентированы на непрерывную связь термина с его дефиницией. Во-первых, оно напрямую связывает «специальность», «специфичность» понятия, называемого термином, и необходимостью его объяснять именно в силу этой «специальности» и «специфичности» (что часто остается незамеченным). Во-вторых, оно включает в процесс объяснения понятийного содержания термина не только определение, но и постоянно происходящие процедуры понятийной мотивации термина. В-третьих, при всей принципиальной роли дефиниции (толкования) или объяснения содержания термина, которая им отводится при таком определении термина, чрезвычайно важно, что это определение охватывает и такие языковые обозначения, которые интуитивно включаются в терминологию, несмотря на отсутствие каких бы то ни было дефиниций или толкования поименованными этими обозначениями понятий. Действительно, невозможно не считать терминами более сложные в лексическом, синтаксическом и семантическом отношении словосочетания, содержащие уже дефинированные терминологические фрагменты в качестве своих компонентов. Именно эту принципиальную возможность атрибуции как терминов словосочетаний, не имеющих собственных дефиниций, возможность, связанную с важнейшим явлением лексико-синтаксической мотивации термина, и учитывает предложенное понимание понятия термина.

Примеры.

Терминами (и одновременно единицами профессиональной лексики), независимо от их словесной длины, частеречной характеристики, мотивированности или немотивированности, являются согласованные с нормой устоявшегося словоупотребления наименования специальных понятий таких сфер профессиональной деятельности, как наука (включая гуманитарные области знания), техника, искусство, ныне живущие ремесла и т.п.:

– **лингвистики:** морфема, наклонение, рема, слово, слог, тема; Закон Даля, первое спряжение, синтаксическая конструкция, двойственное число, глагольная основа; гипотеза Сепира-Уорфа, грамматическая категория глагола, грамматическая категория существительного, диссимилятивное упрощение звукового состава слова, формально выраженная смысловая связь между знаменательными словами, чередование гласных и т.п.;

– **математики:** косинус, медиана, многочлен, треугольник, функция; бином Ньютона, Великая теорема Ферма, непрерывная функция, комплексное число, параллельные стороны трапеции, непараллельные стороны трапеции, радиус вписанной в треугольник окружности, точка пересечения медиан треугольника, интеграл от непрерывной функции, прямое произведение неприводимых представлений группы, спектр нормального оператора и т.п.;

– **архитектуры:** беседка, закомара, консоль, обрешетка, павильон; коринфский портик, ложный свод, нулевой цикл, площадь застройки; навесные стеклянные стены зданий, прямоугольная решетка металлического каркаса, многофункциональные здания современных небоскребов, выступающие из плоскости стеклянной стены балконы разной глубины, плоская кровля объема, архитектурное завершение объема, разность отметок поверхности проезда для пожарных машин и т.п.;

¹ Полагая, что любое закрепление понятийного содержания языкового знака может быть сведено к его определению (что, на наш взгляд, является существенным огрублением сути дела), в приведенных формулировках можно всюду вместо слова *объяснение* вставить более частное *определение* (или *дефиниция*).

– **биологии:** ген, капилляр, партеногенез, цветонос, черенкование; амилофильные растения, двойной околоцветник, законы Менделя, кишечный канал, подъязычная железа, птичий базар; механизм разделения хромосом, фаза деления соматической клетки, удвоение клеточных центров, полюс веретена деления, экваториальная плоскость клетки, удвоения хромосом путем продольного расщепления и равномерного распределения между дочерними клетками, центр организации микротрубочек и т.п.

– **философии:** антиномия, дефиниция, добро, герменевтика, либерализм; абсолютный дух, бритва Оккама, диалектический материализм, естественное право, общественно-политическая формация; общественно-исторический процесс творческой деятельности людей, переход человеческих деятельных сил из формы движения в форму предмета, совокупность материальных отношений людей к природе и друг к другу, субъективный образ объективной реальности, форма общественного сознания и т.п.;

– **правил дорожного движения:** водитель, дорога, обгон, остановка, полуприцеп; вынужденная остановка, железнодорожный переезд, населенный пункт, преимущественное право, транспортное средство; прекращение движения транспортного средства, пересечение дороги с железнодорожными путями, место пересечения, примыкания или разветвления дорог, продольная полоса проезжей части и т.п.

2. Относительно понятия **вариативности термина**, имеются весьма разнообразные и частично противоречащие друг другу точки зрения. Специфические свойства термина настоятельно требуют учета разграничения общезыкового и специального знания, разграничения индивидуальных особенностей языкового знака как представителя той или иной предметной области или дисциплины (прежде всего, в понятийной семантике) и как представителя единицы общего языка, подчиняющейся регулярным соотношениям и трансформациям общего языка. Предложенное понимание термина позволяет по-новому решать вопросы соотношения синонимии и вариативности терминов, а также смежные задачи соотношения и того, и другого с дублетностью и эквивалентностью терминов. Вариативность терминов может представлять собой факты терминологической синонимии, а синонимия терминов, в свою очередь, может включать и значительное число терминологических вариантов. В то же время регулярность лексико-синтаксических преобразований, выполняемых в общем языке, не затрагивающих специфическую природу термина, позволяет говорить о существовании весьма различных форм одного и того же термина, особенно в случае терминологического словосочетания, когда говорить о тех же единицах как о вариантах одного словосочетания общего языка невозможно. В силу этого в общем плане вариативность терминов и их синонимия далеко не совпадают и не связаны родо-видовыми (гиперо-гипонимическими) отношениями; ни синонимия терминов не является частным случаем их вариативности, ни вариативность не является частным случаем синонимии.

Предлагаются следующие дефиниции терминов *синонимия*, *дублетность*, *эквивалентность* и *вариативность терминов*, которые позволяют их различать.

Синонимия терминов (терминологическая синонимия) – идентичность значения того, что обозначено этими терминами, объяснимая лексической синонимией в рамках общего языка (и, следовательно, объяснимая, напр., синонимией аффиксов, синонимией синтаксических конструкций и т.п.).

Дублетность терминов (терминологическая дублетность) – разновидность синонимии терминов, при которой для обозначения одного и того же специального понятия наряду с исконным термином-словом или терминологическим словосочетанием используются терминологические слова или словосочетания, заимствованные из другого языка.

Эквивалентность терминов (терминологическая эквивалентность) – денотативная идентичность обозначенного этими терминами, не объяснимая фактами общего языка (напр., синонимией аффиксов, синонимией синтаксических конструкций, лексической синонимией и т.п.) и устанавливаемая только путем анализа фактов предметной области или традицией номинации в ней.

Вариативность / вариантность терминов (терминологическая вариативность / вариантность) – соотношение ряда терминов, при котором все они имеют общность понятийного содержания, обусловленную соответствующим определением (толкованием или объяснением) одного из них, а все различия в понятийном содержании терминов того же ряда, во-первых, не касаются собственно специального понятийного содержания данной области знания и, во-вторых, могут быть полностью объяснены регулярными преобразованиями (трансформациями) языковой структуры терминов того же ряда, которые имеют место в общем (неспециальном) языке (синонимией аффиксов, синонимией синтаксических конструкций, их наращиванием (добавлением) или редукцией, добавлением служебных слов, изменением синтаксической структуры и т.п.).

Особый интерес вызывает мало изученная вариативность терминов, допускающая соотношение языковых единиц, не тождественных ни по форме, ни по содержанию, но в силу регулярности соответствующих соотношений в общем языке обеспечивающая единство термина как функциональной единицы и прогнозируемость ее вариативной модификации, в качестве которой можно рассматривать и, насколько нам известно, впервые выявленные автором данной работы категориально-синтаксические варианты терминов.

Примеры.

Терминологическими синонимами (но не дублетами, не вариантами и не эквивалентами) являются члены рядов *языкознание – лингвистика, шнек – червяк, прогностика – футурология, лексика – словарь* (примеры К.Я. Авербуха).

Терминологическими эквивалентами (но не синонимами, не дублетами и не вариантами) являются члены рядов *алкилен – алкен, гексаметилентетрамин – уротропин, лавсан – полиэтилентерефталат – терепласт* (примеры В.М. Лейчика).

Словообразовательными вариантами (и одновременно синонимами, но не дублетами и не эквивалентами) являются члены рядов *бульдозерчик – бульдозерист, федерирование – федерализация, аккредитирование – аккредитация, бенефициар – бенефициарий, приращение – прирост, запрещение – запрет* и т.п. (примеры Т.С. Пристайко и др.).

Как синтаксические варианты (и одновременно как синонимы, но не как дублеты и не как эквиваленты) можно рассматривать члены терминологических рядов *бурение взрывом – взрывное бурение, тележка крана – крановая тележка, корзина для мусора – мусорная корзина* (примеры С.В. Гринева-Гриневица), *наложение морфем – морфемное наложение, префиксальный способ словообразования – способ префиксального словообразования, исходное слово словообразовательного гнезда – исходное слово в словообразовательном гнезде, основосложение – сложение основ* [примеры Е.В. Мариновой].

Категориально-синтаксическими вариантами (но не синонимами, не дублетами и не эквивалентами) одного термина являются члены терминологических рядов: *содержательное варьирование морфем – морфемы, варьирующиеся содержательно – содержательность варьирования морфем; грамматическая группировка лексических единиц языка – лексические единицы языка, сгруппированные грамматически – грамматическая сгруппированность лексических единиц языка; фонетически обусловленное аллофонемное чередование – фонетическая обусловленность аллофонемного чередования (языкознание); параллельная прямая – параллельность прямых – прямая, параллельная (другой) прямой; разложимый оператор – разложимость оператора – разложение оператора, обратная матрица – обратимость матрицы – обращение матрицы – матрица, обратная для (другой) матрицы (математика); обезвреженный буровой шлам – обезвреживание бурового шлама – обезвреженность бурового шлама (нефте-, газо- и угледобыча); пропускаемый ток короткого замыкания – пропускание тока короткого замыкания – пропускаемость тока короткого замыкания (электротехника) и т.п.*

3. По завершении по необходимости краткого исторического обзора точек зрения, с опорой на те же представления, исследуются вопросы **мотивированности термина**. Несколько положений здесь представляются принципиальными: утверждения о мотивированности как о количественно градуированном свойстве термина, проявляющемся в большей или меньшей степени, и тезис о том, что мотивированность не является непременным атрибутом термина и даже непременно желательным его

свойством (только в отношении термина-словосочетания можно говорить о желательной его точности относительно мотивирующих этот термин компонентов).

Вместе с тем терминологическая мотивация может допускать совершенно уникальные характеристики по сравнению с мотивацией общеязыковых единиц: в отдельных терминах-словосочетаниях мотивация может активно использовать специфическую семантику области, что приводит к тому, что термин, будучи абсолютно мотивированным, не является мотивированным только с помощью своих материальных компонентов, но предполагает «мотивировочный вывод» своего содержания также и с помощью других терминов, обозначающая (материальная) часть которых непосредственно в составе мотивированного термина не содержится.

Примеры.

Термины *однородные (между собой) граммы, чередование гласных, глагольная основа* являются мотивированными, однако они мотивированы не только с помощью своих материальных компонентов (терминоэлементов). Для понимания термина *однородные (между собой) граммы* необходимо понимание не только термина *грамма*, но и термина *однородные элементы значения*, для понимания термина *чередование гласных* требуется понимание не только терминов *чередование* и *гласный*, но и термина *звук (речи)*, для понимания термина *глагольная основа* необходимо понимание не только терминов *глагол* и *основа*, но термина *словоформа*. Аналогично для понимания термина *ранг суммы матриц* необходимо не только понимание терминов *матрица* и *сумма матриц*, но и понимание термина *ранг матрицы*, а он не является терминоэлементом обозначения *ранг суммы матрицы*. Следовательно, явление мотивированности термина – явление более общее, чем явление разложимости (членимости) термина: для мотивации термина могут потребоваться не только его компоненты (терминоэлементы), но и другие термины.

4. При выяснении характера **понятийной организации терминологии** два момента считаются весьма существенными: разграничение ономаσιологического и семасиологического подхода и различие в ориентации семантического изучения терминологии и ее функционирования на фоне и в рамках общего языка (в сфере лексиса, по терминологии А.А. Реформатского), и на фоне и в рамках специального языка (подъязыка) данной области знания, дисциплины, тематической области (в сфере логоса, по терминологии А.А. Реформатского).

При этом для адекватного представления понятийной организации терминологии полезно ввести несколько однотипных, но существенно различных понятий, уточняющих общую идею терминологического поля – поля того или иного термина:

- семантическое поле термина;
- понятийное поле термина;
- понятийно-терминологическое поле термина;
- лексическое поле термина;
- терминологическое поле термина;
- базовое (собственно) терминологическое поле термина.

Все введенные понятия основаны на одной и той же идее – идее семантической или понятийной производности одних единиц (односторонних или двусторонних) от других. В практике словарных определений эта идея воплощается в отношении определимости одних единиц через другие, причем соотношения между всеми уточнениями идеи «поля» достаточно прозрачны: понятийное поле является частью семантического поля, так же, как понятийно-терминологическое поле является частью понятийного поля, а базовое терминологическое поле – частью понятийно-терминологического поля. Совершенно аналогично терминологическое поле является структурной частью лексического, а базовое (собственно) терминологическое – частью терминологического.

Введенные понятия таковы, что позволяют объединением всех полей отдельных терминологических единиц получить соответствующую общую терминологическую и базовую терминологическую структуру (картину) науки, научной дисциплины или тематической области. Таким образом, решается задача не членения понятийного

пространства (понятийного плана) области, заданного каким-то образом извне, но его построения на пути от понятийного поля отдельного термина до формирования понятийных полей потенциально всех терминов науки, дисциплины области знания, в своей совокупности и задающих понятийную структуру терминологии.

Предлагается считать, что базовое терминологическое поле термина – это множество всех понятийных связей данного термина с другими базовыми терминами (т.е. терминами, имеющими собственную дефиницию / толкование / объяснение), необходимыми для его понятийной идентификации, или с базовыми терминами, для понятийной идентификации которых необходим данный термин. Термины, необходимые для понятийной идентификации данного, либо явно используются в системе объяснения понятийного содержания данного термина (чаще всего, в тексте определяющего выражения соответствующей дефиниции), либо являются мотивирующими его содержание (если термин является мотивированным). Таким образом, состав (базового) терминологического поля отдельного термина полностью обусловлен системой дефиниций (толкований), включающей дефиницию (толкование) данного термина; состав терминологического поля мотивированного термина обусловлен мотивацией терминов и включает все самостоятельные, автономные термины, мотивирующие данный. Свойство определенности термина через другие формирует уровневую понятийную структуру всей терминологии, в которой каждый термин характеризуется своим уровнем (нулевым, первым, вторым, третьим и т.д.), что позволяет наглядно представить и использовать эту понятийную структуру в различных практических приложениях.

Вместе с тем следует признать, что при наличии у любого термина своего семантического и понятийного поля не у всех терминов, вопреки традиционной точке зрения, имеются собственные понятийно-терминологические поля или, тем более, базовые поля. Возможна ситуация уточнения понятийного содержания термина посредством дефиниции, при которой уточненный термин понятийно непосредственно не связан ни с одним термином данной области, причем такая ситуация не препятствует выполнению термином своих номинативных функций.

Мы представили попытку описать понятийно-терминологические и базовые поля терминов самых различных наук, дисциплин и областей знания. В частности, на материале популярного учебника по языкознанию Ю.С. Маслова [Введение в языкознание. М., 1998] была дана характеристика понятийной структуры терминологии языкознания, охватывающей 2067 терминов (из которых 581 базовый) и, в частности, характеристика ее родо-видовой и цело-частной подструктуры.

Примеры.

В упомянутом учебнике по языкознанию термин *аблаут* получает следующее определение:

Аблаут. Чередование гласных в германских языках в формах сильных глаголов, а также при образовании от этих глаголов других слов.

Тогда, согласно этому определению, **базовое терминологическое поле термина аблаут** составят следующие терминологические единицы:

ВЫШЕ: глагол, гласный, слово, чередование, язык.

НИЖЕ нет ни одного термина (так как ни один термин не определяется через термин *аблаут*)

В словаре Н.В. Васильевой и др. [Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995] термин *зalog* получает такую дефиницию:

Зalog. Грамматическая категория глагола, выражающая характер отношения действия к его субъекту и объекту.

Тогда, согласно этому определению (и определениям всех нижележащих терминов), **базовое терминологическое поле термина зalog** составят следующие терминологические единицы:

ВЫШЕ: грамматика 1, грамматическая категория, глагол, субъект, объект;

НИЖЕ: *возвратная форма глагола, возвратный глагол, глагол, действительный залог, пассивизация, пассивная конструкция, страдательный залог.*

В словаре рекомендуемых терминов [Робототехника. Терминология // Сборники научно-нормативной терминологии. Вып. 115 /Отв. ред. академик РАН Е.П. Попов. М., 2000] термин *управление роботом* имеет следующее определение:

Управление роботом. Процесс выработки и осуществления совокупности воздействий на **приводы** или **рабочие органы робота**, обеспечивающий пространственное перемещение **рабочего органа** или связанного с ним объекта с учетом ограничений

Тогда, согласно этому определению (и определениям всех нижележащих терминов), **базовое терминологическое поле термина управление роботом** составят следующие терминологические единицы:

ВЫШЕ: *робот, привод робота, рабочий орган;*

НИЖЕ: *автоматическое управление, групповое управление, копирующее управление, автоматизированное управление, дистанционное управление, командное управление, индивидуальное управление, инструментальный язык программирования систем управления.*

5. Уточнение природы термина и понятийной организации терминологии остро ставит вопросы о других классах языковых единиц, не являющихся терминами, но «соседствующих» с ними по функциям и сфере использования. Что это за лексические единицы и каково их соотношение с терминологией? Наиболее часто упоминаемые в этой связи языковые единицы – это представители **номенклатурных обозначений и профессиональной лексики.**

Обращение к противопоставлению терминологии и номенклатуры выявило несколько различных подходов к пониманию «номенклатуры», некоторые из которых имеют глубокие философские и общенаучные корни. В этой связи пришлось отказаться от весьма запутанных терминологических номинаций в рамках самого терминоведения и говорить о номенклатуре как о совокупности номенклатурных наименований и о номенах как части номенклатурного наименования. Номены при таком подходе, действительно, оказываются противопоставленными терминологии, однако номенклатура как совокупность всех номенклатурных наименований оказывается лишь частью (хотя и особой частью) терминологии. Предпринята попытка последовательно провести это решение на материале самых различных наук и областей знаний – от технических до философских и от гуманитарных – до точных и естественнонаучных; это решение, по-видимому, актуально и для самых различных европейских языков. Предложенное понимание номенклатуры позволяет установить место различных номенклатурных наименований в их общей совокупности и различать топонимическую и антропонимическую номенклатуру (включая и эпонимическую номенклатуру), объектную и метаобъектную номенклатуру, буквенную, цифровую и буквенно-цифровую номенклатуру и т.п. При всем разнообразии понимаемых таким образом номенклатурных наименований их плюсы и минусы по сравнению с другой частью терминологии имеют одинаковую природу: проигрывая аналитическим, частично или полностью мотивированным терминам в прозрачности своей смысловой и логической структуры, в своей мотивированности и аналитичности, они выигрывают в краткости и синтетичности номинации, обозначении сложного сочетания различных признаков понятия или объекта лаконичным способом.

Примеры.

Номенклатурными наименованиями (и терминами) физики являются:

волны де Бройля, второй закон Ньютона, градус Фаренгейта, градус Цельсия, сила Кориолиса, сосуд Дьюара, телескоп Галилея, температура Кюри, эффект Вавилова-Черенкова; закон тяготения Эйнштейна, зоны Бриллюэна, уравнение Дирака, Фурье-анализ, в которых номенами являются соответственно де Бройля, второй и Ньютона, Фаренгейта, Цельсия, Кориолиса, Дьюара, Галилея, Кюри, Вавилова-Черенкова; Эйнштейна, Бриллюэна, Дирака, Фурье.

Номенклатурными наименованиями (и терминами) языкознания являются *Бругмана закон, Ваккернагеля закон, Гавлика закон (правило), гипотеза Сепира-Уорфа, Даля закон, Фортунатова-*

де Соссюра закон; Женевская школа, Ленинградская фонологическая школа, Московская фонологическая школа, Пражская лингвистическая школа, в которых номенами являются соответственно Бругмана, Ваккернагеля, Гавлика, Сепира-Уорфа, Даля, Фортунатова-де Соссюра; Женевская, Ленинградская, Московская, Пражская.

Номенклатурными наименованиями (и терминами) техники являются *батарея аккумуляторная 6СТ-75 ЭРС, батарея аккумуляторная 6СТ-75 ТМС, масло моторное автомобильное для карбюраторных двигателей М8Г1, масло моторное автомобильное для карбюраторных двигателей М8В1Ю, масло трансмиссионное ТАП-15В, масло трансмиссионное ТАД-17И, тормозная жидкость Нева, тормозная жидкость ГТЖ-22М*, в которых номенами являются соответственно *6СТ-75 ЭРС, 6СТ-75 ТМС, М8Г1, М8В1Ю, ТАП-15В, ТАД-17И, Нева, ГТЖ-22М.*

Номенклатурными наименованиями тематической области «Шахматы» являются словосочетания *английское начало, венская партия, защита Алехина, защита Каро-Канн, защита Филидора, защита Чигорина, индийская защита, испанская партия, русская партия*, в которых номенами являются соответственно *английская, венская, Алехина, Каро-Канн, Филидора, Чигорина, индийская, испанская, русская.*

6. Сложным образом соотносятся друг с другом терминология и **профессиональная лексика**. С одной стороны, имеются сотни тысяч и даже миллионы наименований, которые справедливо могут быть одновременно отнесены и к терминологии, и к профессиональной лексике. С другой стороны, во-первых, существует терминология, представляющая непрофессиональные занятия, в силу чего обнаруживаются классы единиц, относящихся к терминологии, но не входящих в профессиональную лексику. Во-вторых, в профессиональной лексике имеются единицы, не соответствующие ни литературной, ни профессиональной норме, хотя и обозначающие специальные понятия; к таковым в настоящем исследовании отнесены **профессионализмы (профессиональные коллоквиализмы), профессиональные жаргонизмы, единицы профессионального просторечия**. Кроме того, в составе профессиональных номинаций существуют особые лексические единицы и выражения, не обозначающие специальных понятий, но принятые к употреблению именно в соответствующей среде профессионалов – **профессиональные арготизмы** (не жаргонизмы!) или **профессиональные характеристики**. Безусловно входя в профессиональный лексикон, такие образования не могут считаться терминами, от которых традиционно и не без основания требуется обозначение специальных понятий и соответствие либо литературной, либо профессиональной норме. Следовательно, ни терминология не является частью профессиональной лексики, ни профессиональная лексика не образует части терминологии, а профессиональная лексика в каких-то своих частях оказывается шире терминологии, достаточно далеко выходя за ее рамки.

Примеры.

И терминами, и единицами профессиональной лексики являются десятки и сотни тысяч наименований специальных понятий в рамках той или иной профессии, соответствующих норме профессионального общения (см. примеры п. 1).

Терминологию, но не профессиональную лексику образуют наименования специальных понятий, используемых вне рамок профессионального общения, как то: религиозная и церковная лексика, особая лексика коллекционирования предметов (например, монет или марок), специальная лексика карточных игр, специальные обозначения в сфере туризма и т.д., ср. *дикирий, евхаристия, причащение, протоиерей, таинство крещения; алмазная перфорация, гашение, марочный лист, надпечатка цены, пара с перемычкой; бланковый король, взятка, козырь, марьяж, мизер, пас* и т.д.

Профессиональную лексику, но не терминологию составляют а) наименования специальных понятий, не соответствующие норме (профессионализмы), б) номинации специальных понятий жаргонного характера, в) единицы профессионального просторечия, а также г) профессиональные обозначения общих, неспециальных, понятий.

Первыми из них являются разговорные обозначения типа *слуга, хозяин* (в синтаксисе), *бусина, городки, дынька, бегунец* (в архитектуре), *западина, дневная поверхность, погребенная почва* (в археологии), *алмазная пыль, кроткая вода, бараньи лбы* (в физической географии) и др. Вторые – представлены экономическими номинациями *большой карман* (финансовое положение партнеров в предприятии с практически неограниченными средствами), *трофеи* (товары, продукты, тайно и без оплаты унесенные для личного потребления или продажи работникам торговли, общественного питания с места своей работы), *трупное ооченение* (нарастающее налогообложение доходов от прироста курсовой стоимости акций, которое делает невыгодным их продажу); сюда же относятся использовавшиеся в военном жаргоне времен Великой отечественной войны 1941–1945 гг. номинации типа *дурила* (шестиствольный немецкий миномет), *собака* (малокалиберная немецкая пушка), *лаптежники* (пикировщики «Ю-87» с неубирающимися шасси, напоминающими плохо обутые ноги) или обозначения военной техники Советской Армии того же периода типа *зверобои, ишачки, ястребки, малютки, папаши* и др. (примеры из работ А.Н. Кожина).

Третий тип профессиональных лексических единиц, но не терминов, представлен единицами типа *ложить печь* (в просторечии печников, вместо *класть* или *складывать печь*), иногда обсуждаемые в широкой печати словечки *осужденный* (вместо *осуждённый*) и *возбужденный* (вместо *возбуждённый*, ср. *возбуждённые уголовные дела, было возбуждено уголовное дело*) с измененным ударением в профессиональной речи работников правоохранительных органов и др. Наконец, четвертый тип профессиональных, но не терминологических, единиц иллюстрируется специальными профессиональными арготизмами (не путать с жаргонизмами!), которые не выражают специальных понятий, а номинируют обычные значения, но особым способом, характерным для того или иного профессионального сообщества: таковы *майна* ('опускай вниз') и *вира* ('подымай вверх') в речи такелажников и строителей, *разбить, разбивать* (в значении 'разменять', например, *разбить пять тысяч (рублей)*, наблюдение А.Э. Цумарева), *опускать, опустить* (в значении 'провести' у математиков, например, *опустить перпендикуляр*) и др.

Представляется, что направления исследований, связанные с типологией специальной лексики, в будущем существенно расширят связи терминологической науки, как с традиционными, так и с новейшими направлениями изучения языка, – с герменевтикой, когнитивной лингвистикой, социолингвистикой и др.

Литература

1. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический факультет СпбГУ, 2003.
2. Шелов С.Д. Терминологические поля и понятийная организация терминологии // Структурная и прикладная лингвистика. 2008. Вып. 7. С. 211–232.
3. Шелов С.Д. Терминологическая база знаний WinTerm: Сводка лингвистических и компьютерных результатов // Терминология и знание: Материалы I Международного симпозиума, ИРЯ РАН, Москва, 2009. С. 130–166.
4. Шелов С.Д. Расположение языковых единиц в словаре «по смыслу»: варианты постановки задачи и способы ее формализации (на материале научно-технической терминологии) // Структурная и прикладная лингвистика. 2012. Вып. 9. С. 50–64.
5. Шелов С.Д., Лейчик В.М. Номенклатурные наименования как класс научно-технической лексики: состав и функции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012(а).
6. Шелов С.Д., Лейчик В.М. О классификации профессиональной лексики // Известия РАН, Сер. Литературы и языка. 2012. Т. 71, №. 2. С. 3–16. (б)
7. Шелов С.Д., Лейчик В.М. Терминология и профессиональная лексика: Состав и функции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.

2. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И РОССИЙСКОГО ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

ТЕРМИН «АРХЕОЛОГИЯ» В ПОНИМАНИИ ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ А.С. УВАРОВА И И.Е. ЗАБЕЛИНА)

The article provides definitions of the term "archaeology" given by the pioneers of Russian archaeology. The materials for the study were handwritten documents from the archives of A.S. Uvarov and I.E. Zabelin. As a result, it is concluded that researchers understand archaeology as a science of the way of life of ancient peoples, which is seen as a difference from the modern interpretation of this term. The first Russian archaeologists also took into account the humanistic and natural-scientific component of archaeological knowledge. It is concluded that there is scientific foresight in the definitions given by outstanding Russian archaeologists in the 19th century.

История терминологии гуманитарного знания только начинает привлекать внимание исследователей. В то же время изучение развития области значения термина в диахронии позволяет проследить эволюцию человеческого знания, понять причины закрепления за современной звуковой оболочкой термина того или иного значения. В равной мере это касается и термина *археология*. Его развитие отражает развитие человеческого знания, и подробное изучение семантики термина *археология* в русском языке позволяет реконструировать развитие как лингвистического, так и собственно археологического знания. Подобный подход представляется оправданным в свете идеи А.А. Реформатского о термине как «слуге двух хозяев: системы лексики и системы научных понятий» [Реформатский 2007: 122]. В этом видится актуальность данной работы.

Термину *археология* на материале опубликованных к 1975 г. работ посвятил свою статью историк археологической науки А.А. Формозов [Формозов 1975]. Историю археологического знания, в том числе и эволюцию представления об археологии как науке рассмотрел археолог-теоретик Л.С. Клейн [Клейн 2011; 2014]. Трактовке термина *археология* в современной науке уделили внимание в своих работах теоретики археологического знания Ю.Л. Щапова и С.Н. Гринченко [Щапова, Гринченко, Кокорина 2019]. Все названные авторы пользовались опубликованными материалами. При всей своей информативности публикации не отражают в полном объеме весь спектр значений термина, который прослеживается при обращении к архивным материалам. Материалом данного исследования стали рукописи статей, докладов и лекций выдающихся российских археологов, которых можно назвать «титанами археологической науки», А.С. Уварова (1824–1884) и И.Е. Забелина (1820–1908). Архивы двух выдающихся российских археологов хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), рукописное наследие А.С. Уварова – фонд 17, И.Е. Забелина – фонд 440. На данном материале проблема реконструкции понимания термина *археология* не проводилась, в чем видится новизна предлагаемого исследования.

Оба археолога были современниками, оба проводили обширные и археологические исследования, оба внесли вклад как в эмпирическую часть археологического знания, разрабатывая методику раскопок курганов (А.С. Уваров – древнеславянских, И.Е. Забелин – скифских), так и интересовались теоретическими проблемами археологии. Оба стояли у истоков создания Государственного исторического музея, завещав ему свои коллекции и архивы. Оба были знакомы друг с другом, переписывались, сотрудничали и дискутировали.

Но многое их и отличало, как мы увидим далее. А.С. Уваров был сыном министра просвещения С.С. Уварова, автора знаменитой теории официальной народности. Получил блестящее образование – сначала в России, потом – в Германии и Англии. Много путешествовал по Европе, был организатором Московского археологического общества, собирал книги и рукописи на древних и современных языках, читал лекции по археологии отпрыскам императорской фамилии [Клейн 2014].

Официальное образование И.Е. Забелина сводится к пяти классам сиротского училища. Свои широкие познания ученый получил путем самообразования, в ходе разбора коллекций Оружейной палаты, куда был определен на низшую чиновничью должность. И.Е. Забелин слушал лекции выдающегося историка П.А. Грановского, общался с археологами, литераторами, москвоведом, работал в Императорской археологической комиссии, преподавал в Константиновском межевом институте. Слава – степень доктора наук, избрание академиком и членом многочисленных научных обществ – пришли к нему в преклонные годы, как и возможность коллекционировать предметы старины, книги и рукописи [Клейн 2014]. Они были современниками, соратниками, талантливыми учеными – такими похожими и такими разными. Целью данной работы является проследить сходство и различие в их понимании термина *археология*, а также выявить, как это понимание сказалось на понимании этого термина последующими поколениями исследователей.

Читая лекции по археологии цесаревичам, А.С. Уваров начал курс с определения понятия «археология», которое, приведя исходные греческие корни этого слова, трактовал как «наука о древностях» [ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2]. В этом выдающийся российский археолог во многом опередил свое время: в мировой науке археологию понимали как часть истории античного искусства, «монументальную филологию» [Клейн 2011: 203], о чем писал и сам граф: «объем археологии понимали различно, даже доселе принимают историю художеств за всю археологию» [ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2]. Поэтому так ценно сформулированное А.С. Уваровым понятие археологии, более чем на столетие определившее суть этой науки для российских археологов: наука, изучающая «древний быт народов по вещным источникам какого-бы ни было рода, оставшихся от древней жизни каждого народа» [ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2]. Это понимание позволит Г.С. Лебедеву назвать российскую археологию того периода «бытоописательной» [Лебедев 1992: 187].

Графу А.С. Уварову первому принадлежит первое научное определение археологического памятника. Исследователь указал, что «не каждый из предметов древнего быта имеет научное значение для археологии, а только тот для нас важен, который действительно способствует к достижению известного научного вывода» [ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2]. А.С. Уваров внес вклад не только в теоретическую, но и в полевую археологию, выделяя три условия признания вещи археологическим памятником: «1) на каком месте найден был и сделан был памятник? 2) при каких условиях найден был этот памятник? 3) к какому времени принадлежит памятник и какая степень его сохранности» [ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 2].

Специфика понимания археологического памятника во второй половине XIX в. заключается в следующих словах графа А.С. Уварова: «Археологическим памятником следует признать только тот остаток вещественный, письменный или изустный, который поясняет нам культурное состояние быта какого-либо народа в известную эпоху» [ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 232а. Л. 3].

Выступая на Третьем Археологическом Съезде в Киеве, А.С. Уваров начинает свой доклад с этимологии слова «археология» как «наука о древностях». Он критикует установившееся в мировой науке понимание археологии как изучение древнего искусства. При этом российский ученый рассматривает работы немецких, французских и итальянских археологов на языке оригиналов [Уваров 1878: 19–20] и с сожалением

замечает, что в России «слишком мало доселе занимались археологиею, чтобы составить себе самостоятельное определение этой науки» [Уваров 1878: 20]. Археологию в своем выступлении на Археологическом Съезде он трактует так же, как и в курсе, читанном Великим Князьям: как науку, «изучающую древний быт народов по всем памятникам, какового бы ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа» [Уваров 1878: 21].

И.Е. Забелин в своих лекциях для художников отмечал: «Предметом наших бесед будет русская археология. А наша цель состоит в том, чтобы по возможности ясно определить значение Археологии, как особого самостоятельного отдела знаний, именно в отношении к искусству» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 63]. И.Е. Забелин формулировал различие и сходство археологии и истории: «История дает художнику, конечно, самое главное – продуманную и проверенную идею создания. Но воплощение этой идеи в художественный образ тотчас требует исторического вещества, исторической реальности, исторической природы, которая и есть наша археология» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 70].

И.Е. Забелин с горечью пишет о том, что «казалось, никто не подозревал, что существуют памятники нашего национального искусства. Если иногда и упоминали о них, то с презрением. Но зато с удивительною жадностью с восторгом, доходившим иногда до смешного, занимались разысканиями о каком-нибудь римском кирпиче, или обломке глиняной посуды, о следах древнеримской дороги и т.п. и вовсе не замечали прекрасных замков феодального времени, прекрасных храмов, построенных в христианскую эпоху <...>. Ни одного любителя, ни одного историка-описателя, который мог бы сохранить о них память, спасти их от истребления» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 80]. Поэтому Иван Егорович видел задачу археологов в изучении материальной, а через нее – и духовной культуры своего народа, а художников – в создании произведений, освещающих героическую историю своего народа. При этом ученый не замыкался рамками только русского народа. Он считал, что «каждая народность каждым своим памятником свидетельствовала, что, если здесь и нет искусства в его эстетическом значении, зато здесь есть сила народного замысла, народного творчества, которая точно также стремилась воплотить себя и при том по-своему, в различных памятниках» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 82].

И.Е. Забелин, разграничивая задачи, и, говоря современным языком, предмет исследования истории и археологии, видел высокий гуманистический посыл археологического знания, которое свидетельствует «о жизни народа, или, определим тщательнее, о жизни человека вообще, ибо археологические свидетельства и памятники потому и считаются мелочью, и не слишком охотно допускаются на страницы истории, что они есть свидетельства о жизни не народа собственно, а мелких единиц, составляющих народное тело, всех вообще людей» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 87]. Иван Егорович указывал на то, что задача археологии заключается не только в рассмотрении, как говорят в наши дни, материальной культуры, но и реконструкции духовной культуры людей древности. «В область археологии теперь относится все, что остается от прожитой жизни человека, начиная с обломков его домашней утвари и восходя до обломков его мирозерцания» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 88].

При этом исследователь видит единство археологического и исторического знания. «Как скоро в своих исследованиях частностей единичного, археология восходит до выяснения цельных и полных типов, до определения единых общих условий человеческой жизни, до раскрытия, в чем бы ни было, единой общей силы человеческой природы; то результаты ее тотчас же целиком поступают в собственность истории и здесь ее исследование течет уже одним общим руслом с историей» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 88]. Признание археологии исторической дисциплиной утвердилось в российской научной традиции.

Дар научного предвидения не изменяет И.Е. Забелину и в оценке специфики археологического знания: «наука археология по свойству своего разнообразного и разнородного материала раздробляется на множество ветвей, из которых каждая почитает себя и свою задачу чуть ли не самостоятельным деревом. Для науки это очень важно. Сосредоточение внимания исследователя на одном предмете – это дает много средств для мелочной разработки вопроса, что значительно необходимо при изучении всякого дела и всякого предмета. Но, с другой стороны, у такой замкнутости в предметах своего восторга взгляд исследователя суживается, костенеет, тупеет, исследователь теряет живое понимание всех отдельных дробных частей науки, словом – теряет живую душу науки и рассматривает свой вопрос как анатомический препарат» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 93–94].

Лейтмотивом всех лекций, которые И.Е. Забелин читал перед студентами Константиновского межевого института, звучит призыв увидеть человека за древними артефактами, «весь интерес сосредотачивается, все-таки, на самом человеке, или в его единичности, или в его общем, в живом существе целого народа. Это – главное лицо, непосредственный герой той драмы, которая именуется жизнью и для которой вещественные памятники, предлагаемые для изучения, служат только внешними материальными формами и условиями его же творчества» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 97–98].

И.Е. Забелин разрабатывал методику археологических исследований: «Требуется прежде всего критически разобрать известия древних, а потом уже обратиться к рассмотрению памятников. Критический разбор писателей предшествует изучению и составляет его основание», – отмечает исследователь [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 237].

Для И.Е. Забелина характерно личностное отношение к древним памятникам. Приведем отрывок из дневников Ивана Егоровича, который иллюстрирует его отношение к степным курганам археологическим памятникам в целом: «Курган, хотя и дело рук, но все-таки он природа, ибо обстановка его – природа. Среди степи высится Исакий. Он внушает какое-то благоговение, как всякая масса, ибо пред массой человек преклоняется. Она вызывает слезы умиления. <...> Это дело рук и потому в нем, в кургане есть уже что-то думающее, мыслящее. <...> Памятники интересны только потому, что в них есть человек. Каждый камень – допотопная древность, но здесь нет человека, и он теряет для нас всякий смысл. Тот же камень, обтесанный грубо, найденный среди пустыни, – есть памятник. Памятник человека, человеческой мысли, чувства. Он пробуждает любовь в другой форме. Где не было человека, там нет наших симпатий, нет любви, согревающей каждый камень» [Забелин 2001: 55]. Он «надеялся раскопать что-либо близкое ему по сути – древнерусские памятники: городища и курганы Киевской Руси. Ответить на вопрос о корнях русского народа» [Клейн 2014: 438].

И.Е. Забелин составил рукописную инструкцию по раскопкам курганов. Квинтэссенцией всего документа являются завершающие слова: «Вообще раскопка кургана есть анатомический препарат, который должен быть описан хронологически самым подробным образом» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 228]. Метафора из области естественных наук не случайна: именно в 1860 г. происходит подъем естествознания в России, оно становится символом прогрессивных настроений в обществе. В 1862 г. свой роман «Отцы и дети» с главным героем – представителем естественных наук – публикует И.С. Тургенев. Писатель восторженно относился к трудам И.Е. Забелина, хотел издавать его «Домашний быт русских царей» [Клейн 2014: 453]. Иван Егорович записывает: «Все науки распадутся на два отдела. Одни (естественные) изучают творчество природы, другие (исторические) изучают творчество человека» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 261. Л. 39]. Как и А.С. Уваров, И.Е. Забелин обращается к понятию археологического памятника.

Обращает на себя внимание пометка ученого: «NB: изучение и указание замечательнейших памятников по каждому из производств. Памятники сии заключаются в предметах церковной и домашней утвари, в оружии оборонительном и наступательном, в принадлежностях одежды и пр.» [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 271. Л. 104].

Таким образом, еще на заре развития российской археологии ее основоположники понимали под этим термином не только науку о древностях, но и описание быта народов прошлого. А.С. Уваров подробно разработал проблему археологического памятника, дав ему определение и описав признаки. И.Е. Забелин выделял не просто гуманитарную, но гуманистическую составляющую археологии. Однако как дань эпохе для его определений археологических работ свойственна и естественно-научная составляющая. Написавший книгу о И.Е. Забелине А.А. Формозов стремился всесторонне охарактеризовать творчество историка, отмечая, что в печатных трудах ученого «то наталкиваешься на что-то безнадежно устаревшее, до крайности наивное – ведь некоторые книги вышли свыше ста лет назад, а наука с тех пор не стояла на месте, – то вдруг находишь страницы, звучащие удивительно свежо, тонко, даже актуально. Самобытный ум, глубокое проникновение в жизнь старой Руси стоят этими строками» [Формозов 1984:13]. Изучение архивных материалов показывает, что нового, свежего и актуального в творчестве И.Е. Забелина гораздо больше, чем устаревшего. А.С. Уваров и И.Е. Забелин дали одними из первых научное определение термина *археология*, и различия в этих определениях незначительны. Для обоих авторов во многом свойственно научное предвидение и понимание археологии как науки о быте древних людей.

Литература

1. *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки: (1837–1908) / предисловие Н.А. Каргаполова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 383 с.
2. *Клейн Л.С.* История археологической мысли. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. Т. 1. 628 с.
3. *Клейн Л.С.* История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
4. *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии (1700–1917 гг.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1992. 463 с.
5. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. 5-е изд., испр. М.: Аспект-Пресс, 2007. 536 с.
6. *Формозов А.А.* История термина «Археология» // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 214–218.
7. *Формозов А.И.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984. 239 с.
8. *Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н., Кокорина Ю.Г.* Информатико-кибернетическое и математическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат. М.: Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, 2019. 136 с.
9. *Уваров А.С.* Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Труды Третьего Археологического съезда. Киев: В типографии Императорского университета имени Святого Владимира, 1878. С. 19–58.

ВКЛАД Д.С. ЛОТТЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ МОТИВИРОВАННОСТИ ТЕРМИНА

D.S. Lotte is an outstanding figure in history of Russian and Soviet terminology science who put forward the key concepts and ideas in terminology. The article aims to present a survey of D.S. Lotte's views on the problem of whether a term should be motivated or not.

Рассмотрение теоретических проблем терминоведения не может быть сколь-нибудь полным вне изучения вопросов мотивированности термина. Помимо весьма значительного количества описательных работ о различных способах мотивации терминов, типах и степени мотивированности терминологии разнообразных наук, областей знания и деятельности, вопрос о терминологической мотивированности постоянно возникает при решении задач нормативного терминоведения (т.е. при разработке терминологических стандартов, нормативных словарей и т.п.), в частности, о том, каким терминам – мотивированным или немотивированным – следует отдавать предпочтение и почему. Кроме этого аспекта прикладного терминоведения, проблема терминологической мотивированности является еще и частным, но важным случаем, одной из самых древних и острых проблем общего языкознания – вопросом мотивированности/немотивированности языкового знака. Исследованию различных аспектов мотивированности термина на русском языковом материале посвящены многочисленные статьи, кандидатские и докторские диссертации, монографии, см. исследования [Алексеева 1998; Белова 1991; Бартков, Гусакова 1984; Блинова 1981; Блинова 1984; Голодов 1987; Гринев-Гриневиц 2008: 163–173; Грицева 1989; Даниленко 1977: 62–65; Канделаки 1977; Кияк 1988а; Кияк 1988б; Книгницкая 1990; Кутарева 1988; Лейчик 2002; Лейчик 2009: 37–45; Лотте 1961; Лотте 1971; Митрофанова 1973; Овчаренко 1966; Перфильева 2010; Подколзина 1988; Прохорова 1983; Прохорова 1996; Романова 1976; Стемковская 1971; Стемковская 1973; Татарина 2006; Частник 1981; Частник 1988; Шелов 2002; Штейнгарт 2005 и др.]. Проблематика мотивированности терминов представлена в ряде зарубежных работ, – как собственно посвященных терминообразованию (см., например, монографии [Flood 1960; Klasson 1985], так и в работах более общего порядка [Sager et al. 1980; Rondeau 1984; Picht, Draskau 1985; Sager 1990]). В указателе терминологических диссертаций С.В. Гринева-Гриневица в разделе «Мотивированность. Модели терминов» приводится библиографическое описание более 100 (!!!) диссертационных исследований, непосредственно посвященных вопросам терминологической мотивированности в различных языках [Гринева-Гриневиц 2006]. В последнее десятилетие изучение мотивированности термина приняло такой широкий размах, что некоторые авторы стали говорить о «становлении и интенсивном развитии мотивологического направления в терминоведении» [Перфильева 2010: 3].

Задача настоящей работы – представить по необходимости краткий обзор положений по проблеме мотивированности терминологии, выдающегося советского терминолога Дмитрия Семеновича Лотте, одного из основателей советского и российского терминоведения, – положений, в которых были намечены ключевые понятия и основные идеи этого раздела науки о терминах.

Д.С. Лотте был, вероятнее всего, первым отечественным исследователем, систематически и успешно занимавшимся вопросами мотивированности терминов и терминологии в целом. Его работы, относящиеся еще к 30–40-м гг. XX в., не потеряли своего значения до настоящего времени [Лотте 1961; Лотте 1971; Лотте 1982]. При этом следует сразу оговориться, что однокорневые термины, связанные общим корнем *мотив-*

(мотивация, мотивированность, мотивирующий, мотивируемый и т.п.), Д.С. Лотте практически не употреблял¹. Означает ли это, что он не занимался, говоря современным языком, вопросами мотивации и мотивированности терминов? Убеждены, что нет.

Во-первых, Д.С. Лотте принадлежит заслуга введения в научный обиход непосредственно имеющего отношение к этой теме и актуального до сих пор понятия **терминоэлемента**; во-вторых, ему же принадлежит разграничение **буквального и действительного значения термина**, имеющее прямое отношение к вопросу о мотивированности термина, в-третьих, ему принадлежат, хотя и высказанные другими словами и терминами, точные и весьма глубокие мысли о разных типах **разложимости/неразложимости терминов** (что напрямую касается вопроса их мотивированности); наконец, в-четвертых, немалый интерес представляет и его учение об **ориентированности терминов** и их подразделении на правильно ориентирующие, нейтральные и неправильно ориентирующие термины. Говоря о разработке этой проблематики, мы по необходимости кратко обращаемся только к той части творческого наследия Д.С. Лотте, которое, как нам представляется, во-первых, имеет прямое отношение к вопросам мотивированности термина и, во-вторых, носит очевидный элемент новизны и перспективности не только для своего времени, но и для всей второй половины XX в. и вплоть до нашего времени.

Впервые, насколько нам известно, Д.С. Лотте использует термин и понятие «терминоэлемент» в статье 1937 г. «Задачи и методы работы по упорядочению технических терминов» [Лотте 1961: 7–17]. Отметим особо первое употребление понятийно нагруженной единицы «терминоэлемент» в этой работе. Так, говоря о многозначности терминов (Д.С. Лотте употребляет выражения «многозначимость терминов», «многозначащие термины» и т.п.), автор пишет: «Некоторые термины, хотя и имеют лишь одно определенное содержание, но входящие в его состав **терминоэлементы** являются многозначными» [Лотте 1961: 15]. Во-первых, обратим внимание на то, что ни в этой цитате, ни в более распространенном фрагменте текста, включающем эту цитату, сам термин «терминоэлемент» никак не дефинируется и не поясняется. Во-вторых, анализируя эту цитату, спросим себя: а чьего «его»? По синтаксису приведенной фразы получается, что «его» – это «содержания», точнее – «определенного содержания некоторых терминов». Но тогда выходит, что **терминоэлемент – это часть содержания**, т.е., в современных обозначениях, это чисто семантический (и, в частности, понятийный) компонент содержания термина, не соотносящийся с означаемым термина. Но такое понимание во многих случаях напрямую противоречит и выбранному обозначению того, что автор хочет сказать (и термин, и терминоэлемент – это двусторонние, а не односторонние чисто семантические единицы), и последующему употреблению слову «терминоэлемент». Если же «его» – это «некоторые термины», то, во-первых должно было бы быть не «его», а «их», а, во-вторых, в этом случае правильного использования местоимения полученная фраза была бы синтаксически несколько странной: «Некоторые термины, хотя и имеют лишь одно определенное содержание, но входящие в **их** состав терминоэлементы являются многозначными» (!). По-видимому, чувствую некоторую «неудобочитаемость» этого фрагмента текста, составители и редакторы данного сборника работ Д.С. Лотте снабдили соответствующий отрывок следующим подстрочным примечанием: «Под “терминоэлементами” понимаются слова, имеющие самостоятельное значение и входящее в состав простого или сложного термина: например, в термине *коробка передач* различают два терминоэлемента: *коробка* и *передача*. (В дальнейших работах автор развивает и уточняет представление об элементе термина. – *Ред.*)» [Лотте 1961: 15, сноска 2]. В этой

¹ По крайней мере, нам не удалось найти ни одного случая использования соответствующего термина в работе [Лотте 1961].

связи следует подчеркнуть: во-первых, содержание сноски принадлежит не Д.С. Лотте, а составителям и редакторам издания, во-вторых, термин *коробка передач* сам Д.С. Лотте считал крайне неудачным и поэтому в качестве примера, возможно, он выбран неудачно, наконец, в-третьих, в сноске используется **не единица «терминоэлемент», а выражение «элемент термина»¹**.

В дальнейшем автор, действительно, возвращается к этому вопросу в принципиально важной статье 1948 г. «Элементы термина» [Лотте 1961: 72–97], в которой автор высказывает далеко не ординарные, а на первый взгляд, даже парадоксальные мысли.

Так, для Д.С. Лотте предлог *на* в термине *испытание на изгиб* или предлог *с* в термине *двигатель с принудительным зажиганием*, хотя и являются частями, элементами термина не являются, ибо они «лишены самостоятельного терминологического значения» [Лотте 1961: 82]. Другая ситуация наблюдается в случаях однословных терминов, когда автор пишет: «... при сравнении терминов *магнит*, *магнитность*, *магнетизм* ... выделяется часть *магнит-*, имеющая терминологическое значение, и обособляются части (простые и составные) *-н-ость*, *-изм*. С другой стороны, сравнивая термин *магнитность* с терминами *хрупкость*, *твердость*, *прочность* и т.п., мы выделяем частичку *-ость* и обособляем другие части: *магнитн-*, *хрупк-*, *тверд-*, *прочн-*. Наконец, при сравнении, допустим, частей *магнитн-* и *магнит-* выделяется часть *магнит-* и обособляется частичка *-н*. В этих примерах **некоторые частички имеют явно выраженные терминологические значения** (*магнит-*, *-ность*) [Лотте 1961: 85] (выделено нами – С.Ш.). Аналогично, анализируя термины *диод*, *триод*, *тетрод*, *пентод* посредством соотнесения их, как пишет автор, с «первоначально раскрытыми формами» «двухэлектронная лампа, трехэлектродная лампа» и т.д., автор констатирует: «... часть *од-* в этих словах заменяет собой совокупность сочетания электронная лампа и второй части сложного прилагательного. Другими словами, *-од* выражает то общее, что присуще всем этим видовым понятиям (родовым понятием является «электронная лампа»). Соответственно *ди-*, *три-*, *тетр-* и *пент-* заменяют *двух-*, *трех-* и т.д.; *од-* является с у ф ф и к с о и д о м, образованным путем усечения слова «электрод» (в электроде *-од* ← греч. *ὁ ὅ* – путь) [Лотте 1961: 86, выделение разрядкой Д.С. Лотте].

Аналогичным образом, при соотнесении различных языковых частей слов с «первоначально раскрытыми формами» (фактически с определением соответствующих терминов, автор приводит к выводу, что «суффиксоидами являются также *-ход*, *-воз* в таких терминах, как *пароход*, *теплоход*, *паровоз*, *тепловоз*, *электровоз* и т.п.» [там же]. Продолжая свой анализ и обращаясь к новому материалу в виде терминов *четрехзвенник* и *грузовик*, он пишет: «В терминах *четырёхзвенник* и *грузовик* суффикс *-ик* в обоих случаях заменяет собой самостоятельные слова (в первом – механизм и во втором – автомобиль), являющиеся определяемыми частями в более раскрытых терминах *четырёхзвенный механизм* и *грузовой автомобиль*. <...> Суффикс *-ик*, имея широкое значение «предметности» вообще, как бы суживает это свое значение, вступая в связь с другими частичками слова: он начинает обозначать не «предмет» вообще, а в первом случае только «механизм» и во втором случае – только «автомобиль». Таким образом, между частичками слова в термине-слове имеется такая же специализация, как и в составных частях термина-слово-сочетания». <...> Суффикс *-ик* относит понятие «грузовик» к определенной категории понятий, или, что то же самое, обозначает здесь в сущности понятие более широкое, чем весь термин *грузовик*. «Грузовик» является одним из обобщаемых понятий по сравнению с обобщающим понятием, имеющим

¹ Вообще говоря, в профессиональном употреблении «терминоэлемент» и «элемент термина» необязательно одно и то же, ср. с предложением некоторых лингвистов различать «словосочетание» и «сочетание слов».

самостоятельное наименование *автомобиль* и условно обозначенным в слове *грузовик* частичкой *-ик*». **Частичка *груз-* (корень) в этом термине-слове выражает специфический признак автомобиля** данного вида, т.е. а в т о м о б и л я, предназначенного для перевозки г р у з а [Лотте 1961: 86–87, выделение разрядкой Д.С. Лотте, выделение полужирным шрифтом наше. – С.Ш.]. Тот же (с чисто лингвистической точки зрения!) суффикс *-ик* в слове *валик* выполняет совершенно другую функцию: он заменяет не определяемую часть (как в термине *грузовик*), а определяющую, обозначая видовой признак ‘малый’, что видно из соотнесения этой специальной единицы с толкованием – ‘малый валик’. Рассмотрению с тех же исходных позиций подвергаются и префиксы *вы-*, *в-*, *под-* в составе терминов *выпуск*, *впуск*, *вывод*, *ввод*, *подшипник*, *подпятник* и т.п. [Лотте 1961: 87–88].

Фактически та же процедура распространяется и на термины-словосочетания *ударная сила*, *удельный вес*, *высокое давление*, *зев автосцепки*, *железное дерево*, *центр водоизмещения*, *мальтийский крест*, *ласточкин хвост*, *слепая шахта*, *живая вода* [Лотте 1961: 79–84], что сопровождается типологией терминов-словосочетаний на четыре типа по степени их разложимости – разложимые, условно разложимые, полуразложимые и неразложимые единицы.

Нетрудно видеть специфику проводимого исследователем анализа разнообразных терминологических единиц: помимо привычной структурно-лингвистической характеристики термина, он соотносит выделенные структурные части (частицы) термина с частями определения (точнее – определяющего выражения), которое фиксирует понятийное содержание данного термина. Это соотнесение ориентируется на ту роль, которую играют элементы структуры термина и такие же (или вариативные) элементы в определяющем данный термин выражении, точнее говоря, описание терминологических единиц происходит путем сравнения подчиняющей/подчиняемой роли структурных элементов термина с подчиняющей/подчиняемой ролью соответствующих их аналогов в родо-видовом определении; считается, что вхождение в формулировку родового понятия соответствует определяемой функции, а вхождение в формулировку видового признака – определяющей функции.

Таким образом, для основателя советской школы терминоведения чрезвычайно важно одно обстоятельство, мимо которого исследователи иногда проходят мимо, а именно: он придает большое значение статусу рассматриваемой самостоятельной части термина в отношении того, является ли эта часть самостоятельной значимой единицей в данной области или нет; факт самостоятельного существования подобной единицы подтверждается существованием ее дефиниции. Наиболее рельефно учет этого критерия выступает в важной цитате, фактически выполняющей функции определения термина *элемент термина*: «В дальнейшем любой термин-словосочетание, или термин-слово, или, наконец, часть (частичка) термина-слова, **не делимые в терминологически-смысловом отношении**, мы будем называть э л е м е н т о м т е р м и н а» [Лотте 1961: 88, выделение разрядкой Д.С. Лотте, выделение полужирным шрифтом наше – С.Ш.]¹. В этой цитате очень показательна формулировка «не делимые в терминологически-смысловом отношении», которая, по всей вероятности, подразумевает, что **перечисленные единицы, делимые просто в смысловом или структурно-смысловом отношении, не являются элементами термина (терминоэлементами)**. Эта явная «привязка» критериев Д.С. Лотте к области знания, к той основной среде, в которой существует термин, говоря словами А.А. Реформатского, к логосу термина, может менять привычные лингвистические представления об элементах термина и его мотивированности.

¹ Данная цитата, насколько можно судить, узаконивает синонимию в научном языке Д.С. Лотте единиц «терминоэлемент» и «элемент термина».

Тогда становится понятным, почему для термиолога единицы *-овик* и *-ов* в *грузовик*, *-ость* в *магнитность*, *под-* в существительных *подшипник* и *подпятник*, предлог *с* в словосочетании *пружина с клапаном*, *-ер-* в прилагательном *фрезерный* (вместо *фрезный*) имеют принципиально другой статус по сравнению с *-ик* в номинации *четырёхзвенник* или *грузовик*; точно так же получает обоснование непричисление к термиоэлементам ни одного из слов *ласточкин*, *хвост* в словосочетании *ласточкин хвост* или *слепая*, *шахта* в словосочетании *слепая шахта* в отличие от слов *давление* и *автосцепки* в терминологических словосочетаниях *высокое давление* и *зев автосцепки*. Конечно, все отрезки *-ов* в *грузовик*, *-ость* в *магнитность*, *под-* в существительных *подшипник* и *подпятник*, *с* в *пружина с клапаном*, *-ер-* в *фрезерный* (вместо *фрезный*), *ласточкин* и *хвост* в словосочетании *ласточкин хвост* или *слепая* и *шахта* в словосочетании *слепая шахта* являются компонентами соответствующих терминов, их материальной частью (Д.С. Лотте иногда использует обозначение «частичка»), но они, согласно Д.С. Лотте, **не соотносены с соответствующей областью, не обладают «явно выраженными терминологическими значениями» данной области знания**¹ и поэтому не являются термиоэлементами терминов, физической, материальной частью которых они являются.

Точно так же получают теоретическое оправдание рассмотрение в терминологических единицах *четырёхзвенник* и *грузовик*, корней *четырёхзвен-* и *груз-*, вопреки лингвистической традиции, как своеобразных суффиксоидов, а суффикса *-ик* в составе тех же терминов – наоборот, как корня; аналогично может быть объяснен и парадоксальный взгляд, согласно которому *ход-* и *воз-* в терминах *пароход*, *теплоход*, *паровоз*, *тепловоз*, *электровоз* являются суффиксоидами.

Сам Д.С. Лотте формулирует очень показательный и неожиданный тезис: «В лингвистической литературе очень распространен взгляд на корень как на морфему, сосредоточивающую в себе “главное значение слова”, являющуюся как бы центром тяжести в слове. **Такой взгляд на роль корня вряд ли приемлем для научно-технических терминов**» [Лотте 1961: 85, сноска 2, выделение наше – С.Ш.]. Т.Л. Канделаки, также обращая внимание на это положение Д.С. Лотте, отмечает: «Роль видового отличия (и соответственно именной основы в составе оболочки термина) более второстепенна, чем роль признака-ближайшего видового понятия» [Канделаки 1977: 122] (см. о ее работах ниже).

Впрочем, в работах Д.С. Лотте встречается и такое употребление специальных номинаций «элемент термина» и «термиоэлемент», которое не предполагает обязательного отдельного независимого существования соответствующей единицы в данной области, ее функционирования как единицы специального знания, как единицы логоса, ср.: «Дерево древесина которого отличается большой плотностью..., прочностью и твердостью..., носит название *железная береза* (синоним *корейская береза*). Здесь **термиоэлемент *железная*** подчеркивает свойства, которые роднят этот вид березы с железом» [Лотте 1961: 44]; «...в термине *добавочное ускорение* ... для отражения признака, создающего видовое отличие, привлечен **термиоэлемент**, явно слишком широкий по своему значению» [Лотте 1961: 27]; «Весьма часто в качестве **элементов** или составных частей **термина** используются обычные слова, не имеющие явно выраженного значения в данной системе терминологии» [Лотте 1961: 110]; «... необходимо точно представлять себе значение терминов или обиходных слов, привлекаемых в качестве **элементов для построения нового термина**» [Лотте 1971: 14] и т.п.

¹ В случае со словосочетанием *слепая шахта* (синоним *гезенк*) существенно, что это «вертикальная или наклонная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность», что означает, что «шахта» не является родовым обобщающим понятием в отношении «слепой шахты» [Лотте 1961: 81].

Сказанное заставляет полагать, что Д.С. Лотте употреблял номинации «элемент термина» и «терминоэлемент» в двух смыслах – в широком и в узком; в узком смысле «элемент термина», «терминоэлемент» – это минимальная значимая часть термина (морфема, слово, словосочетание), «не делимая в терминологически-смысловом отношении»; в широком смысле «элемент термина», «терминоэлемент» – это любая минимальная значимая часть термина¹.

В конечном итоге, с теоретической точки зрения, дело, не в том, насколько последовательно соблюдается в метанаучном аппарате терминоведения синонимия или, наоборот, строгое разграничение обозначений «терминоэлемент» и «элемент термина»², а в том, что Д.С. Лотте наметил и в своей терминологической работе дал примеры использования чрезвычайно важного понятия **минимально значимой для данной тематической области части термина**, которая может совпадать с морфемой, словом или даже словосочетанием, выделяемых в составе термина исходя из общелингвистических соображений, но, а) может и не совпадать с ними и, б) выполнять разные по значимости функции (ср. роли корня и аффикса в обычном слове общего языка и в слове-термина). Такое несоответствие объясняется тем, что термин, говоря словами А.А. Реформатского, – слуга двух господ: общего языка и области знания, к которой он принадлежит, иными словами, существованием термина в лексисе и в логосе [Реформатский 1959; Реформатский 1967].

Уже в статье 1940 г. «Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов» Д.С. Лотте пишет: «... в каждом новом термине и во многих старых можно выделить **буквальное значение термина (т.е. значение входящих в его состав терминоэлементов с учетом их морфологии и синтаксических связей)** и его содержание или **действительное значение**» [Лотте 1961: 24, выделение наше. – С.Ш.]. В дальнейшем он неоднократно обращается к этим понятиям буквального и действительного значения термина, придерживаясь в отношении каждого из них принципиально одного понимания, но высвечивая разные их аспекты по мере решения различных терминологических задач. В частности, говоря о буквальном значении термина, он подчеркивает, что речь идет не об этимологическом, существовавшем когда-то, но потерявшем свою актуальность значении терминоэлементов, а о действующем в настоящее время их смысловом содержании: «Говоря о буквальном значении слова, мы имеем в виду не значение слова им уже у т р а ч е н н о е, а то «живое» значение слова, которое ясно распознается и находит применение в настоящее время либо в обиходном языке, либо, что особенно важно, в той же или родственной системе терминов» [Лотте 1961: 40, выделение в разрядку Д.С. Лотте. – С.Ш.]. Позднее, в другой своей статье, автор поясняет, как практически установить это значение слова или термина: «Буквальное значение определяется зарегистрированными в словаре значениями отдельных слов, входящих в состав термина, их морфологической формой и синтаксическими отношениями между этими словами» [Лотте 1961: 76].

Буквальному значению термина противостоит **его действительное значение**, – понятие, удачный термин для которого ввел сам исследователь. Под действительным

¹ Как представляется, наиболее интересным и продуктивным для терминоведения является более узкое понятие и, соответственно, более узкий термин, хотя в настоящее время более принято широкое понимание терминоэлемента, ср. характерное высказывание: «С учетом развития представлений о терминоэлементе последний можно определить сегодня как “любую значимую языковую форму, входящую в состав термина”». При такой трактовке термины, входящие в состав других терминов, также выступают при этом в качестве терминоэлементов» [Кудашев, Хаютин 2003: 101].

² С нашей точки зрения, действительно, предпочтительнее употреблять «терминоэлемент» и «элемент термина» как синонимы, однако с большими языковыми усилиями, достижима также и языковая строгость, при которой «элемент термина» является родовым термином для термина «терминоэлемент», т.е. каждый терминоэлемент является элементом термина, но не наоборот.

значением он имел в виду то значение, в котором реально используется термин (независимо от состава его терминологических элементов) и которое обычно фиксируется некоторым определением¹.

Понятие терминологического элемента и корреляция «буквальное значение термина VS действительное значение термина» важны для Д.С. Лотте не сами по себе, не как результат игры ума или жонглирования дефинициями (хотя бы и безкоризненными в логическом отношении), но как часть понятийного аппарата, которым ученый активно пользуется в исследовании материала. Фактически дальнейшая классификация терминов-словосочетаний на разложимые, условно-разложимые, полуразложимые и неразложимые, мысли о правильно-ориентирующих, нейтральных и неправильно ориентирующих терминах, рекомендации относительно предпочтительных и нежелательных в практике употребления научно-технических терминов и другие результаты Д.С. Лотте держатся фактически на оппозиции «буквальное значение термина VS действительное значение термина», на характере и степени несовпадения ее членов, ср.: «Смысловое содержание термина обусловлено тем понятием, которое он выражает <...> Однако, если составляющие слова продолжают употребляться в живой речи, смысловая двойственность термина сохраняется, и в этом случае можно говорить о соответствии или несоответствии между буквальным значением и смысловым содержанием. Сравнивая, например, понятия, выражаемые терминами, *сила удара*, *ударная сила* и *живая сила*, легко убедиться, что слово “сила” употреблено здесь в трех разных значениях: в смысле ‘сила’ (*ударная сила*), ‘энергия’ (*живая сила*), ‘импульс’ (*сила удара*)» [Лотте 1961: 76].

Обратимся, в частности, к примерам технической терминологии, исследованной Д.С. Лотте в более поздней своей работе «Краткие формы научно-технических терминов» [Лотте 1971].

Таковы изучаемые Д.С. Лотте термины типа *конвейерная сушилка* (‘сушилка с камерой, снабженной конвейером’), *внешний тормоз* (‘тормоз, в котором органы, передающие тормозное усилие охватывают останавливаемый орган (барaban)’), *звездообразующий двигатель* (‘двигатель, в котором цилиндры расположены звездообразно’), *плавкое реле* (‘тепловое реле, орган реагирования которого действует под влиянием расплавления металла’), *вентиляционная перемычка* (‘перемычка с вентиляционными окнами’), *башмак тормоза* (‘башмак тормозной колодки’), *сухая коррозия* (‘коррозия, имеющая место в сухой атмосфере’) и т.п. [Лотте, 1971: 32–83]. Огромной заслугой Д.С. Лотте является описание и классификация семантических процессов, происходящих при образовании терминов данного способа образования, а также условий, при которых результирующие термины оказываются приемлемыми (или неприемлемыми) с точки зрения нормативной: так, конвейерной является не сама сушилка, а ее часть (камера); внешним (по отношению к останавливаемому барабану) является не весь тормоз, а его часть (орган, передающий тормозное усилие); звездообразующим является не сам двигатель, а расположение в нем цилиндров и т.п. Д.С. Лотте, как известно, характеризует эти процессы как различные случаи переноса признаков – переноса признаков с части на целое, перенос признаков с целого на часть, перенос признаков на машину (прибор) и т.п. [там же].

Можно также заметить, что если соответствующие толкования рассматривать как определения данных терминов, для чего имеются все основания, то понятийное содержание термина можно оценить как разнообразные случаи семантического «смещения» термина относительно синтаксиса определяющего выражения. Здесь видовой признак, выраженный в термине, по сути (т.е. согласно определению) не соотносится с ближайшим родовым понятием, как оно, это понятие, представлено в термине.

¹ В некоторых случаях исследователь пользуется термином «смысловое содержание термина», см. ниже.

Д.С. Лотте, например, критиковал термины *скользящий подшипник*, *мощный усилитель*, *глубокий насос*. Он совершенно справедливо отмечал, что в этих терминах прилагательные *скользящий*, *мощный*, *глубокий*, синтаксически относящиеся к соответствующему существительному-термину, семантически не представляют видовой признак, который бы непосредственно относился к понятию, названному существительным. Прилагательное *скользящий* относится к трению (ср. *трение скольжения* или *скользящее трение*), которое возникает между отдельными деталями подшипника, но отнюдь не к самому подшипнику; прилагательное *мощный* не характеризует важнейший параметр усилителя, но является характеристикой объекта преобразования, ибо преобразуется мощность (сам прибор при этом может и не быть мощным); наконец, прилагательное *глубокий* не называет какой-либо признак размеров насоса, а выражает характеристику глубины, на которой работает насос [Лотте 1971: 12]. Примечательно, однако, что **критика эта касается не способа обозначения**, который является как раз общим и для данных терминов, и для ряда других, вполне удачных номинаций, **а способности результирующего обозначения дифференцировать вещи** той же предметной области. Так, подшипники, вообще говоря, могут двигаться в узлах машин и устройств и, в частности, скользить. Тогда те скользящие подшипники («вещи»), которые не обладают этим свойством, придется называть *нескользящими скользящими подшипниками*, что неприемлемо. Аналогично, преобразователь мощности может не обладать большой мощностью, и, следовательно, такой прибор пришлось бы именовать как, например, *слабомощный мощный усилитель*, что также более чем неудобно и т.п. На этом основании Д.С. Лотте оценивал эти термины как неудачные и предлагал заменить их, например, терминами *подшипник скольжения*, *мощностный усилитель*, *глубинный насос* [там же].

Техника семантического анализа, предложенная Д.С. Лотте, действительно во многих случаях исследования структуры термина и его определения: ср. в термине *алгоритмическая схема* алгоритмической оказывается не сама схема, а структура, которую она изображает; в термине *плоский резонатор* плоским оказывается не сам резонатор, а его параллельные зеркала; в термине *нормальное сечение зуба* нормальным (в техническом смысле слова) является не сечение, а плоскость (его производящая); в термине *крайнее положение механизма* крайним является не положение механизма в целом, а положение хотя бы одного из его звеньев и т.п. (подробнее см. в работе [Шелов 2003: 156–157]). Таким образом, классификационные процедуры не исчерпывают семантической структуры термина. Определения могут соотносить термин и понятие более сложным образом в силу самой системы дефиниций. При таком типе формирования понятийной семантики термина по различным причинам нет непосредственного соотнесения видového признака понятия с какой-либо лексической частью многословного термина.

Актуальность предложенного Д.С. Лотте понятийного аппарата настолько устойчива, что, когда через 50 лет выходит один из немногих терминологических словарей по терминоведению, отражающий теорию и практику работы Комитета научно-технической терминологии Академии наук СССР, его составитель Г.Г. Самбунова дает определения этим понятиям, фактически повторяющие определения Д.С. Лотте:

«*Буквальное значение термина*. Значение термина, которое этот термин имеет как слово или словосочетание общего языка исходя из значения всех его терминологических элементов и существующих в общем языке правил образования единого цельного значения из значения отдельных элементов.

Действительное значение термина. Значение термина, закрепленное определением соответствующего понятия, называемого данным термином» [Самбунова 1990]¹.

Обратимся теперь к проведенной Д.С. Лотте классификации терминов-словосочетаний по критерию их мотивированности/немотивированности (хотя, повторяем, сам он не использовал этого лингвистического термина, а говорил о **степени разложимости термина!**). Заслуживает пристального внимания деление Д.С. Лотте терминов словосочетаний на четыре типа: а) **разложимые термины-словосочетания**, б) **условно разложимые термины-словосочетания**, в) **полуразложимые термины-словосочетания** и г) **неразложимые термины-словосочетания** [Лотте 1961: 79–84]². Первые характеризуются, по Д.С. Лотте, тем, что «обе части термина применены в обычном не искаженном значении»; в качестве примера он приводит единицы *ударная сила* и *удельный вес*, «в составе которых может быть выделена любая из двух составных частей независимо от другой» [Лотте 1961: 79–80]. Вторые составляют термины, в которых «одна из частей является в свою очередь термином, другая же представляет собой обычное слово, лишенное ограниченного технического содержания» [Лотте 1961: 80]; в качестве примеров этого типа Д.С. Лотте приводит единицы *высокое давление* и *зев автосцепки*, отмечая, что в первом примере термином является определяемая часть (т.е. *давление*), а во втором – определяющая часть (т.е. *автосцепки*). В терминах-словосочетаниях третьего типа, согласно Д.С. Лотте, обе части являются терминами, однако одна часть «применена в искаженном значении»; этот тип словосочетаний иллюстрируется также двумя примерами – *сила удара* и *железное дерево*. В первом из них «искаженной» является определяемая часть, поскольку *сила* здесь не является силой, а во втором – определяющая часть, поскольку здесь *железное* употреблено в переносном значении повышенной твердости и «новое (искаженное) значение составляющая имеет лишь в данном словосочетании; в другое сочетание она в этом же значении не входит» [Лотте 1961: 80–81]. Наконец, исследователь иллюстрирует четвертый тип терминов – неразложимых терминов-словосочетаний – также двумя разновидностями: сюда входят термины вида *мальтийский крест* и *ласточкин хвост*, в которых обе части словосочетаний не являются терминами, и термины вида *слепая шахта* и *живая сила*, в которых одна часть словосочетания обычное слово, а другая – термин в искаженном значении, ибо в словосочетании *слепая шахта* «шахта» на самом деле не является шахтой, а в термине *живая сила* «сила» не является силой [Лотте 1961: 81]³.

Имеют ли отношение все эти соображения Д.С. Лотте к вопросам мотивации? Как мы полагаем, да – имеют. Нетрудно видеть, что различные типы разложимости соответствуют и различным типам мотивации термина: так разложимые термины-словосочетания соответствуют полностью мотивированным терминам, неразложимые термины словосочетания соответствуют немотивированным (относительно своих компонентов) терминам, а условно разложимые и полуразложимые термины-словосочетания – частично мотивированным (относительно своих компонентов) терминам. При этом, оценивая степень разложимости термина, исследователь последовательно учитывает и роль определяющего и роль определяемого компонента в достижении/недостижении этого свойства (в связи с чем обычно приводятся и два примера, за каждым из которых стоит целый класс терминологических наименований, в которых каждый компонент играет соответственно роль либо определяющего, либо

¹ Об истории и современном состоянии словарной работы в области терминоведения см. статью [Е Цисун 2014].

² Мысли автора о разложимости/неразложимости терминов впервые были опубликованы в издании «Известия АН СССР. Отделение технических наук» еще в 1948 г.

³ Теоретически возможны еще словосочетания, в которых каждый из двух терминов терминологического словосочетания используется в искаженном значении, однако Д.С. Лотте об этом не упоминает.

определяемого элемента). Можно сказать, что, говоря о разложимости термина, автор также оценивает его мотивированность, причем и относительно его главного синтаксического компонента (обычно определяемого), и относительно его подчиненного синтаксического компонента (обычно определяющего), и относительно их обоих – для разложимого (т.е. полностью разложимого) и для неразложимого (т.е. совершенно неразложимого) термина, так что с теоретической точки зрения было бы точнее говорить о разложимости/неразложимости термина **относительно того или иного его компонента**¹.

В дальнейшем в статье «Влияние классификации на точность терминологии», впервые опубликованной также в 1948 г., Д.С. Лотте, исходящий из важнейшей роли классификации понятий и лежащей в основе всякой терминологической системы классификационной схемы понятий, формулирует важнейший принцип нормализаторской работы в терминологии. Снова предоставим слово выдающемуся специалисту-терминологу: «Признак, выбираемый для терминологического отражения, должен быть необходимым и достаточным и непосредственно вытекать из классификационного места данного понятия и его межклассификационных связей»; чуть ниже он снова возвращается к этой же мысли: «Необходимые и достаточные признаки понятия, подлежащие непосредственному отражению элементами термина, вытекают из его определения, построенного на основе твердо установленной классификационной схемы. **Искусство построить термин состоит в том, чтобы по возможности нагляднее и вместе с тем достаточно кратко (компактно) словесно отразить эти необходимые и достаточные признаки**» [Лотте 1961: 108]².

В терминах проблематики мотивированности термина можно было бы сказать, что для Д.С. Лотте, который кладет в основу терминологической работы адекватную классификационную схему понятий, **правильный двухэлементный термин – это частично мотивированный термин, синтаксически главный (определяемый) слово-терминоэлемент которого так или иначе признается правильным, а синтаксически подчиненный (определяющий) слово-терминоэлемент которого называет необходимый и достаточный признак для идентификации соответствующего видового понятия** (при его вычленении из непосредственно предшествующего ему родового понятия).

Остановимся теперь на еще одной идее основателя советской терминологической школы, имеющей прямое отношение к мотивированности, а именно – на идее **правильной/неправильной ориентированности термина**. Особо важное место занимает в этом вопросе раздел «Соответствие термина» его статьи «Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения терминов» [Лотте 1961: 24–28]³. Вот что писал выдающийся терминовед по этому вопросу более 70 лет назад: **«В зависимости от того, насколько гармонирует буквальное значение термина с его действительным значением, все термины для удобства анализа можно разделить на три основные группы: правильно ориентирующие термины, нейтральные термины и ложно**

¹ Конечно, для многих прикладных задач удобнее иметь один обобщенный показатель степени разложимости или мотивированности термина в целом (ср. с подобными показателями, введенными в работах [Кияк 1988а, Кияк 1988б]). Однако для терминов-словосочетаний роль компонента-слова слишком важна и разнообразна и любой «обобщенный» показатель разложимости (или мотивированности) термина в целом, вполне удовлетворительный с точки зрения тех или иных практических задач, по-видимому, будет упускать какой-то важный содержательно-языковой аспект понятийного устройства термина.

² Впрочем, это положение автор высказывает неоднократно в разных местах упомянутой работы, а также и в других работах, но здесь оно выражено наиболее рельефно и ярко.

³ Содержание этой работы, как указывается в сноске к тексту соответствующей публикации, «доложено на Общем собрании Отделения технических наук Академии наук СССР 26 апреля 1940 г.» [Лотте 1961: 18].

ориентирующие термины». И далее он уточняет собственную позицию: «Под правильно ориентирующими терминами будем понимать такие, в которых буквальное значение не только не находится в противоречии с действительным значением, но с известной степенью точности создает правильное представление о самом понятии. Нейтральными терминами назовем такие, в которых мы не распознаем никакого буквального значения. В подавляющем большинстве случаев нейтральные термины являются заимствованными иностранными терминами, составленными из терминологических элементов, не бытующих в данном языке и этимологически нам не знакомых. К числу нейтральных терминов принадлежат и термины, построенные из элементов своего языка, в которых буквальное значение в настоящее время отчетливо не распознается. Даже в таком слове, как *шестерня*, этимологию термина, его буквальное значение мы с полной отчетливостью не распознаем. Значение термина *шестерня* мы связываем исключительно с определенным техническим понятием, и при его применении никаких других ассоциаций не возникает. К числу неправильно ориентирующих терминов принадлежат такие, в которых терминологические элементы, являющиеся сами терминами (применяемыми в той же системе) или обычными словами, по своему буквальному значению противостоят действительному значению термина, способствуют неправильному представлению о понятии» [Лотте 1961: 24–25].

В процитированном фрагменте все чрезвычайно важно. Во-первых, в нем проводится идея о том, что ориентированность – это степень «гармонии буквального и действительного значения термина»; во-вторых, здесь высказывается мысль о том, что буквальное значение правильно ориентированного термина не противостоят его действительному значению, но «создает с известной степенью точности создает правильное представление о самом понятии» (подчеркнем здесь слова «с известной точностью», которые подразумевают, что эта степень может быть большей и меньшей); в-третьих, отмечается существование терминов, у которых не распознается никакого буквального значения; в-четвертых, постулируется существование терминов, терминологическими элементами которых являются также термины той же области знания или обычные слова, которые «по своему буквальному значению противостоят действительному значению термина, способствуют неправильному представлению о понятии». Отметим некоторую асимметричность формулировок: все определения говорят о внутренней форме и ее гармонии, согласованности с действительным значением термина, но только относительно неправильно ориентирующих терминов упоминается, что же должно быть их терминологическими элементами, чтобы они были признаны ложно ориентирующими – также термины, т.е. слова или словосочетания той же области знания, причем противостоят в том или ином отношении «действительному значению термина».

После этого Д.С. Лотте приводит несколько примеров ложно-ориентирующих терминов, поясняющих суть дела. Так, продолжает автор, «термин *термодинамический потенциал Планка* создает представление о том, что данная функция является одним из термодинамических потенциалов, хотя это не соответствует действительности. «Удаляемая влага» ... (в терминологии сушки) является не влагой, действительно удаляемой в процессе сушки, а влагой, которая определяется разностью между общей влагой и равновесной, т.е. влагой, не удаляемой, а той, которая только может быть удалена. Назначение *изолированного стыка* ... в автоблокировке не в том, чтобы он был изолированным, а в том, чтобы он изолировал, и поэтому здесь более правильной формой термина был бы не *изолированный стык*, а «изолирующий». *Мгновенная сила* ... – совсем не подходящий термин для силы, действующей очень короткое время и вызывающей сравнительно большие ускорения. Термином *силовая централизация* нельзя объединять все виды централизации (гидравлическую, пневматическую, электрическую), кроме механической. *Центральный пост* <...> создает впечатление, что все управление

устройствами централизации стрелок и сигналов происходит из одного места, между тем, на одной станции таких постов может быть несколько; поэтому термин *централизованный пост* более точен. Термин *маршрутно-секционное замыкание*... должен характеризовать не способ «замыкания», а способ «размыкания». Термин *естественная разрядка магистрали* <...> создает впечатление о «естественности» факта разрядки магистрали, между тем как эта разрядка происходит из-за негерметичности трубопровода и ее допускать вообще не следует. В то время как *ударная сила* в динамике характеризует действительно-определенный вид «силы», термин *сила удара* применяется к понятию не «сила», а «импульса» [Лотте 1961: 25].

Нетрудно видеть, что в качестве примеров ложно-ориентирующих терминов Д.С. Лотте анализирует **частично мотивированные термины**, причем в полном согласии с его формулировками, в их составе имеются терминологические элементы, являющиеся терминами той же области знания или обычными словами, которые «по своему буквальному значению противоречат действительному значению термина, способствуют неправильному представлению о понятии». Для термина *термодинамический потенциал Планка* таким терминологическим элементом является *термодинамический потенциал*; для термина *удаляемая влага* таким терминологическим элементом является *удаляемая*; по отношению к термину *изолированный стык* таким терминологическим элементом является слово *изолированный* и т.п. Совершенно ясно также, что именно и почему является ложно-ориентирующим: термодинамический потенциал Планка не является – термодинамическим потенциалом, удаляемая влага, вообще говоря, оказывается далеко не всегда удаляемой, изолированный стык не изолирован (как можно было бы ожидать в соответствии с буквальным значением его значащих элементов), а сам изолирует и т.д. Иными словами, по Д.С. Лотте, ложно-ориентирующие термины – это частично мотивированные термины, но семантически, понятийно противоречивые хотя бы по одному из признаков, явно обозначенному в своей форме, чем они и интересны и заслуживают особого внимания в деле упорядочения, нормализации и стандартизации терминологии. Это противоречие выявляется при сопоставлении понятийного содержания термина, зафиксированного его определением или толкованием с тем, что явно выражено формой термина (ср. понятием терминологического парадокса в работе [Подколзина 1994: 17–18]).

Необходимо также принимать во внимание то обстоятельство, что Д.С. Лотте, не будучи лингвистом по образованию, посвятил свои работы задачам совершенствования и упорядочения терминологии, задачам оценки термина с точки зрения оценки **его предпочтительности перед другими и выбора из всех возможных для обозначения тех или иных технических понятий**¹. Разумеется, для таким образом поставленных прикладных задач работы с терминологией обобщенное деление терминологического материала на допустимые технические номинации в составе правильно ориентирующих и нейтральных терминов и недопустимые (или, по крайней мере, крайне нежелательные) технические номинации в составе неправильно ориентирующих терминов представляется абсолютно адекватным материалом и практическим задачам современному Д.С. Лотте терминоведению. С точки зрения нормативного подхода к терминологии достаточно осторожное и в то же время конструктивное понятие ориентированности термина представляется чрезвычайно плодотворным и намного опередившим свое время. Вклад Д.С. Лотте в теоретические вопросы мотивации термина оказали мощное влияние на последующую терминологическую работу, во многом воззрения Д.С. Лотте легли в основу выпущенного в 1979 г. «Краткого методического пособия по разработке и упорядочению научно-технической терминологии»; под влиянием теоретических идей Д.С. Лотте сформировались работы крупных российских терминоведов (Т.Л. Канделаки,

¹ Этими двумя обстоятельствами может объясняться отсутствие в работах Д.С. Лотте привычных для лингвиста упоминаний «мотивации термина» и «мотивированности термина».

В.П. Даниленко, И.Н. Волкова, А.Г. Лаврентьева и др.), а вклад Д.С. Лотте в становление и развитие терминоведения в целом еще предстоит оценить будущим исследователям.

Литература

1. *Алексеева Л.М.* Мотивированность как атрибут термина // *Терминоведение*. 1997. № 1. С. 3–7.
2. *Алексеева Л.М.* Термин и метафора. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. 250 с.
3. *Белова А.Ю.* Проблема мотивированности терминов (На материалах русской и немецкой ботанической терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1993. 16 с.
4. *Блинова О.И.* Термин и его мотивированность // *Терминология и культура речи*. М.: Наука, 1981. С. 28–37.
5. *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. 3-е изд. М.: УРСС, 2011. 208 с.
6. *Голодов А.Г.* Проблема соотношения общей и специальной лексики (на материале разговорного варианта немецкого языка футбола). М.: Мос. гос. гум. ун-т, 2006. 328 с.
7. *Гринева-Гринева С.В. и др.* Указатель терминологических диссертаций: Справочное пособие. Белосток – Москва, 2006. 750 с.
8. *Гринева-Гринева С.В.* Терминоведение: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
9. *Даниленко В.П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
10. *Е Цисун.* Краткая история терминологических словарей по терминоведению // *Терминология и знание*. Вып. IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6–8 июня 2024 г.) / Отв. ред. д-р филол. наук С.Д. Шелов. М., 2014. С. 33–42.
11. *Канделаки Т.Л.* Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167 с.
12. *Кияк Т.Р.* Мотивированность лексических единиц: количественные и качественные характеристики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 39 с. (а)
13. *Кияк Т.Р.* Мотивированность лексических единиц: количественные и качественные характеристики. Львов: Вища школа, 1988. 166 с. (б)
13. *Книгицкая М.И.* Термины-интернационализмы и их содержательная мотивированность (на материале английских и немецких терминологических единиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1990. 25 с.
14. *Кудашев И.С., Хаятин А.Д.* К вопросу о формах терминологических элементов и терминов // *Лексикология. Терминоведение. Стилистика*. Сб. науч. тр. Посвящается юбилею В.М. Лейчика. М.; Рязань, 2003. С. 101–107.
15. *Кутарева Л.В.* Научно-технические термины, производные от общенародных слов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1981. 26 с.
16. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 254 с.
17. *Лейчик В.М.* Термины-фразеологизмы в ряду номинативных словосочетаний терминологического характера // *Научно-техническая информация*. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2002. № 12. С. 33–37.
18. *Лотте Д.С.* Краткие формы научно-технических терминов. М.: Наука, 1971. 84 с.
19. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 157 с.

20. *Митрофанова О.Д.* Язык научно-технической литературы. М.: Изд-во МГУ, 1973. 147 с.
21. *Овчаренко В.М.* Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 139–150.
22. *Перфильева А.В.* Лексика глиноземной промышленности в мотивологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2010. 22 с.
23. *Подколзина Т.А.* Метафора и парадокс в английской терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 20 с.
24. *Прохорова В.Н.* Лексико-семантическое образование русской терминологии: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 1983. 46 с.
25. *Прохорова В.Н.* Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 153–159.
26. *Прохорова В.Н.* Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 125 с.
27. *Реформатский А.А.* Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968. С. 103–125.
28. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1959. 14 с.
29. *Романова Н.П.* О мотивированности исконных и заимствованных терминов // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1976. С. 18–26.
30. *Самбурова Г.Г.* Словарь терминолога: основные понятия и термины теории и практики упорядочения специальной терминологии // Сборники научно-нормативной терминологии. Вып. 111. М.: Наука, 1990. 39 с.
31. *Стемковская Е.П.* Семантическая и словообразовательная структура русской терминологической лексики (терминология сейсмической разведки): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 21 с.
32. *Стемковская Е.П.* Соотношение структурных и семантических моделей при неморфологическом образовании терминов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1973. № 3. С. 76–87.
33. *Частник С.В.* К вопросу о мотивированности заимствованных терминов. Харьков: Харьк. гос. ин-т культуры, 1988. 13 с.
34. *Частник С.В.* О процессе заимствования в терминологии. М.: Московский Гос. пед. институт иностр. яз. им. М. Тореза, 1981. 31 с.
35. *Шелов С.Д.* Определение и мотивированность терминов (по данным лексикографических и текстовых дефиниций) // Очерки научно-технической лексикографии: Сб. ст. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 5–33.
36. *Klasson K.* Developments in the terminology of physics and technology. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1977. 202 p. (Acta Univ. Stockholm; V. 42).
37. *Picht H., Draskau J.* Terminology: An introduction. Surrey: University of Surrey, 1985. 265 p.
38. *Sager J.C.* A practical course in terminology processing. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1990. 254 p.

3. ЛЕКСИКОГРАФИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ: СОСТАВ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ГЛОССАРИЕВ ФОРМИРУЮЩИХСЯ ТЕРМИНОЛОГИЙ

The article reports preliminary results of a study concerning the experience of compiling online glossaries of new terminologies both in Russian and in English. The target goal is to identify reliable methods and criteria of selecting basic terminology for the glossaries.

Linguistic Laboratory of the School of Linguistics and Cross-Cultural Communication (MGIMO University) fulfills the projects dealing with online topical English-Russian dictionaries of current terminologies from legal acts and media texts, on the one hand. On the other hand, a group of researchers work on the basic Russian terms of neurolinguistics.

The author comes up with a conclusion that at the present moment Russian language terminology of neurolinguistics cannot be described as a system due to the coexistence of various approaches to the subject, methods and structure of the branch of knowledge. English terminology of neurolinguistics doesn't coincide with the research aspects denoted by Russian terminology of the field. Online glossaries of new terminologies are to reflect the differences and peculiarities of Russian and English corresponding research.

1. Проекты Лингвистической лаборатории ФЛМК МГИМО по составлению глоссариев формирующихся терминологий.

В 2022–2024 гг. Лингвистическая лаборатория факультета лингвистики и межкультурной коммуникации (ФЛМК) МГИМО активно работает над проектами «Корпусные исследования языка и речи», «Создание пополняемых тематических онлайн глоссариев новых терминологий». В работе Лингвистической лаборатории принимают участие преподаватели и студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры ФЛМК, приглашенные эксперты в области терминографии, специального перевода, IT, обработки данных естественных языков и т.д.

Целью указанных проектов является повышение качества цифровых лингвистических и лексикографических инструментов, разработка методики и критериев отбора базовых терминов новых терминологий и определение адекватной задачам структуры терминографической статьи. Результатом должна стать разработка уникального цифрового лингвистического инструмента для перевода и обработки терминов и профессиональных текстов, а также внедрение высокотехнологичных методик преподавания в процесс подготовки лингвистов, переводчиков, юристов-международников. В своих исследованиях терминоведы – сотрудники Лаборатории опираются в том числе на работы В.М. Лейчика [Лейчик 2006], оперирующие понятиями языкового субстрата и логического суперстрата терминологического знака.

Несмотря на то что на современном лексикографическом рынке известно довольно много словарей, регистрирующих новую, в том числе терминологическую, лексику, сложно рекомендовать переводные словари новой специальной терминологии (например, санкционного регулирования, договоров о границах, контрактного права), меняющейся буквально на глазах. Указанными обстоятельствами обусловлена необходимость в разработке переводных англо-русских тематических онлайн глоссариев, основанных на актуальных контекстах из специальных текстов, правовых актов и медиа.

После презентации своих пилотных проектов, упомянутых выше, сотрудники Лаборатории получили заказ на составление словника глоссария русскоязычной

терминологии нейролингвистики на основе корпуса современных текстов в данной области. Полноценных русскоязычных монографий, учебников или словарей / справочников по нейролингвистике в данный момент обнаружить не удалось. Существуют работы в области смежных дисциплин, например [Ахутина 2014, Пищальникова 2024], и словари медицинских и словари психологических терминов, содержащие ряд единиц, используемых в русскоязычных текстах по нейролингвистике, например [Словарь терминов методики преподавания, Словарь психологических терминов]. Отсутствие специальных словарей психолингвистических и тем более нейролингвистических терминов, англо-русских / русского-английских переводных словарей нейролингвистических терминов обусловлено историей отечественной психолингвистики (теории речевой деятельности), развивавшейся иначе нежели англоязычная нейролингвистика. Работа над глоссарием базовых терминов нейролингвистики, совмещающей в себе и отечественный, и англоязычный опыт научной традиции, может способствовать систематизации терминов данной области знания. Кроме того, корень *нейро-* сейчас очень широко и охотно используется в нетерминологическом смысле. Фактически он употребляется в значениях ‘цифровой, модный, современный, созданный искусственным интеллектом’. Итак, важно разграничить терминологические значения и такое широкое нетерминологическое понимание данного корня.

Как известно, новые понятия обозначаются лексическими единицами, в том числе терминологическими, образованными средствами своего языка или являющимися заимствованиями. Иногда новые понятия обозначаются уже существующими единицами, получающими новые значения (семантический способ терминообразования). Формирующиеся новые терминологии отличаются рядом признаков от устоявшихся терминосистем. Так, если для сложившихся областей знания и их терминосистем характерны (а) наличие теории, изложенной в докторских и кандидатских диссертациях, монографиях и иных научных публикациях; (б) наличие предмета и специфических методов исследования, то для формирующихся терминологий и подсистем свойственны (а) наличие активно развивающихся, часто противоречивых и взаимоисключающих концепций; (б) стихийно используемая терминология, а также значительное количество терминов, привлеченных из смежных областей знания. Указанные признаки делают новые тематические области знания и их терминологии все более интересными и важными для лингвистического и терминографического изучения. К таким терминологиям, полагаем, можно отнести современную русскоязычную терминологию нейролингвистики.

2. Тематические переводные онлайн глоссарии актуальной англоязычной терминологии

Важно подчеркнуть, что терминологии юриспруденции, цифровых технологий, нейролингвистики и иных новых областей знания постоянно развиваются, а новые лексические единицы в медиатекстах часто обозначают ту или иную «текущую кризисную ситуацию» [Иконникова, Цверкун 2021]. При этом онлайн и бумажные словари обновляются недостаточно часто, чтобы обеспечить переводчика информацией о подобной лексике – она еще не вошла, а, возможно, никогда не войдет в академические словари, но, тем не менее, на данный момент является актуальной, частотной и нуждается в корректном переводе. По этой причине не только студенты, но и переводчики, журналисты обращаются порой к проектам типа Multitran [<https://www.multitran.com/>] или Reverso context [<https://context.reverso.net/>], надежность которых иногда вызывает сомнения, поскольку переводы выполнены людьми разной квалификации и уровня знаний, а предлагаемые варианты переводных эквивалентов обычно контекстно обусловлены.

Некоторые терминологические единицы не включаются в крупные словари, так как, возможно, выйдут из употребления вместе с потерявшей актуальность тематикой (например, “yellow jackets” / ‘желтые жилеты’), но специалисты используют такие единицы, а, следовательно, переводчику необходимо их переводить. Так, например, единица *substate*,

включенная в глоссарии ФЛМК, не зафиксирована в переводных англо-русских словарях ни как существительное, ни как прилагательное; тем не менее эксперты-международники употребляют единицу «субгосударственный» [Артеев]. Вообще, необходимость в онлайн глоссариях с максимально актуализированным словником, дефинициями, вариантами перевода, пометами и справкой возрастает постоянно, поскольку постоянно растет скорость информационного потока, и все больше ценится время, сэкономленное на обработке больших объемов текстовых данных.

Терминологическая база данных Лингвистической лаборатории ФЛМК МГИМО может стать улучшенным аналогом следующих существующих инструментов:

- 1) ресурсов по созданию собственных корпусов и программ памяти перевода, которые сейчас не функционируют на территории России, и имеют несколько другие функции;
- 2) онлайн агрегаторов переводов, имеющих в сети и предоставляющих переводы разного качества (в том числе и ошибочные, с неподходящими контекстами);
- 3) онлайн или бумажных словарей, которые не дают нужных значений (новых или специальных);
- 4) GPT-моделей, не функционирующих на территории России и допускающих ошибки в силу обучения на любых запросах (в том числе неверных).

Работа над созданием глоссариев для ТБД проводилась в два этапа. На первом этапе (2022 г.) каждый участник команды исследователей (автор глоссария) выбрал себе микро-тему в рамках юридической терминологии (терминология организации и проведения референдумов, терминология антидопингового регулирования, терминология контрактного права, терминология международных договоров о государственных границах и др.). Затем авторами был произведен сбор англоязычных текстов международных и национальных нормативно-правовых актов и комментариев к ним, а также практик международных организаций по выбранной теме, из которых был составлен корпус исследования.

Далее, с помощью цифровых корпусных инструментов, авторы формировали список лексических единиц (терминов и терминологических сочетаний, специальной и иной тематической лексики), вошедших в пилотную версию глоссария. Ключевыми параметрами при составлении списка терминов и специальной лексики были:

- а) принцип достаточной частотности в корпусе;
- б) важная роль в тексте конкретной тематики (ключевые понятия на основании экспертного мнения исследователя, принимавшего решение о значимости лексической единицы после изучения правовых актов и медиатекстов по узкой теме глоссария);
- в) актуальность для целей перевода и обучения.

Предоставленный корпусным менеджером список частотных лексических единиц не переходил в глоссарий в «первозданном» виде, а дополнительно проверялся и при необходимости редактировался исследователем.

Перевод осуществлялся при помощи специализированных словарей юридической и иной терминологии, словарей для общих целей, а также одноязычных толковых и переводных словарей с опорой на контекстное значение в рамках нормативно-правовых актов, загруженных в корпус.

Пилотные версии глоссариев, разработанные сотрудниками Лингвистической лаборатории в 2022 г., были размещены на отечественной платформе Myefe [Myefe] и представлены на международных научно-практических семинарах [Семинар...2022 и Международный семинар...2022].

В 2023 г. проводился второй этап работы. Были созданы корпуса медиатекстов, отобранных из англоязычных СМИ за 2022–2023 гг. В ходе обработки корпуса моделировался список терминов и иной специальной и тематической лексики. Далее проходило сопоставление полученного списка лексических единиц с аналогичным тематическим списком, разработанным в ходе работы проекта в 2022 г., проводившегося на

основе нормативно-правовых актов. Из обоих списков отбирались совпадающие и наиболее частотные и актуальные лексические единицы для формирования глоссария.

Лексические единицы тематического корпуса фиксировались в сводной таблице, содержание колонок которой было следующим: термин, помета о сфере употребления, региональность (амер. / брит.), дефиниция на английском языке, переводной эквивалент, синоним / антоним (если есть), коллокация, производные слова, пример употребления, ссылка на контекст в СМИ. В таблице также фиксировалась полисемия лексических единиц (при наличии) и разные коллокационные возможности их отдельных значений.

Всего было сформировано 10 глоссариев: «Международное санкционное регулирование / International sanctions» (Е.В. Глушко), «Практика организации и проведения референдумов / Referendum Glossary» (С.А. Маник), Договоры о государственных границах / Boundary treaties (А.Д. Мезенцова), Международное и национальное контрактное право / Contract law (А.С. Галюченко) и др.

На основе научных работ [Шелов, Четверикова 2022], комментариев, вопросов, рекомендаций и замечаний экспертов – сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, С.Д. Шелова и Т.Д. Четвериковой, были уточнены и расширены параметры словарной статьи глоссариев, созданных Лингвистической лабораторией в 2022 г., доработаны методология исследования и уточнены цели будущей цифровой платформы.

Результаты работы Лингвистической лаборатории в 2023 г. были представлены на презентации пилотной версии цифровой терминологической базы данных Лингвистической лаборатории ФЛМК МГИМО в рамках XV Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) [РАМИ...2023], а перспективы работы над терминологической базой данных были изложены на пленарном и секционных заседаниях, а также на дискуссионных площадках Международного научно-практического форума «Язык. Культура. Перевод: цифровые технологии и вербальная коммуникация» 16–17 февраля 2024 г. [Форум...2024]. Завершение работы над ТБД планируется в 2025 г. (версия 1.0, адаптированная под заказчика).

Проведенная работа позволяет констатировать следующие особенности исследования новых терминологий и параметры их терминографического описания: 1) необходимость фиксации терминопорождения в онлайн режиме, обусловленная возрастающей скоростью возникновения и исчезновения новой специальной лексики; 2) важность качества работы по определению критериев и источников отбора новых терминов, определения степени их терминологичности (критерии частотности, релевантного контекста, корректности применения данных корпусных инструментов обработки текстов и критический анализ результатов); 3) необходимость уточнения новых требований к тематическим онлайн-глоссариям актуальной специальной лексики.

3. Русскоязычный глоссарий базовых терминов нейролингвистики

При работе над глоссариями новых терминологий ценным опытом для сотрудников Лингвистической лаборатории ФЛМК стал заказ Центра нейролингвистических исследований когнитивного потенциала МГИМО на разработку пилотной версии (2023 г.) и версии 1.0 (2024 г.) Русскоязычного глоссария нейролингвистической терминологии. Для работы над данным проектом был проанализирован широкий текстовый и видеоматериал, посвященный проблематике нейро- и психоллингвистики, нейропсихологии, биологии и анатомии, физиологии, медицины и т.д. [Иконникова 2024]. Были разработаны две методики отбора терминологических единиц (В.А. Иконниковой и Е.В. Глушко), принципы дальнейшего отбора лексики для словника глоссария и особенности репрезентации продукта на платформе Муефе и в ТБД Лингвистической лаборатории (А.С. Галюченко). В ходе работы над русскоязычной терминологией нейролингвистики авторы пришли к следующим выводам: 1) русскоязычная терминология нейролингвистики находится в состоянии

формирования; 2) заимствования терминологических единиц путем транслитерации и калькирования – один из способов пополнения терминологии нейролингвистики; вопрос об обоснованности и ассимиляции заимствований является открытым; 3) корпусные инструменты обработки текстов и терминов, а также методика Лингвистической лаборатории ФЛМК МГИМО позволяют сделать наиболее достоверную выборку терминов для глоссария; 4) концепция В.М. Лейчика о структуре терминологического знака и идеи о создании ТБД – одна из базовых теорий для современных терминологических исследований и практики.

За период с июля по сентябрь 2023 г. группой сотрудников Лингвистической лаборатории ФЛМК МГИМО был собран **широкий корпус**, состоящий из **170** анализируемых терминологических единиц, используемых в текстах, отнесенных к нейролингвистическим и смежным исследованиям. Целевой узкий корпус по изначальным условиям работы должен был составить 20 терминологических единиц. Они были отобраны авторами из 170 единиц широкого корпуса следующим образом: 14 единиц присутствовали как в корпусе, составленном В.А. Иконниковой, так и в корпусе, созданном Е.В. Глушко. Еще 6 единиц были добавлены по релевантности после обсуждения. Указанные 20 терминологических единиц составили корпус базовых терминов нейролингвистики для пилотной версии цифрового глоссария.

Авторы разработали следующие **параметры словарных статей** для каждой из указанных 20 единиц: **теги** (уровень терминологической единицы по родо-видовым признакам, автор, ссылка на источник) + **авторская дефиниция**, разработанная на основе контекстов + **контексты** употребления + **справка** (где необходимо).

В итоговый список терминов с дефинициями для пилотной версии глоссария вошли следующие единицы:

1. Апоптоз нейронов
2. Высшие психические функции
3. Зеркальные нейроны
4. Когнитивизм
5. Когнитивная лингвистика
6. Когнитивная наука
7. Когнитивные науки
8. Когнитология
9. Мозг
10. Мозговая деятельность
11. Нейролингвистика
12. Нейронные связи
13. Нейроны
14. Нейроразнообразие
15. Нейроэстетика
16. Пластичность мозга
17. Психоллингвистика
18. Речевая деятельность
19. Функции мозга
20. Язык

Указанные результаты были доложены на Круглом столе [Нейролингвистика...]. Работа над включением в глоссарий других единиц из широкого корпуса исследования продолжена в 2024 г.

На основе изученного материала уточнена рабочая дефиниция термина «нейролингвистика». **Нейролингвистика** – комплексная область исследования, изучающая взаимодействие функционирования мозга (нейронов, нервной ткани, отделов и т.д.)

и речевой деятельности специальными методами, в том числе использующими цифровые технологии.

Продолжая работу над выявлением базовых русскоязычных терминов нейролингвистики, необходимо подойти к задаче системно, описывая структуру, объект, предмет и классификации понятий данной области знания. Так, выстраивая систему терминов, используемую в русскоязычных текстах по нейролингвистике, предлагается определить смежные области знания, входящие в область *нейронаук (нейрофизиологии, нейропсихологии* и т.д.), а также учитывать привлеченные термины *когнитивных наук, медицины (неврологии, анатомии, физиологии, психиатрии* и т.д.), *психологии, педагогики (логопедии, методики преподавания языков, коррекционной педагогики* и т.д.).

Представляется логичным отграничить нейролингвистику от таких смежных областей знания, как *когнитивная лингвистика, психолингвистика* (теория речевой деятельности), *нейропсихология* и др., с одной стороны. С другой стороны, в структуре нейролингвистической науки следует выделить отдельные разделы на основании предмета и целей исследования: клиническая (медицинская) нейролингвистика; педагогическая (методическая) нейролингвистика (обучение родному и иностранным языкам, восприятие и воспроизведение вербальной информации и др.); маркетинговая нейролингвистика (восприятие покупателем текстовой информации и способы воздействия на покупательское поведение через тексты и т.д.).

Далее необходимо терминологически обозначить объекты исследования нейролингвистики – *мозг* и *язык*. Мозг может быть *неврологически здоровым* и *поврежденным*; *монолингвальным, билингвальным, полилингвальным; взрослым* и *детским*. Можно далее терминологически обозначать элементы структуры мозга – *кора, полушария, таламус, мозжечок, центр Брока, центр Вернике, нейрон, нейронные сети, нейронная ткань, извилины* и т.д. Отдельно изучаются *мозговые механизмы, мозговые процессы, мозговые функции, высшая психическая деятельность* и т.д.

Под языком как объектом исследования нейролингвистики следует понимать *языковую систему (парадигматические отношения), речь (синтагматические отношения)* и *речевую деятельность*. К языковой системе относятся *фонетическая система, морфологическая система, лексическая система, синтаксическая система, семантика единиц языка и речи. Речемыслительная деятельность* и ее элементы могут *развиваться, нарушаться, компенсироваться* и т.д. Их можно *восстанавливать, корректировать* и т.д. Предметом исследования нейролингвистики предлагается обозначить *исследование патологии речи и исследование нормы речи*.

Неврологически поврежденный мозг как объект исследования нейролингвистики предполагает изучение *афазий* (клиническая / медицинская нейролингвистика – отечественная психолингвистика, работы А.Р. Лурии, А.А. Леонтьева, Т.В. Ахутиной и последователей), их структуры и видов, которые также обозначаются отдельными терминами. Изучение *детского мозга* подразумевает *развитие речевой деятельности (восприятия и порождения речи)* и т.д. Исследование процессов, особенностей, возможностей и скорости овладения новыми языками полилингвального мозга предполагает свой терминологический аппарат. Отдельный ряд терминов представляет собой наименования методов нейронаук, в том числе *окулография (айтрекинг), фМРТ, дихотическое прослушивание* и т.д. Выделенные выше полужирным курсивом термины распределяются по уровням системы на основе пополняемого корпуса контекстов. Авторы формулируют и уточняют дефиниции, расставляют пометы, работают над словарными статьями для глоссария. В версии 1.0 2024 года планируется получить 50 русскоязычных терминов нейролингвистики 1–3 уровней выстраиваемой терминосистемы.

Отметим, что, сопоставляя русскоязычную нейролингвистическую терминологию с терминологией англоязычных учебников и монографий [например: Ingram], можно

констатировать несовпадение терминологии, лишь частичное наложение объекта и предмета исследования в русскоязычной и англоязычной традициях.

Итак, к особенностям составления глоссариев формирующихся терминологий можно отнести следующие: опора на корпуса актуальных текстов последних двух-трех лет, цифровая форма репрезентации результатов, возможность пополнения и уточнения информации словарных статей в онлайн режиме, верификация дефиниций и соотношения единиц терминосистемы коллективом авторов и экспертов, постоянное совершенствование системы управления терминологиями с помощью современных технологий в лингвистике и лексикографии.

Литература

1. *Артеев С.П.* Субгосударственные акторы в системе международных отношений. Вестник МГИМО-Университета. 2016; (5(50)). С. 167–171 // URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/632> (дата обращения: 12.08.2024).
2. *Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянских культур, 2014. 424 с.
3. *Иконникова В.А.* Терминологии новых областей научного знания: перспективы и вопросы (на материале терминов нейролингвистики) // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Часть 2. С. 406–420.
4. *Иконникова В.А., Цверкун Ю.Б.* Лингвокультурологические исследования англоязычных отраслевых терминологий и современные технологии в лингвистике. Монография. М.: Русайнс, 2021. 186 с.
5. *Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
6. *Международный семинар «Язык. Культура. Перевод: лаборатория актуальных смыслов»* // МГИМО Университет. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/yazyk-kultura-perevod-02-23/> (дата обращения: 12.08.24).
7. *Нейролингвистика, ИОТ и тенденции языковой политики* // МГИМО Университет. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/priorityfest-2023-lang/> (дата обращения: 12.08.24).
8. *Пищальникова В.А., Сонин А.Г.* Общее языкознание. Часть 1: Учебник для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., перераб., расш. и доп. М.: Р.Валент, 2024. 640 с.
9. *РАМИ: презентация пилотной версии цифровой терминологической базы данных МГИМО* // МГИМО Университет. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/xv-risa-presentation-linguistic-laboratory/> (дата обращения: 12.08.24).
10. *Семинар «Лингвокультурологические исследования дискурса медиадипломатии»* // МГИМО Университет. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/lingvokulturologicheskie-issledovaniya-diskursa-mediadiplomatii/> (дата обращения: 12.08.24).
11. *Словарь терминов методики преподавания* // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-metodicheskikh-terminov> (дата обращения: 12.08.24).
12. *Словарь психологических терминов* // URL: <https://psychological.slovaronline.com/> (дата обращения: 12.08.24).
13. *Форум «Язык. Культура. Перевод: цифровые технологии и вербальная коммуникация»* // МГИМО Университет. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/language-culture-translation-digital-technologies-and-verbal-communication/> (дата обращения: 12.08.24).

14. Шелов С.Д., Четверикова Т.Д. Лексикографическое описание специального слова в общем толковом словаре: пометы, ремарки, комментарии // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. Вып. 1. С. 5–20.
15. Ingram, John C.I. *Neurolinguistics: An Introduction to Spoken Language Processing and its Disorders*. Cambridge University Press, 2007. // URL: https://www.academia.edu/48611923/Neurolinguistics_An_Introduction_to_Spoken_Language_Processing_and_its_Disorders (дата обращения: 20.08.24).
16. *Myefe* [Электронный ресурс] // URL: <https://myefe.ru/> (дата обращения: 12.08.24).
17. *Multitran* [Электронный ресурс] // <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 12.08.24).
18. *Reverso* [Электронный ресурс] // <https://context.reverso.net/> (дата обращения: 12.08.24).

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ: ОБЩЕЯЗЫКОВОЕ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ

The article deals with the problem of representing plant names (phytonyms) in general explanatory dictionaries. A plant name can be considered rather as a common word, than a term. Thus, in explanatory dictionaries such units should be described primarily from a common language perspective. It is also emphasized that the explanatory dictionary should reflect different aspects of the functioning of phytonyms: to fix both the special and the naive definition of phytonyms. For an adequate lexicographic description of phytonyms, their place in the lexical system of the language should be taken into account, with an analysis of the ambiguity, synonymy, and stylistic stratification of plant names.

В толковых словарях мы можем найти ряд слов, являющихся названиями растений. Основные толковые словари, отражающие русский язык разных периодов XX в. – Словарь под ред. Д.Н. Ушакова [СУ], Малый академический словарь [МАС], однотомные словари, в частности наследующий Словарю Ожегова «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» [СШв], – включают около 800 таких названий. Если попытаться проанализировать эту лексическую группу системно, можно обнаружить, что она сравнительно невелика, во многом несовременна и противоречиво описана. Так, словари включают названия растений, на данный момент неактуальных для современного носителя языка (пищевые – *брюква*, кормовые пастбищные злаки – *ежа*, *timoфеевка*, некогда использовавшиеся в промышленности и медицине – *ворсовка*, *дурман*, *рами*, *строфант* и т.п.), но при этом практически не отражают многие сферы современной жизни. Так, луговые злаки, которые ранее были известны как пастбищные кормовые культуры, сейчас используются как газонные травы (*овсяница*, *райграс*, *timoфеевка*), но в толковых словарях этого не найти. Комнатное и декоративное цветоводство в толковых словарях представлено единичными названиями типа *герань* и *гардения*. Популярные сейчас срезочные цветы (*гербера*, *фрезия*) в толковых словарях не упоминаются, как и многие популярные овощи и фрукты (*брокколи* и *цукини*, *киви* и *помело*). Некоторые названия такого рода появляются в словарях иноязычных слов, но остаются за пределами толковых словарей. Популярные источники по цветоводству и садоводству, полевые определители флоры, справочники, опубликованные в последние два десятилетия, содержат около трех тысяч названий растений, многие из которых давно привычны современному носителю языка (ср. названия садовых культур, также отсутствующие в толковых словарях: *арония* (*черноплодка*), *астильба*, *безвременник*, *вербейник*, *ирга*, *мускари*, *хеномелес*, *хоста*).

При сопоставлении словарей можно обратить внимание на то, что более ранние словари (например, [СУ]) «во главу угла» ставили преимущественно практический подход – названия растений отбирались по принципу их полезности для человека и описывались через призму его хозяйственной деятельности, ср.:

КЕНДЫРЬ, -я, *мн.* нет, *м.* [тюрк. *kendir*]. Травянистое растение, дающее хорошего качества волокно, близкое к пеньке.

ДОННИК, -а, *м.* (бот.). Медоносное ароматическое растение из семейства бобовых, применяемое в медицине для пластырей.

В более поздних словарях в формировании этого фрагмента словника и толкованиях отдельных лексем постепенно усиливалась тенденция к большей научности: можно предположить, что названия растений (фитонимы) стали восприниматься как своего рода номенклатура и рассматриваться, таким образом, как термины, поскольку номенклатура является неотъемлемой частью терминологии – это совокупность специальных названий реалий определенной области [Шелов, Лейчик 2007]. Согласно С.Д. Шелову, «номенклатурное имя (номен) – это **термин**, являющийся понятийно осознанным (в терминах и понятиях соответствующей научной дисциплины, сферы знания или тематической области) “именем собственным”, включающим в качестве лексико-синтаксического компонента своеобразную “знаковую этикетку” – номенклатурный показатель (маркер), называющий внешние, не включенные в аналитическую понятийную сетку дисциплины признаки, или вообще являющийся совершенно условной буквенно-цифровой нотацией, кодирующей целый комплекс видовых признаков» [Шелов 2007: 80]. Показательно, что уже в СУ названия растений последовательно отмечались пометой *Бот.*, что нередко приводило к парадоксальным ситуациям, когда эта помета использовалась одновременно с пометой *Обл.*, т.е. объединялись пометы с разной стилистической составляющей, поскольку специальная помета *Бот.* связана с книжной сферой употребления, тогда как помета *Обл.* относилась к сниженному стилистическому регистру. Особенно наглядно такое противоречие видно в следующих примерах:

ЖЕЛТОЦВЕТ, -а, м. (бот.). Название различных луговых растений с желтыми цветами.

КАШКАРА, -ы́, мн. нет, ж. (бот.). Род кустарника, рододендрон, сибирская роза.

ОГНЕЦВЕТ, -а, м. (обл. бот.). Растение с цветами желто-синего цвета, то же, что Иван-да-Марья.

СТАРОДУБКА, -и, ж. (обл.). Название нек-рых луговых и степных растений, напр. адониса.

Очевидно, что все приведенные названия – *желтоцвет*, *кашкара*, *огнецвет*, *стародубка* – не могут рассматриваться как номенклатурные единицы, поскольку либо обозначают несколько растений, либо выступают как региональный вариант общепринятого названия: так, *кашкара* – сибирское название вида *Рододендрон золотистый*. В таком случае помета *Бот.* при них нерелевантна.

В более поздних словарях [БАС-1; МАС] от такой постановки пометы *Бот.* справедливо отказались (оставив ее при собственно терминах, таких как *аралиевые*, *вегетация*, *гуммоз*, *двудомный* и др.), а «ботанический» компонент стал включаться в само толкование, что нашло выражение в попытке прийти к единообразию при описании названий растений, ср. в МАСе:

ДОННИК, -а, м. Травянистое кормовое и медоносное растение сем. бобовых. *Белый донник.*

Однако такой подход привел не столько к единообразию в толкованиях, сколько к их обеднению, утрате информативности, ср. в МАСе малоотличимые толкования:

ДЕВЯСИЛ, -а, м. Травянистое растение или кустарник сем. сложноцветных.

ЦИНИЯ, -и, ж. Травянистое декоративное растение сем. сложноцветных.

Более того, из словника стали исключаться единицы, которые могли трактоваться как «недостаточно научные» – областные, неконкретные, альтернативные, устаревшие

и пр. (см. подробнее в работе [Кулева 2022]). В результате, представление рассматриваемой группы слов в существующих словарях вызывает серьезные вопросы.

Одной из ключевых проблем в сложившейся ситуации оказывается правомерность отнесения фитонимов к сфере терминологической лексики. Действительно, русские названия растений тяготеют к терминологической сфере, выступая в качестве аналогов латинской номенклатуры. В биологии принят бинарный принцип обозначения растений, заключающийся в том, что род растения всегда представлен первым словом и всегда с прописной буквы. Вид (или видовой эпитет) указывается за названием рода со строчной буквы, а в целом латинское название растения выделяется, как правило, курсивом. Так, соединение научных латинских названий растения «род» и «вид» породило ту самую ботаническую номенклатуру, содержащую в себе уникальное название каждого растения, ср.: *Акация серебристая*, *Василёк луговой* или *Василёк полевой*, *Гортензия крупнолистная*, *Сныть обыкновенная*. Очевидно, что для обиходного языка такие номинации нехарактерны. Общеязыковые названия растений (которые известны неспециалистам и которые включаются в толковые словари) обычно соответствуют родовым ботаническим названиям, что вполне логично, поскольку это и есть название «растения вообще», ср.: *ива*, *одуванчик*, *акация*, *флокс*, *берёза*, *рудбекия* и пр. Реже номинация относится к одному из видов или подвидов растения – очевидным образом, если они играют особую роль в жизни человека или ярко выделяются среди других, в таком случае наивноязыковая картина мира оказывается более подробной, чем научная, так, ботаническому родовому названию *Ива* соответствует ряд общеязыковых номинаций: *бредина*, *верба*, *ветла*, *краснолоз*, *шелюга* и т.д., ср.: «Ива остролистная» = *верба*, «Ива белая» = *ветла*, «Тополь дрожащий» = *осина*, «Тополь чёрный» = *осокорь*; ботаническое родовое название *Капуста* объединяет такие разные (по внешнему виду, особенностям выращивания, хозяйственному использованию) виды, как *брокколи*, *кольраби*, *горчица*, *рапс*, *репа*, *брюква* и др., которые для наивноязыкового сознания существуют как разные растения.

Таким образом, названия растений, на наш взгляд, могут видаться и общеязыковыми словами, и терминами, в зависимости от толкования, которое будет дано в словаре (ср.: ‘Дерево, растущее по берегам рек’ vs. ‘Деревянистое растение семейства ивовых’). И в этом смысле важно замечание О.А. Зябловой: «...объяснить и определить термин с когнитивной точки зрения все же представляется достаточно сложным, потому что весь смысл этого определения заключается в ответе на вопрос, предстает ли перед нами специальная или неспециальная структура знания. **Если же в объяснении и в дефиниции самого слова используются специальные знания**, то это слово скорее всего уже стало термином» [Зяблова 2005: 49]. По сути, мы сталкиваемся с тем, что некоторые термины по форме совпадают с общеязыковыми словами, однако по содержанию их бытовое значение и специальное сильно различаются.

Как известно, одним из критериев характеристики термина чаще всего называют однозначность, но практика показывает, что такой признак, как однозначность, не является показателем термина вообще. Существуют многозначные слова, одно из значений которых функционирует как термин, и однозначные слова, терминами не являющиеся; см. подробнее в работе [Шелов 2003: 12–13]. Термин – элемент языка в целом, а следовательно, он имеет те же свойства, что и любое слово, т.е. может быть и многозначным, и синонимичным, и антонимичным и т.п. И здесь мы полностью разделяем мнение А.А. Реформатского о том, что термин – это «слово, а тем самым термин должен быть нормальным членом лексической системы языка» [Реформатский 1968: 121].

Фитонимы могут быть многозначными, не говоря уже о том, что во многих случаях не существует однозначного соответствия между определенным растением и его именованьями. В повседневном общении может происходить путаница, когда один и тот

же объект люди называют по-разному и при этом не догадываются, что говорят об одном и том же растении (например, *таволга* = *лабазник* = *белоголовка* = *беломалинник*). Иногда, напротив, одно название относится к разным денотатам. Так, *жасмин*, цветки которого добавляют в чай для аромата, произрастает в Азии, Закавказье и на Аравийском полуострове, Севере Китая. В наших широтах *жасмин* (лат. *Jasminum*) не растет, однако этим словом называют совсем другое растение – садовый кустарник с белыми душистыми цветами, специалисты его называют *чубушником*. Интересно, что *чубушник* (*Philadelphus*) относится к семейству гортензиевых, представители которого обычно слабо ядовиты, потому пытаться сушить его цветки для добавления в чай вряд ли стоит, о чем некоторые люди даже не догадываются.

Показательно, что в сфере ботаники национальные названия растений (в том числе – русские) относить к терминологии как раз не принято, поскольку в качестве единственно правильной терминологии принято рассматривать искусственную латинизированную номенклатуру, основу которой предложил еще в 1753 г. Карл Линней, см. работы [Горностаев и др. 1974: 3–4; Прохоров 2004]. С позиций ботаники отмечается: «В одном языке одно и то же растение может иметь несколько названий, особенно в разных частях страны. С другой стороны, одно и то же народное название (или часть названия) может относиться к совершенно разным таксонам. Народная “номенклатура” растений, животных и других групп организмов является неотъемлемой составной частью того или иного языка: она подчиняется исключительно лишь лингвистическим правилам и относится к области языкознания, но не систематики или биологии в целом <...> Кроме того, очень многие растения вообще не имеют народных названий (особенно растения, не имеющие практического применения)» [Эбель 2008: 4].

Таким образом, в толковом словаре следует отражать разные аспекты функционирования фитонимов: фиксировать и специальное, и наивноязыковое содержание лексической единицы, что, безусловно, оказывается сложной задачей.

Термины ботаники призваны объективно отражать биологические свойства растений. Так, М.Н. Лазарева делает важный вывод, что структурное различие ботанического наименования и названия растения, используемого в прикладной науке, определяется неодинаковой функциональной нагрузкой, которую они несут в системе понятий своих наук. Ботанический термин не только называет предмет, но и представляет его в знании [Лазарева 2013: 286]. Важный вопрос задавала Е.Н. Толикина в своей работе: «Ботаническая классификация (*сложноцветные*, *гвоздичные*) не предполагает оценки растений как сорных или культурных. Она исходит из биологических свойств и отражает объективную точку зрения природы. Культура земледелия вносит поправки. А какую позицию должен занять словарь?» [Толикина 1976: 54].

В связи со сказанным уместно вспомнить несогласие Ф.П. Сороколетова с Л.В. Щербой в том, что «в общем словаре литературного языка можно давать определения типа “род кустарника” (для какого-либо растения кустарника) <...>, т.е. определения, в основу которых не кладутся признаки, дающие возможность отличить одно растение от другого» и обратиться к его утверждению, что «отличительные признаки должны наличествовать в толковании каждого специального термина. Иначе толкование теряет всякий смысл» [Сороколетов 1962: 126]. На этот счет С.Д. Шелов замечает: «Но в том-то и состоит вся сложность антиномии общего и специального, что такую дифференциацию и разграничение делает только научное мышление, неизбежно привлекая специальные и сущностные знания, которых в самом языке и, соответственно, в общем значении слова нет. С другой стороны, в общем языке значения, различные объекты (различные сущности) могут либо не разграничиваться вовсе, либо разграничиваться с помощью достаточно случайных или, по крайней мере, не самых важных и самых существенных, с точки зрения научного и профессионального знания, признаков» [Шелов 2018: 335].

Показательно, что многие толкования из авторитетных словарей сейчас кажутся наивными, однобокими, излишне утилитарными или не вполне достоверными, так, например:

в СУ:

АМБРО́ЗИЯ и *амврóзия*... [греч. ambrosia]. ... 2. Род растения, издающего сильный запах (бот.).

ВЯЗ... Большое дерево, очень гибкое, из древесины к-рого делают полозья, ободья, части в машинах.

ЧЕРНОГОЛÓВКА... (бот.). Невысокое травянистое луговое растение с фиолетовыми или желтовато-белыми цветками.

ЯСЕНÉЦ... (бот.). Многолетнее травянистое растение с перистыми листьями, как у ясеня, выделяющее эфирные масла.

в МАСе:

БЕРЕСКЛЕТ... Кустарниковое растение с опадающими или вечнозелеными листьями, содержащее гуттаперчу.

ВОРСЯНКА... Высокое травянистое растение, соцветия которого (ворсовальныи шишки) применяются в промышленности для ворсования.

В приведенных примерах можно отметить непоследовательность толкований, где отличительными признаками становятся то качество стеблей самого растения, то оттенок цветков, то какое-либо свойство этого растения. На такой разноречивой в толкованиях обращал внимания Д.Н. Шмелев, подчеркивая: «Непоследовательность предлагаемых в Словаре толкований подобных слов сразу же бросается в глаза. В некоторых статьях Словарь ограничивается указанием на родовую принадлежность обозначаемых этими словами реалий, чаще же отмечает и какие-то приметы последних, причем во многих случаях эти приметы выбираются довольно случайно. Например, если взять статьи, толкующие названия деревьев, можно отметить, что в них попеременно (и в разных комбинациях) отражены такие признаки, как цвет коры, форма листьев, долголетие, крепость древесины, высота, гибкость ветвей, густота кроны, подвижность листьев, область распространения и т.д. Возможно, не следовало бы требовать единообразия этих описаний, если бы в самой их разноречивости можно было бы обнаружить некоторую систему (например, отмечались бы те приметы, которые так или иначе закреплены во фразеологии, в ходячих метафорах и сравнениях и т.д.). Но такой системы обнаружить не удастся. Та же самая картина – в толкованиях слов, обозначающих зверей, птиц и т.д.» [Шмелев 2023: 169]. Возможно, стоит проследить некую закономерность и системность в толкованиях фитонимов, однако те различительные признаки самих растений, которые для обывательного сознания являются самыми важными, и следует отражать в толковых словарях, несмотря на то что они могут резко отличаться от научных представлений. Думается, что отличительные признаки растений с течением времени могут меняться, потому раз и навсегда разработанную схему толкований довольно трудно себе представить.

Более того, очевидно, что взгляд на растения и их отражение в языковой картине мира существенно меняется – не удивительно, что материал толковых словарей, созданных на протяжении XX в., может не удовлетворять современного носителя языка и противоречить его языковому опыту.

Интересно вспомнить российский мультфильм по сказке В. Гауфа «Карлик Нос» (2003). Там есть показательный для нашей темы эпизод, когда главный герой, мальчик Якоб, чтобы снять злые чары, должен сорвать таинственную травку *Taraxacum* и «сжечь его голову солнцем», но он не знает, что это за растение. Позже ответ приходит от его

матери, разбирающейся в травах, и оказывается, что *Taraxacum* – это латинское название всем известного одуванчика. Герой сталкивается с номенклатурным названием растения, которое могут знать только профессионалы и которое встречается только в специальной литературе. Это некий кодовый язык, понятный только узкому кругу специалистов. Но у этого названия есть понятный для неспециалистов аналог – *одуванчик*. Однако в оригинальном тексте произведения герой сталкивается с другой коллизией: он помнит вид и запах пряного растения, с помощью которого его заколдовала злая колдунья, но не имеет представления о том, как его искать. Затем от героя требуется найти некое растение, необходимое в качестве тайного ингредиента для изысканного блюда, но ему сообщают только название – *трава «чихай на здоровье»* или *Вкусночиха* (нем. *Niesmitlust* – чихай с удовольствием). Ему на помощь приходит подруга, которая знает, что нужное растение растет «под каштанами». Совместными усилиями они находят эту траву, вид и запах которой герою оказывается знаком (в одном из русских переводов – «цветок с зеленоватым стебельком и ярко-красной головкой, украшенной желтой каймой»). Соединение всех факторов – внешний вид растения, его свойства, место произрастания, способ применения и, наконец, название – приводит героев к счастливому финалу сказки. Показательно, что в современной интерпретации большая часть «ботанической» задачи оказывается утраченной, а на первый план выходит конфликт научного и обыденного знания.

Таким образом, при словарном описании русских названий растений следует не сужать, а расширять «угол зрения». Название растения, обычно совпадающее с родовой ботанической номинацией, может быть как термином, так и общеязыковым словом, однако в общих толковых словарях такие единицы следует описывать прежде всего с общеязыковых позиций. Более того, особое внимание важно уделять месту слова в лексической системе: фиксировать многозначность определенной единицы, ее включение в синонимические, гиперо-гипонимические отношения, стилистическую окраску и др. Как представляется, именно комплексное многоаспектное описание фитонима может быть перспективным подходом к решению задачи его лексикографической подачи.

Литература

1. *БАС-1* – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
2. *Горностаев Г.Н., Забинкова Н.Н., Каден Н.Н.* Латинские названия животных и растений. М.: Изд-во МГУ, 1974. 147 с.
3. *Зяблова О.А.* Определение термина в когнитивно-дискурсивной парадигме знания // Проблемы и методы современной лингвистики: сборник науч. трудов. Вып. 1. Отв. ред. Е.Р. Ионесян. М.: Институт языкознания РАН, 2005. С.43–54.
4. *Кулева А.С.* Вариативность названий растений в толковых словарях современного русского языка // *Русская речь*. 2022. № 4. С. 7–24. DOI: 10.31857/S013161170021740-3.
5. *Лазарева М.Н.* Когнитивный аспект структурно-семантической организации фитонимов, функционирующих в прикладной науке (на материале французского языка) // Терминология и знание. Мат-лы III Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2012 г.) / Отв. ред. С.Д. Шелов. М.: Вест-Консалтинг, 2013. С. 283–294.
6. *МАС* – Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.
7. *Прохоров В.П.* Ботаническая латынь. М.: Академия. 2004. 272 с.

8. *Реформатский А.А.* Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики 1967: [Сб. статей] / отв. ред. С.К. Шаумян. М.: Наука, 1968. С. 103–125.
9. *Сороколетов Ф.П.* Смысловая характеристика терминов в толковых словарях // Лексикографический сборник. Вып. V. М., 1962. С. 125–131.
10. *СУ – Ушаков Д.Н.* (ред.). Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940.
11. *СШв – Шведова Н.Ю.* (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007.
12. *Толикина Е.Н.* Термин в толковом словаре (к проблеме определения) // Проблематика определений терминов в словарях разных типов / отв. ред. С.Г. Бархударов. Л.: Наука, 1976. С. 45–57.
13. *Шелов С.Д.* Номенклатура и терминология (три подхода к выделению номенклатурных наименований) // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: международн. сб. науч. трудов, посвященный юбилею проф. З.И. Комаровой. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. С. 76–81.
14. *Шелов С.Д.* Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения: Монография. М.: ПринтПро, 2018. 472 с.
15. *Шелов С.Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 280 с.
16. *Шелов С.Д., Лейчик В.М.* Номенклатурные наименования как класс научно-технической лексики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 44–48.
17. *Шмелев Д.Н.* Вопросы семантической структуры слова и строение словарной статьи // Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики: Справочные материалы (1938–1970) / Сост. Д.В. Андрианова, Е.А. Беляева и др. / Воронцов Р.И. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 167–172.
18. *Эбель А.Л.* Научные названия видов растений: Учебное пособие. Томск: Томский государственный ун-т, 2008. 64 с.

ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТЫ В ПРОЦЕССАХ НОМИНАЦИИ И В СЛОВАРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА)¹

The article considers the main attributive term elements of the new terminological system of the Russian language, which serve the concept of the Digital Society. The author of the article distributed the term elements into two groups: adjectives (tsifrovoj, elektronnyi, etc.) and prepositive word-formation formants (kiber-, onlain-). The article analyzes the semantic properties and compatibility of term elements, the peculiarities of their origins in the Russian language, the degree of activity in the nomination processes. The article highlights the cases of the analyzed term elements reflection in the special dictionary of the Digital Society terminology.

Понятие «терминоэлемент» (ТЭ) – одно из важнейших в терминоведении. С ним связывают такие существенные признаки терминологий, как **системность** (термины с общим ТЭ легко встраиваются в парадигму) и **интернациональность** (за это качество отвечают ТЭ общего, международного фонда, как правило греко-латинского генезиса). Неслучайно ТЭ включают в терминологические словари наряду с терминами. Кроме того, ТЭ могут быть отдельным объектом лексикографирования [Снетова, Власова 2020].

На современном этапе развития и функционирования терминологий различных областей научного знания роль ТЭ как строевых компонентов терминологических номинаций и системообразующих единиц только усиливается, что объясняется тенденцией к предпочтению мотивированного термина, отмечаемой еще в конце XX в. [Капаназде 2005]. Эта тенденция, в частности, проявляется в том, что в формирующихся терминологиях преобладают составные термины [Головин, Кобрин 1987: 44]². В русском языке такие термины строятся в первую очередь по модели «прил. + сущ.», с которой в последние десятилетия «конкурирует» аналитическая модель «препозитивный неизменяемый атрибут + сущ.», что хорошо иллюстрирует следующий пример: *В исследовании говорится, что после завершения кризиса в регулярную управленческую практику будут включены инструменты, на которые пришлось перейти во время эпидемии: удаленная работа, **онлайн-рекрутмент** и **онлайнное обучение*** (Ведомости. 02.04.2020)³. Атрибутивные конструкции типа *онлайн-рекрутмент* становятся неотъемлемой частью современных терминосистем [Капаназде 2005: 44], следствием чего является рост числа ТЭ аналитического типа [Маринова 2018].

В статье на материале терминологии цифрового общества⁴, формирующейся в русском языке с конца XX столетия, будут рассмотрены **ключевые ТЭ**, активно используемые в настоящее время для создания терминологических номинаций, именующих реалии и понятия этой новой для человечества предметной области. Наблюдения за использованием в речи ключевых ТЭ (*цифровой, электронный, онлайн-*,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

² Составные термины приблизительно в три раза превосходят термины-слова в терминологии цифрового общества [Маринова 2024: 234].

³ Пример взят из «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ].

⁴ *Цифровое общество* (Digital Society), или *Общество 5.0* (Society 5.0), *Суперинтеллектуальный социум* (Super Smart Society) – модель развития государства на основе экстенсивного и интенсивного внедрения во все сферы жизни высоких технологий (алгоритмизации, сетевизации, технологии больших данных, искусственного интеллекта и т.п.) [Selwyn 2019; Добринская 2021; Киселёва, Семёнова 2023].

кибер-, дата- и др.) легли в основу «Тематического словаря терминологии цифрового общества» [ТСТ], в котором исследуемые единицы представлены, как и термины, в отдельных словарных статьях. **Источниками** исследования послужили:

- сервис «Архив СМИ» (1996–2024) коммерческого электронного медиабанка «Интегрум»;
- «Национальный корпус русского языка» [НКРЯ];
- научные тексты (по цифровой социологии, теории сетевой культуры);
- тексты, представленные на официальном сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, включая тексты правительственных документов, новостные сообщения и релизы, выступления представителей власти на различных официальных мероприятиях высшего уровня (<https://digital.gov.ru/>).

Прежде чем перейти к рассмотрению интересующих нас ТЭ, отметим, что термин *терминоэлемент* используется в отечественной лингвистике в широком и узком смысле. В широком смысле под ТЭ понимается «одна из составных частей термина (однословного или многословного)» [Фомина 1983: 176]. При таком подходе к ТЭ можно отнести любой строевой элемент терминологической номинации. Например, в составном термине лингвистики *отношения множественной производности между словами* предлог *между*, как и все остальные единицы, можно считать ТЭ данного термина.

Однако более продуктивным в научном исследовании терминологий представляется узкий подход к пониманию ТЭ, обозначенный в работах классиков отечественного терминоведения [Даниленко 1977: 107; Лейчик 2007: 85]. Согласно этим работам, для отнесения единицы к ТЭ важен фактор ее воспроизводимости, регулярности использования для создания новых терминологических номинаций. Именно эти свойства в итоге подталкивают терминоведов к фиксации ТЭ в словарях как отдельных вокабул (заголовочных слов). В нашем исследовании мы будем исходить из такого понимания ТЭ. См. также: ТЭ – «минимальная структурная единица термина с фиксированным значением, **участвующая в терминообразовании** (выделено нами. – Е.М.) и представляющая собой слово... в составе словосочетаний, символ в составе символов, основу или словообразующую морфему в составе сложных и производных слов» [Гринев-Гриневиц 2008: 61].

В терминологии цифрового общества наблюдается активность использования ТЭ двух основных типов – прилагательного и препозитивного словообразовательного форманта (последний трактуется в науке неоднозначно – как аффиксоид или аналитическое прилагательное). Несмотря на разную грамматическую оформленность, ТЭ обоих типов, помимо такого их общего качества, как продуктивность, наделены еще и общей функцией – атрибутивной. В рассматриваемой терминологии заметна также вариативность ключевых ТЭ по признаку «полный – краткий вариант». Так, прилагательные *цифровой* и *дигитальный* могут замещаться более компактными вариантами *цифро-* и *диджитал-/дигитал-*, а препозитивный формант *онлайн-*, напротив, «развертывается» в более полную модификацию *онлайновый*. Таким образом, ТЭ двух указанных типов могут представлять собой формальные варианты ключевых слов (см. также *электронный* и однобуквенный формант *e-*; *информационный* и *инфо-/информ-*; *роботизированный* и *робо-* и др.), что свидетельствует о том, что в современных терминологиях, наряду с тенденцией к увеличению числа составных терминов, действует противоположная тенденция – к сжатию наименования, причем эта тенденция, реализуя принцип языковой экономии, не ограничивается только терминосистемами, а имеет более широкий круг действия.

Атрибутивные ТЭ – имена прилагательные. В терминологии цифрового общества к таким ТЭ относятся прежде всего слова *цифровой, цифровой, электронный*.

Цифровой (вариант *цифро*¹). ТЭ *цифровой*, выражающий отношение к особому, дискретному способу передачи информации, закодированной числовым способом (в отличие от аналогового), представляет собой кальку английского digital (ср. digital technology). Таким образом, в своем актуальном для нынешней эпохи значении слово *цифровой* – ключевой терминологический элемент в сфере ИТ (см.: *цифровая связь, цифровая передача данных, цифровой канал связи, сигнал* и под.). В то же время сочетаемость слова не ограничивается номинациями в сфере технологий: анализ синтагматических возможностей этого прилагательного по нашим источникам показывает, что в настоящее время этот ТЭ может выступать в качестве определения к существительным самых разных тематических групп. Назовем основные из них:

- «Социальные отношения, общество» – *цифровая изоляция* <личность, молодежь, неравенство, общество, поколение, развитие, революция, сообщества, социализация...>;
- «Финансы, финансовая деятельность» – *цифровые активы* <валюта, деньги, дивиденды, компания, рубль, экономика...>;
- «Государственные и общественные институты» – *цифровая безопасность* <государство, дипломатия, здравоохранение, медиа, медицина, правительство, управление...>;
- «Правовая сфера» – *цифровая идентичность* <подпись, похищение, право, правосудие, суверенитет...>;
- «Культура, искусство» – *цифровая живопись* <искусство, культура, музыка...>;
- «Педагогика» – *цифровые знания* <навыки, образование, педагогика, грамотность, безграмотность> и др.;
- «Онтология, бытие» – *цифровое бессмертие* <будущее, жизнь, мир, пространство, реальность, смерть, человек...>.

Комбинаторная экспансия этого слова² свидетельствует о двух важных моментах: в экстралингвистическом плане такая экспансия изоморфна происходящим в обществе процессам, связанным с переходом «на «цифру»; в собственно лингвистическом – является показателем смысловых трансформаций исходного техницизма. Его семантическая структура пополнилась новыми значениями (‘реализуемый, осуществляемый, существующий в интернет-пространстве’, ‘осуществляющий свою деятельность в интернет-пространстве’, ‘связанный с использованием ИТ, компьютерно-интернетовской технологии; имеющий к ней отношение’ и др. [ГСТ]), причем «техническое» значение, если говорить о терминологии цифрового общества, смещается на второй план, так как более актуальным в процессах номинации становится указание на признак, свидетельствующий о включенности референта в современные общественные процессы, базирующиеся на фундаменте высоких технологий. Именно поэтому ТЭ используется не только для создания новых номинаций – единственных обозначений объектов или понятий (*цифровой суверенитет, цифровая социализация*), но и для субституции, замещения других атрибутов в угоду «языковому вкусу эпохи», как дань моде, в результате чего появляются пары и ряды равнозначных обозначений. Ср., например, *цифровое государство – электронное государство; цифровая Россия – электронная Россия* (название федеральной целевой программы); *цифровая дипломатия –*

¹ Номинации с *цифро-* служат официальными названиями различных компаний, организаций, программ («Цифробанк», «Цифромед», «Цифроникель», «Цифробонус» и др.). О роли форманта *цифро-* в создании номинаций «антицифрового» дискурса см. в [Маринова 2023].

² Большинство терминологизированных сочетаний (87% от общего количества), претендующих на статус термина, создается с участием преимущественно одного ТЭ – *цифровой*.

электронная дипломатия; цифровые деньги – виртуальные деньги; цифровая безопасность – кибербезопасность; цифровые медиа – интернет-медиа; цифровое обучение – онлайн-обучение и др.

Итак, слово предстает не только как ключевой ТЭ, но и как символ новой эпохи и новых общественных отношений, своеобразная идеологема.

Дигитальный (вариант *диджитал-/digital-/digital-*). Этот ТЭ – генетический дублет слова *цифровой*. Ср.: *Звук в новом «Амадее» переведен в модный сейчас цифровой, дигитальный формат* (КП. 11.12.2022 [НКРЯ]). Однако в официальном дискурсе он не используется, что подтверждает мониторинг сайта Минцифры, да и в СМИ его употребление в настоящее время значительно уступает слову *цифровой*. В то же время в научном дискурсе *дигитальный* встречается в составе отдельных специальных обозначений, что говорит о том, что некоторый терминологический потенциал прилагательное сохраняет. Так, термин *дигитальная архитектура* обозначает одно из направлений в современной архитектуре, основанное на использовании компьютерного программирования, моделирования и визуализации объектов [ТСТ]; термин *дигитальная рассылка* ‘отправка официальных сообщений компании электронной почтой или через сервис SMS физическому лицу’ [ТСТ] используется в диджитал-маркетинге. Термин *дигитальный язык* вводит Н.И. Клушина (наряду с сочетанием *дигитализация языка*) для обозначения языка интернет-коммуникации [Клушина 2019]. Номинации с *диджитал-* чаще используются в сфере бизнеса, коммерции (*диджитал-маркетинг, digital-компания, диджитал-агентство, дигитал-услуги*).

Электронный (вариант *e-*). В лексической системе русского языка это прилагательное относится к многозначным словам, причем его семантическая структура пополнилась новыми значениями уже в последние десятилетия XX века. И хотя по традиции толковых словарей советского времени современные словари отмечают лишь два значения этого слова (‘относящийся к электрону’ – *Э. поток* – и ‘основанный на использовании свойств электронов’ – *Э. вычислительная машина* [БТС; ТСИС и др.]), на самом деле семантическая структура этого слова гораздо богаче и, как убедительно доказывает Е.Ю. Ваулина, включает как минимум еще четыре значения [Ваулина 2003]. В номинациях, связанных с концепцией цифрового общества, *электронный* реализует значение ‘осуществляемый через интернет, реализуемый, существующий в интернете’¹.

В терминологии цифрового общества этот ТЭ уступает по частотности прилагательному *цифровой*, однако можно отметить устоявшиеся именно с этим ТЭ номинации, как то: *дистанционное электронное голосование / ДЭГ; электронные средства массовой информации / ЭСМИ; электронное правительство; электронный документооборот; электронные следы* и др. Кроме того, *электронный*, по нашим наблюдениям, сохраняет востребованность в номинациях, тематически связанных с разного рода официальными документами, существующими в цифровом формате: *электронная квитанция, электронный билет* (на самолет, поезд и т.п.), *электронная доверенность, электронная повестка* (в военкомат), *электронное СТС* (свидетельство о транспортном средстве), *электронные водительские права* и др.

Атрибутивные ТЭ – препозитивные словообразовательные форманты. Наиболее активными в процессах номинации являются следующие ТЭ этого типа: *онлайн-, кибер-, интернет-,* а также *робо-, нейро-, ИИ-, дата-*.

Онлайн- (вариант *онлайновый*). ТЭ в настоящее время имеет несколько значений. См.: «1. Происходящий, совершающийся, существующий в интернет-пространстве в режиме

¹ Формирование этого значения Е.Ю. Ваулина показывает (на примере отдельного словосочетания) с помощью логической цепочки семантических связей: «*Электронная переписка*. ← Ведется при помощи компьютеров, объединенных в сеть. ← Компьютерная сеть разработана на базе электроники. ← Электроника занимается изучением свойств электронов» [Там же: 444].

реального времени – прямого доступа к тому, что протекает в реальной действительности. || *О.-голосование. О.-регистрация*. 2. В широком смысле: происходящий, совершающийся, существующий в интернет-пространстве; не офлайн. || *О.-кинотеатр*. 3. Осуществляющийся дистанционно (о работе, обучении), с использованием видео-конференц-связи. | Актуализируется с 2020 г. – периода пандемии коронавирусной инфекции. || *О.-консультация*. Синоним: *дистант-»* [ТСТ]. В терминологии цифрового общества формант *онлайн-* менее активен, чем ТЭ *цифровой*, однако в отдельных, устоявшихся с годами номинациях (*онлайн-курсы, онлайн-кинотеатр* и др.) он сохраняется и не подвергается субституции более современным и модным словом *цифровой*.

Кибер-. За последние десятилетия этот ТЭ уже полностью оторвался от своего полного варианта *кибернетический*, и заменить его прилагательным в таких номинациях, как *кибербезопасность, киберзащита, кибертерроризм, киберугроза, кибермошенничество, киберпреступность* и т.д., нельзя (см. более раннюю номинацию *киберсистема*, которая воспринималась как компактный вариант составного термина *кибернетическая система*). В настоящее время наблюдается актуализация *кибер-* в дискурсе о цифровой безопасности.

Интернет-. Уже в 90-е гг. у этого форманта стала развиваться полисемия, что отмечается в [НСЗ]. В XXI в. процесс продолжился; см.: «ИНТЕРНЕТ- 1. Связанный с функционированием компьютерной сети «Интернет», с подключением к ней. || *И.-соединение. И.-ресурсы. И.-трафик. И.-пользователь*. 2. Относящийся к интернету как виртуальной среде – аналогу действительности. || *И.-пространство. И.-сообщества*. 3. Относящийся к интернету как средству осуществления какой-л. деятельности. || *И.-магазин. И.-площадка. И.-реклама*. 4. Оборудованный для доступа к интернету. || *И.-кафе»* [ТСТ]. Однако не все значения этого полисеманта актуальны. Значение 4 ‘оборудованный для доступа к интернету’ деактуализируется, что связано с широким распространением технологии Wi-Fi, благодаря чему доступ к интернету не является уже редкостью.

Робо- (вариант *роботизированный*) активно используется в создании номинаций в настоящее время (*робо-нить* ‘нитевидный робот для очистки сосудов’ [Киселёва, Семёнова 2023], *робоконсультирование, робокоуч, робоэтика*). *Робо-* конкурирует со своими предшественниками – *робото-, робот-* и *роботизированный* – при одном и том же существительном: *Робомойка*. – *Бесконтактная роботизированная мойка* (реклама); *Автоматическая бесконтактная робот-мойка* (то же); *роботехника* и *робототехника*. Однако есть такие номинации с *робо-*, которые вариантов не имеют, напр. *робоэтика* [Киселёва, Семёнова 2023]. Модный формант активно используется в эргонимах: «*RoboKassa*», «*РобоКросс-2024*» и др.

Нейро-. В настоящее время возрастает активность этого ТЭ, развивается полисемия. Так, в номинациях *нейрокомпьютер, нейроинформатика, нейромоделирование* и под. формант имеет значение ‘связанный с техническим использованием процессов, деятельности центральной нервной системы, принципов работы головного мозга’¹. Новое и чрезвычайно актуальное значение (в условиях широкого внедрения технологии искусственных нейронных сетей) – ‘функционирующий на основе нейросети’. См.: *Много букв и ноль ошибок с новой нейросилой в Яндекс браузере* (реклама нового браузера); *Цифровой оракул: зачем каждому человеку создадут нейродвойника* (Известия, 13.03.2019. НКРЯ). См. также: *нейрокаска* (защитный военный шлем с нейрокомпьютерным интерфейсом, предназначенным для управления техникой) [НРЛ], *нейронет* и *нейрономика* [Киселёва, Семёнова 2023].

ИИ- (< искусственный интеллект) чрезвычайно актуален в процессах номинирования реалий цифрового общества. В нашей коллекции более ста номинаций с ним, часть их вошла в качестве иллюстраций в словарную статью к *ИИ-* в ТСТ, как то: *ИИ-диагностика, ИИ-инвестиции, ИИ-интерфейс, ИИ-инфраструктура, ИИ-отрасль, ИИ-сектор, ИИ-услуги, ИИ-*

¹ Зафиксировано в информационно-поисковом лексикографическом ресурсе «Аффиксоиды русского языка» <http://affixoid.iling.spb.ru>.

инструмент, III-лаборатория, III-техника, III-разработчик. Встречаются также, но значительно реже номинации с графическим вариантом – вкраплением *AI*.

Дата. Этот ТЭ представляет собой транслитерированный вариант английского слова *data* (ср. Big Data, metadata). В сочетании с существительными он реализует значение ‘имеющий отношение к технологии больших данных’. См.: *дата-аналитика, дата-аналитик, дата-брокер, дата-держатели, дата-журнализм, дата-неравенство, дата-технологии, дата-хабы* и др. Написание форманта пока еще варьируется, ср.: *К непосредственным субъектам-пользователям данных возможно отнести data scientists, дата брокеров* (М.Г. Шилина. К вопросу формирования научно-теоретической рамки исследования. Социально-политические науки. 2018); *Для некоторых направлений нужно собирать данные, что можно делать через простые устройства, а впоследствии применять дата-аналитику для разработки универсальных решений в сфере IoT* (Андрей Келекеев. В России представили Redmi Note 8 Pro и «аэрокосмический» чемодан. Коммерсант. 08.10.2019. НКРЯ).

Заключение. Завершая краткий обзор ТЭ формирующейся в русском языке терминологии цифрового общества, отметим, что в их составе уже выделилась доминанта – это слово *цифровой*, которое ведет себя экспансивно, заменяя – а иногда и вытесняя – ТЭ более раннего периода цифровизации (начало 90-х гг. XX в.). Примечательно, что у этого слова есть свои субституты: дублиеты (*дигитальный, диджитал-*) и сокращенный вариант *цифро-*, что является свидетельством актуальности самого понятия «цифровой» – ключевого для эпохи коренных преобразований в техносфере и их социальных последствий. Дублиетность, вариантность, синонимия ТЭ приводит к множественности наименования одной и той же реалии – процессу, характерному для периода становления терминологии. Следует подчеркнуть, что, как и у слова, варьироваться у термина и ТЭ может не только план выражения, но и план содержания. В пределах рассматриваемой в статье терминосистемы отдельные ТЭ претерпевают семантические изменения: одни значения устаревают, на их смену приходят новые значения и оттенки. В этом живом процессе развития новой терминологии лингвисту отводится роль не только наблюдателя и аналитика, но и лексикографа.

Литература

1. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. *Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. Горький, 1987. 104 с.
3. *Гринева-Гриневиц С.В.* Терминоведение: учебное пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
4. *Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
5. *Добринская Д.Е.* Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 112–129. DOI: <http://dx.doi.org/10.24412/2079-0910-2021-2-112-129>
6. *Капанадзе Л.А.* Функционирование терминов науки и техники в общелитературном языке XX века // Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М.: Институт русского языка РАН, 2005. С. 40–80.
7. *Киселёва Л.С., Семёнова А.А.* Цифровое общество. Словарь-справочник М.: Проспект, 2023. 152 с.
8. *Клушина Н.И.* Медиастилистика и эмотивная лингвистика // Известия ВПГУ. Филологические науки. 2019. № 1. С. 158–161.

9. *Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
10. *Маринова Е.В.* Тенденция к аналитизму в терминообразовании XXI в. (на материале терминов лингвистики) // Терминология и знание. Вып. VI / отв. ред. С.Д. Шелов, Е. Цисун. М.: Ин-т русского языка РАН, 2018. С. 168–178.
11. *Маринова Е.В.* Новый словообразовательный формант *цифро-*: статус в языке, функции в речи // Третьи Фортунатовские чтения в Карелии: сборник научных статей / под ред. Н.В. Патроевой и А.А. Лебедева. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2024. С. 46–48.
12. *Маринова Е.В.* Русская терминология цифрового общества: грамматические особенности в фокусе неологии и неографии // Русистика. 2024. Т. 22. № 2. С. 225–239. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-2-225-239>
13. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
14. НРЛ – Новое в русской лексике: Словарные материалы – 2022. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2023. 254 с.
15. НСЗ – Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века / ред. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. 816 с.
16. *Снетова Г.П., Власова О.Б.* Словарь-справочник международных терминологических элементов русского языка. М.: Мир и образование, 2020. 608 с.
17. ТСИС – *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слова. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
18. ТСТ – *Маринова Е.В., Волочек Е.А.* Тематический словарь терминологии цифрового общества RU: Проспект // Альманах Говор. 2023. № 8. С. 1–196. <https://doi.org/10.48612/govor/r11t-t47t-tm73>
19. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1983. 335 с.
20. *Selwyn N.* What is Digital Sociology? Cambridge UK: Polity Press, 2019. 134 p.

4. НОРМА В ЛЕКСИЧЕСКОМ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ЯЗЫКА

КОДИФИКАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ОБЩЕМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

The paper discusses the issues of describing special vocabulary in the general explanatory dictionary of the Russian language. Attention is focused on reflecting language norms of three types: accent, grammatical, and lexical-semantic. Some difficulties of codification are considered, examples of dictionary gaps are given (with recommendations for filling them), fragments of dictionary entries of the “Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language”, developed at Vinogradov Russian language Institute of the Russian Academy of Sciences, are demonstrated, with new information about units of special vocabulary.

В общих толковых словарях русского языка специальная лексика традиционно занимает заметное место (подробнее см. [Цумарев 2022]). Толковые словари предлагают читателю комплексное лингвистическое описание лексики, они фиксируют орфографические, орфоэпические, грамматические, лексико-семантические, стилистические, сочетаемостные нормы языка. Цель работы лексикографа – точное и полное представление лексики и фразеологии современного русского языка с опорой на широкий круг верифицируемых источников (при этом детальность разработки материала зависит, как известно, от типа словаря: краткий/средний/большой, пассивный/активный).

В настоящей работе мы сосредоточимся на отражении трех видов языковых норм: акцентной, грамматической и лексико-семантической, применительно к специальной лексике, и попытаемся показать, с какими трудностями сталкивается автор словаря при фиксации этих норм, какие лакуны существуют и каким образом они могут быть заполнены.

Начнем с акцентологических норм.

1. Трудности фиксации в общем толковом словаре акцентной нормы в сфере специальной лексики можно показать на примере терминов логопедии. В последние годы в научной, педагогической и родительской среде стали активно обсуждаться проблемы *дисграфии* и *дислексии*. Эти два педагогических (а конкретнее – логопедических) термина, известных науке с конца XIX в., за последние годы перестали быть узкоспециальными. Показательно, что, например, 5–12 октября 2019 г. в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже, была проведена Неделя осведомленности о дислексии, эти термины встречаются читателям крупнейших газетных изданий: *...Мальчик, у которого дислексия и дисграфия. Такие дети при письме пропускают буквы, переставляют слоги, им требуется помощь специалиста по коррекционной педагогике* [Московский комсомолец, 06.04.2014]; *В записях Леонардо [да Винчи] были обнаружены зеркальные и орфографические ошибки, которые являются признаками дислексии* [Российская газета, 24.05.2019].

Лексемы *дисграфия* и *дислексия* не теряют своей актуальности, и по этой причине целесообразно было бы включить их в толковый словарь современного русского языка (прежде всего в словарь большого объема).

При описании этих терминов возникает вопрос об акцентной норме, ее вариантности или безвариантности. Лексикограф обязан указать место ударения в заголовочном слове, однако сделать это бывает не всегда легко.

Термины *дисграфия* и *дислексия* следует рассматривать в связи с терминами *аграфия* и *алексия* (последние остаются узкоспециальными):

Аграфия (дисграфия) – невозможность (аграфия) или частичное специфическое нарушение письма (дисграфия);

Алексия (дислексия) – невозможность (алексия) или частичное специфическое нарушение процесса чтения (дислексия) [Волкова 2006: 654] (ударения в этом источнике отсутствуют).

История фиксации лексем *дисграфия* и *дислексия* в словарях разных типов вкратце такова. Четырехтомная советская «Педагогическая энциклопедия» содержит следующую кодификацию: АГРАФІЯ, АЛЕКСІЯ; ДИСГРА́ФИЯ, ДИСЛÉКСИЯ [ПЭ 1964]. Однако в современном «Словаре логопеда» находим: АГРАФІЯ, АЛЕКСІЯ; ДИСГРАФІЯ, ДИСЛЕКСІЯ [Гаубих, Селиверстов 2020].

Видно, что в последнем из словарей произношение этой группы терминов выравнивается. Добавим, что, по нашим наблюдениям, в речи специалистов действительно принято выделение третьего слога в данных словах (например, в научно-популярных выступлениях академика РАО нейропсихолога Т.В. Черниговской мы слышим именно такое произношение – *дисграфия́, дислексіа́*).

Что касается словарей лингвистических, то обнаруживается следующая картина. В толковом словаре [БАС 2004] из этой группы представлен лишь термин *аграфия́* (с вариативным ударением), что свидетельствует о несбалансированности словника. При этом примечателен справочный отдел статьи «Аграфия», который содержит информацию о предшествующих словарных фиксациях слова, не отличающихся единством рекомендаций: «Южаков: аграфия; Слов. Акад. 1932: аграфия́; Слов. иностр. сл. 1949: аграфия́; БСЭ (3 изд.): аграфия́; Слов. иностр. сл. 1979: аграфия́ и аграфия́».

Знакомство с современными фундаментальными орфоэпическими словарями обнаруживает следующее: в словник [БОС 2018] не был включен ни один из четырех терминов, в [Еськова 2015] зафиксировано *аграфия́* (варианты равноправны) и *алексия́*, в [Зарва 2001] – *аграфия́* (безвариантная норма) и *алексия́*.

Нам известен лишь один лингвистический словарь – [РОС 2023] (со словником свыше 200 000 слов), который охватил все четыре слова, с такой подачей: *аграфия́, алексіа́, дисграфия́, дислексіа́* (то есть для терминов на *...графия* в данном случае предложена вариантная норма).

Сравнение словарей – энциклопедических и лингвистических – вскрывает различия внутри жанра и между жанрами. В связи с нуждами общей толковой лексикографии особое внимание следует обратить на колебания в лексеме *дисграфия́*. Следует учитывать, что, согласно данным орфографического ресурса «Академос», подавляющее большинство слов с конечной составной частью *...графия* имеют в исходной форме ударение на третий с конца слова слог – *...графия́*, лишь несколько слов характеризуются вариативностью (например, лингвистический термин *омография́* или медицинский *томография́*) и только одно техническое слово имеет безвариантное ударение на предпоследнем слоге: *фототелеграфия́*. Действует системный фактор, и в этом отношении, заметим, показательна словообразовательная пара *орфография́ – дизорфография́* (еще один логопедический термин, смежный с термином *дисграфия́*), где влияние производящего слова является решающим (лишь вариант *дизорфография́* правомерно считать нормативным).

Однако существенно, что термины *аграфия* и *дисграфия* выбиваются из общего большого ряда слов на *...графия*, поскольку имеют особую структуру: в отличие от сложных слов, в которых *...графия* является так называемой «конечной составной частью» (*автолитография́, география́, ксилотграфия́* и т.п.), они состоят из приставки (*а-, дис-*) и части *...графия* (предшествующей корневой части (частей) не имеется).

Далее, важно не только то, что именно произношение *дисграфия́* на сегодняшний день характерно для речи высокообразованных специалистов по логопедии и смежным

областям, но также и то, что именно из уст специалистов, в коммуникации с ними обычные носители русского языка осваивают этот термин.

Кроме того, полезно представить, какие в целом альтернативы существуют для лексикографа при оформлении словарной статьи «Дисграфия». По существу, их три.

Два равноправных варианта: **ДИСГРА́ФИЯ** и **ДИСГРАФ́ИЯ**, -и, ж. Пед. Нарушение письма... В этом случае игнорируется тот факт, что произношение *дисгра́фия* является господствующим (или, скорее, даже единственным) в речи специалистов.

Два неравноправных варианта (один стилистически маркирован): **ДИСГРА́ФИЯ** и (*проф.*) **ДИСГРАФ́ИЯ**, -и, ж. Пед. Нарушение письма... При таком решении (ср., например, **АФА́ЗИЯ** и (*проф.*) **АФАЗИ́Я** в [Крысин 2006]) вариант *дисгра́фия* преподносится в качестве нейтрального, общеупотребительного и нормативного, но, как мы отмечали, обычные носители языка, по всей вероятности, заимствуют произношение из речи специалистов, а помета *проф.* (обозначает неофициальную, более сниженную по сравнению с термином номинацию) некорректна, поскольку вариант *дисгра́фия* кодифицирован в терминологических словарях [Азимов, Щукин 2009] и [Гаубих, Селиверстов 2020].

Наконец, существует следующая подача: **ДИСГРАФ́ИЯ**, -и, ж. Пед. Нарушение письма... При этой подаче устанавливается безвариантная общелитературная норма, в данном случае совпадающая с нормой специальной. Все вышеприведенные аргументы (об особой структуре термина *дисграфия*, о его нормативности в речи специалистов, о влиянии речи специалистов на речь рядовых носителей языка) говорят в пользу последнего решения¹.

Перейдем к нормам грамматическим.

2. Грамматическая норма, целенаправленной кодификацией которой (с использованием соответствующих помет и текстовых иллюстраций) терминологические словари не занимаются, должна быть отражена в словарях лингвистических. И здесь можно указать на разнообразные лексикографические лакуны, связанные с фиксацией морфологической или синтаксической нормы.

Словарный опыт показывает, что одним из слабых мест в описании грамматических характеристик слов является вопрос о наличии у прилагательных кратких форм. Это касается и специальных слов. Словари при этом могут противоречить друг другу. Так, например, согласно [БТС 2008], прилагательное *девиантный* не имеет кратких форм, в то же время их приводит [РОС 2023]: **девиан́тный**; *кр. ф.* -тен, -тна. В Национальном корпусе русского языка примеры на краткие формы единичны, что, казалось бы, говорит, по существу, об их отсутствии в языке. Однако следует учесть, что вне корпуса эти формы встречаются в ряде авторитетных научных источников. У прилагательного развивается качественное значение 'характеризующийся девиацией', оно встречается в том числе в сочетании с краткими формами других прилагательных: «Эффект смысла возникает как некое отклонение означающего от своего означаемого, а смысл, таким образом, девиантен по самой своей природе». Д. Гаспарян. Введение в неклассическую философию; «Субъект <...> всегда анархичен и девиантен по отношению к культуре: являет собой позитивную девиацию контркультуры». Я. Мальцев. Перманентная современность: онтологический аспект; «Те или иные виды, образцы поведения "нормальны" или "девиантны" только с точки зрения сложившихся

¹Для окончательного решения подобных спорных вопросов (и в частности, насколько в действительности распространен (или был распространен) в речи вариант *дисгра́фия*, не искусствен ли он?) было бы полезно проводить «представительные социолингвистические эксперименты», об острой нехватке которых говорится в работе [Каленчук 2022].

(сконструированных) социальных норм в данном обществе в данное время (“здесь и сейчас”))». Я. Гилинский. Девиантология.

В приведенных примерах употребление кратких форм совершенно естественно, оно реализует возможности языковой системы и соответствует потребностям научного дискурса, поэтому лексикографически «запрещать» их не следует.

Еще один пример. В семантической структуре слова *Евангелие* некоторые толковые словари (ориентированные на детальное описание лексики) при значении ‘первые четыре книги Нового Завета’ приводят оттенок ‘отрывок из такой книги, читаемый во время богослужения’. Этот метонимический оттенок необщепотребителен, распространен в церковной среде (в кругу духовенства и мирян), и, как следствие, он более специализирован по сравнению с основным значением, в известной мере стилистически окрашен (еще более специальным является богослужебный термин *зачало* – ‘единица деления новозаветного текста, читаемого за церковным богослужением’ [ПрЭ 2000]).

[БАС 2004], иллюстрируя этот оттенок, ограничивается цитатой XIX в., унаследованной от [ССРЛЯ 1948]: *Обедня началась, дьякон уже прочитал Евангелие*. Тург. Дворян. гнездо. Цитата эта не вполне удачна, так как словосочетание *прочитал Евангелие* само по себе не является диагностическим, характерным только для этого значения (можно прочитать и Четвероевангелие целиком).

Анализ современных текстов позволяет выявить специфические для данного оттенка грамматические конструкции, которые должны быть показаны в словарной статье. Помимо конструкции с прилагательным – согласованным определением, обозначающим дни недели или церковный праздник (*воскресное Евангелие, пасхальное Евангелие* и т.п.), возможны сочетания с синтаксической связью управление:

Евангелие чего (род. п.): *Евангелие субботы перед Рождеством Христовым, Евангелия дня;*

Евангелие о ком/чём (предл. п.): *Евангелие о Рождестве Христовом, Евангелие о пяти хлебах, Евангелие о злых виноградарях;*

Евангелие на что (вин. п.): *Евангелие на Вход Господень в Иерусалим, Евангелие на Благовещение Пресвятой Богородицы.*

Последний пример, который мы упомянем в связи с грамматическими нормами, это существительное *заместитель*.

В [БАС 2004] при основном значении ‘тот, кто выполняет чьи-л. обязанности, замещает кого-л. в какой-л. деятельности’ выделен смысловый оттенок ‘о чем-л. замещающем, заменяющем что-л.’, с примером: *Местоимения личные, определенно-личные и неопределенно-личные являются заместителями существительных*. Шахм. Синт. русск. яз.

Выделение оттенка справедливо. Действительно, в языке науки (по крайней мере в таких областях, как химия (*реакция замещения*), лингвистика (*заместительная функция местоимений*), психология), существительное *заместитель* регулярно используется в границах данного смыслового оттенка, ср., например, контексты из материалов БРЭ: «Ребенок пытается использовать заместитель в точности так же, как реальный предмет». М. Волкова. Сара Слизберг; «С трудом расщепляются метилкетоны, содержащие заместители...» Ю. Огибин. Галоформная реакция.

Вместе с тем описание, предложенное в [БАС 2004], нужно признать неполным. Во-первых, необходима помета – в данном случае обобщенная помета *спец.*, поскольку обсуждаемое слово в этом семантическом варианте функционирует в языке различных наук. Во-вторых, если основное значение требует при себе грамматической пометы *одуш.*, то оттенок демонстрирует неодушевленность, ср. в примерах выше: *использовать заместитель (*заместителя), содержать заместители (*заместителей)*.

Таким образом, оттенок отличается от основного значения не только семантикой, но и стилистической, и грамматической характеристиками, и все это должно быть эксплицировано в словарной статье.

3. Важнейшей частью словарной статьи толкового словаря является зона значений и их толкований, которая связана с кодификацией лексико-семантических норм. Здесь хотелось бы обратиться к опыту разработки в ИРЯ РАН «Академического толкового словаря русского языка» [АТос 2016]. Далее мы покажем, как удастся обнаружить не отмеченные в других толковых словарях значения специальных слов¹.

Например, словарная статья термина *дивизион*, семантическая структура которого традиционно включает лишь «военные» значения («войсковое подразделение в ракетных и артиллерийских частях», «соединение военных кораблей одного класса»), была пополнена сразу двумя новыми значениями:

ДИВИЗИОН... 3. *Спорт.* В футболе, хоккее, бейсболе и т. п.: группа команд, объединенных по определенным критериям и соревнующихся между собой за право участвовать в турнирах более высокого уровня. *Команда – лидер дивизиона.* □ *Изначально --- стояла задача укомплектовать команду, а во втором сезоне вывести клуб из первого дивизиона в премьер-лигу.* [Известия 27 мар. 2014].

4. *Экон.* Крупное подразделение в составе компании, выделяемое в зависимости от направления деятельности. *Торговый и производственный дивизионы. Дивизион логистики. Директор портового дивизиона.*

В статье «Доска» было разработано пятое значение, богато проиллюстрированное речениями и цитатами:

ДОСКА... 5. *Спорт. разг.* Спортивный снаряд, имеющий форму пластины со слегка загнутыми сверху краями и предназначенный для катания на различных поверхностях. *Доска для сноуборда (с креплениями для ног). Доска для скейтборда (на колесиках). Доска для виндсерфинга. Стать на доску (начать кататься на ней).* □ *По свободным от машин проезжим дорогам бегали, катались на велосипедах, мчались на модных тогда роликовых досках и на роликовых коньках целые толпы.* В. Голяховский. *Русский доктор в Америке. Он еще раз объяснил, как надо делать разворот, и я снова полезла на доску с твердым намерением показать, что чего-то стою. Надо было во что бы то ни стало развернуться в море на 180 градусов и сделать так, чтобы я вернулась на берег на доске, а не доска на мне, как обычно!* М. Чепурина. *Девушка на виндсерфе.*

В статью «Дислокация» после основного значения «размещение войсковых частей...» был введен переносный оттенок – результат детерминологизации термина в общелитературном языке:

ДИСЛОКАЦИЯ... || *перен.* Местоположение, расположение кого-, чего-л. *Сидящие рядом коллеги по цеху отреагировали на происшедшее слабо, просто поднялись со своих мест и сменили дислокацию – пошли обедать.* Д. Липскеров. *Последний сон разума. На --- электричке еду в Саванеевку, во временное место дислокации театра «Гистрион», на вечерне-ночную репетицию, за которую мне вряд ли кто заплатит.* А. Дмитриев. *Призрак театра. Есть отдельно стоящий загородный дом (вилла) с оранжереей, садом, бассейном, теннисным кортом, личным бункером и взлетно-посадочной площадкой для вертолета, но дислокацию этого объекта сообщать не имеем права...* М. Палей. *Дань саламандре.*

Рассмотрев примеры фиксации в толковом слове акцентных, грамматических и лексико-семантических норм в сфере специальной лексики, подведем итог. Собранные

¹ Примеры приводятся из третьего тома, находящегося в печати (отв. ред. – А.Э. Цумарев, Л.Л. Шестакова). Авторы статей: «Дивизион», «Дислокация» – О.М. Грунченко, «Доска» – Л.Л. Шестакова.

в статье материалы показывают, что при лексикографировании единиц специальной лексики нередко требуются уточнения, относящиеся к отражению различных типов языковой нормы. Углубленный анализ употребления этой лексики в литературном языке расширяет наши представления о ней и позволяет предложить пользователю словаря более совершенное лингвистическое описание.

Литература

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.
2. *АТОС – Академический толковый словарь русского языка / под ред. Л.П. Крысина.* Т. 1: А – Вилять. Т. 2: Вина – Гяур. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
3. *БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд.* Т. 1–27. М.; СПб., 2004.
4. *БОС – Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / под ред. Л.Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС Школа, 2018. 1024 с.
5. *БРЭ – Большая российская энциклопедия.* В 35 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru>
6. *БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова.* СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
7. *Волкова Л.С.* Логопедия: учебник для студ. дефектол. фак. пед. высш. учеб. заведений / под ред. Л.С. Волковой. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Гуманитар, изд. центр ВЛАДОС, 2006. 703 с.
8. *Гаубих Ю.Г., Селиверстов В.И.* Словарь логопеда/ под ред. Ю.Г. Гаубих. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство ВЛАДОС, 2020. 287 с.
9. *Еськова Н.А.* Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Свыше 70 000 слов / под ред. Н.А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2015. 1008 с.
10. *Зарва М.В.* Русское словесное ударение: Словарь. Около 50 000 слов. М.: Изд-во РЦ ЭНАС, 2001. 600 с.
11. *Каленчук М.Л.* Профессиональные произносительные варианты: мифы и реальность // Русская речь. 2022. № 6. С. 63–70.
12. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
13. *ПрЭ – Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (с 2009 – Патриарха Московского и всея Руси Кирилла).* М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravenc.ru>
14. *ПЭ – Педагогическая энциклопедия.* В 4 томах. Т. 1. А–Е. М.: Советская энциклопедия. 1964. 832 стлб.
15. *РОС – Русский орфографический словарь: более 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой.* 6-е изд., испр. и доп. М.: Грамота, 2023. 884 с.
16. *ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка.* В 17 томах. М., Л.: Издательство Академии наук СССР. 1948–1965.
17. *Цумарев А.Э.* Актуальная специальная лексика начала XXI века в «Академическом толковом словаре русского языка» // Wiener Slawistischer Almanach. Band 88. Wien: Peter Lang, 2022. С. 215–229.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПОНИМАНИИ¹

The article deals with the difficulties of understanding vocabulary of law by a non-specialist in the field of law in general, and, in particular, of understanding legal terms that coincide with common language words. The main reason of misunderstanding legal terms is that a non-lawyer thinks in ordinary concepts, and behind every term there is a special concept, and a lawyer, unlike a non-professional, perceives the meaning of every term through the already formed prism of special concepts. At the same time, it is well known that general explanatory dictionaries of the Russian language do not always provide an adequate understanding of particular legal terms, and special legal dictionaries are designed for specialists in the field of jurisprudence. In this regard, it is proposed to consider the interpretations of some legal terms in the universal dictionary of the vocabulary of the Russian language of terminological and professional nature, which was developed at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

В современном мире каждый человек вольно или невольно становится участником правовых отношений, и без знания широкого круга юридических терминов ему уже не обойтись. Но всем ли людям без юридического образования понятен юридический язык, будь то письменный или устный? Ответ очевидно отрицательный, и основная причина непонимания заключается в том, что за каждым термином стоит специальное понятие, которым не специалист в области права не владеет. Юрист, напротив, воспринимает значение термина через уже сформированную призму специальных понятий, и каждое понятие может выражать термином. Юрист мыслит юридическими понятиями, как отмечает А.М. Михайлов: «Доктринальные юридические понятия образуют ту “призму”, через которую профессиональное сознание юристов “видит” правовую действительность» [Михайлов 2022: 80]. Юридический язык изобилует правовыми конструкциями, и любую жизненную ситуацию юрист способен разложить на юридически значимые элементы и соотнести их с правовыми понятиями, в отличие от неюриста, мыслящего обыденными понятиями. Сказанное можно продемонстрировать на примере онлайн общения юриста с неюристом с официального сайта адвоката Цепкова Константина Сергеевича [<https://skorovsud.ru>].

Вопрос доверителя:

*У нас остро встал вопрос как **выписать** ребенка из муниципальной квартиры, который в ней давно **прописан**. Он был **прописан** в квартире матерью, которая здесь тоже **зарегистрирована**, но вот уже 5 лет они не живут, и не платят.*

Ответ Адвоката:

*Для того, чтобы **снять с регистрации (выписать)** необходимо в судебном порядке признать ребенка и мать утратившими право пользования квартирой и **снять с регистрационного учета (выписать)** [<https://skorovsud.ru>].*

¹ Краткие тезисы данной работы были представлены автором в виде доклада на Международном научно-практическом форуме «Язык. Культура. Перевод: Цифровые технологии и вербальная коммуникация», состоявшемся 16–17 февраля 2024 г. в Одинцовском филиале МГИМО МИД России в гибридном формате (г. Одинцово, Россия). Ссылка на анонс мероприятия: <https://mgimo.ru/about/news/departments/language-culture-translation-digital-technologies-and-verbal-communication/>

Полагаем, что неюрист, употребляя слово *прописать*, имеет в виду следующее значение этого слова, указанное в толковом словаре, в данном случае, в Большом толковом словаре (под ред. С.А. Кузнецова):

Прописать... 1. кого-что. ‘Оформить официальной записью проживание кого-л. по определенному адресу’ [БТС 2002: 1020].

Таким образом, данное значение отсылает нас к такому понятию, как *прописка*, которое с юридической точки зрения является устаревшим, что подтверждается словарной статьей в Большом юридическом словаре:

Прописка – в бывшем СССР (и РФ до 1993 г.) название системы учета места жительства граждан органами внутренних дел (милицией) [БЮС 2003].

На сегодняшний день существует только понятие *регистрация по месту жительства*, и в сознании граждан эти два понятия (*прописка* и *регистрация*) стали взаимозаменяемыми, по сути, неюрист наделяет устаревшее понятие *прописка* новым смыслом, однако термины *прописка* и *регистрация* в юридическом смысле в настоящее время не являются синонимами. Юристы понимают, что человек, не владеющий юридическими знаниями, в разговорной речи будет использовать устаревшее понятие *прописка* вместо термина *регистрация по месту жительства*. Для юристов существует два вида регистрации по месту жительства: *временная* и *постоянная*. По сути, именно постоянную регистрацию называют *пропиской*.

Отсюда в понимании неюриста, глаголы *выписать* – *прописать* – *зарегистрировать* – находятся в одном смысловом ряду, с объединяющими их ключевыми семами ‘запись’ и ‘официальный’. Юрист пытается перевести ключевые слова клиента в правовое русло, заменяя общеязыковые слова на соответствующие юридические понятия, а именно: *выписать* – *снять с регистрационного учета*.

Приведем еще один показательный пример онлайн общения юриста с неюристом с того же официального сайта адвоката Цепкова Константина Сергеевича [<https://skorovsud.ru>].

Вопрос доверителя:

Я оставил в залог паспорт под прокат лодки на озере. Мне его не вернули, так как ошибочно выдали другому гражданину. Я обратился в ОВД с просьбой о замене и описал обстоятельства потери паспорта. Начальник ОВД привлек меня к ответственности по статье 19.16 Кодекса об административных правонарушениях и наложил штраф 300 рублей. Почему я наказан, если не виноват в случившемся?

Ответ Адвоката:

С юридической точки зрения ваша вина налицо, но не в форме умысла, а неосторожности. Неосторожная форма вины, в свою очередь, характеризуется самонадеянностью или небрежностью. Статья 19.16 КоАП РФ, по которой вы привлечены к ответственности, предусматривает утрату документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта) по небрежности. В вашем случае налицо небрежное хранение паспорта, повлекшее его утрату [<https://skorovsud.ru>].

Так, слово *вина* в общеязыковом смысле означает ‘Проступок, провинность, преступление; ответственность за такие действия’ [БТС 2002: 131]. Но юрист в данном случае имеет в виду *вину* в юридическом смысле – ‘Психическое отношение лица к своему противоправному деянию (действию или бездействию) и его последствиям’ [БЮС 2003]. Неюрист употребляет слово *вина* в общеязыковом смысле, а юрист – в юридическом.

Разница очевидна – лексема *вина* в общеязыковом смысле имеет родовую сему ‘проступок’, и в значение этого слова входит и сам проступок, и ответственность за него. В юридическом понимании основная сема совсем иная – ‘отношение’ к совершенному проступку, т.е. юристу важно выяснить, осознавал ли человек, что его действия могут иметь негативные последствия, тогда это *умысел*, а если не осознавал (не понимал) последствий своих действий, тогда можно говорить о *неосторожности*. Именно из формы вины и вытекает решение о привлечении к ответственности по определенной статье закона.

Из примера видно, что в ответе юриста, в данном случае адвоката, встречаются юридические термины, разъяснение которых требуют знания юридических понятий, которые ему приходится объяснять своему доверителю. Еще больше осложняет понимание тот факт, что многие термины совпадают с общеязыковыми словами, и у неспециалиста возникает иллюзия понимания того, что ему говорит юрист, в свою очередь, юристу может показаться, что доверитель его правильно понял, но это не так. Несмотря на то, что некоторые юридические термины совпадают с общеязыковыми словами, их бытовое значение и специальное не совпадает. При этом содержание многих юридических терминов не отражено ни в законе, ни в толковых словарях, что не раз отмечалось в научных работах как юристов [Пороховщиков (Сергеич) 1988, Туранин 2006, Ушаков 2008 и др.], так и лингвистов [Барабаш 2015, 2016; Голев 2004; Жукова 2011; Милославская 2000; Татаринцов 2006 и др.].

На наш взгляд, словарного толкования термина в общем словаре (даже если термин в него включается) для неспециалиста недостаточно, поскольку термин означает понятие, понимание которого предполагает понимание и других связанных с первым понятий. Однако и в специальном юридическом словаре толкование термина для неспециалиста отнюдь не поможет раскрыть полное понимание того или иного специального слова, потому что в специальных словарях толкование термина часто использует специальные понятия, которые неспециалист не знает.

Например, термин *протест* по форме и отчасти по содержанию совпадает с общеязыковым словом *протест*, толкование которого в общем толковом словаре передает обыденное представление об этом понятии, и основные семы здесь ‘несогласие’, ‘возражение’:

Протест... ‘1. Официальное заявление о несогласии с чем-л. (обычно с каким-л. решением, постановлением)’ [БТС 2002: 1030].

В юридическом смысле *протест* – термин, и в его значении содержатся юридические понятия, также совпадающие с общеязыковыми словами, и требующие разъяснения для неспециалиста:

Протест... В праве РФ одна из форм *надзора* за соблюдением *законности*; заключается в мотивировке *возражений* прокурора против судебного или управленческого акта [БЮС 2003].

В пояснении термина *протест* заключается его смысловой стержень, совпадающий с обыденным смыслом и передающийся через сему ‘возражение’. Если дальше рассматривать значения выделенных терминов, то получится цепочка толкований, среди которых неспециалисту будет трудно уловить начальный смысл исходного слова.

Надзор – одна из форм деятельности государственных органов по обеспечению *законности* [БЮС 2003].

Законность (верховенство закона) – неукоснительное исполнение законов и соответствующих им правовых актов всеми органами государства, должностными и иными лицами [БЮС 2003].

Прежде всего, неюристу необходимо понять, как соотносятся эти три понятия друг с другом. В юридическом смысле *протест* уже понятия *надзор*, а последнее – уже понятия *законность*. В общеязыковом смысле *протест* и *надзор* никак не связаны друг с другом и, если *надзор* еще хоть как-то можно связать с *законностью*, то *протест*, напротив, скорее будет ассоциироваться с нарушением законности (ср.: *массовый протест*, *акции протеста*, *забастовка* и т.п.). Потому для неспециалиста подобные цепочки толкований трудны для понимания и освоения термина. Напрашивается вопрос, как можно помочь неюристам понимать юридическую лексику, если и не профессионально, то хотя бы в юридическом смысле. Очевидно, что толковые словари русского языка не всегда могут, да и не должны справляться с такой задачей, а специальные юридические словари вовсе не рассчитаны на неспециалистов. Возможно, назрела необходимость в создании такого универсального словаря лексики терминологического и профессионального характера, в который будут включены омонимичные общеязыковым словам юридические термины с толкованиями, отражающими специальное понятие в общем языке, а не специальное понятие в юриспруденции, при этом не противоречащими научной дефиниции соответствующего специального юридического слова. Такой словарь разработан в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН под руководством д-ра филол. наук главного научного сотрудника Института, руководителя Терминологического центра при Институте С.Д. Шелова и в настоящее время подготовлен к печати. Текстовым материалом для Словаря служит огромный массив данных имеющегося в открытом доступе авторитетного Национального корпуса русского языка [НКРЯ], а сам Словарь охватывает не только лексику юриспруденции, но и других областей знания и профессиональной деятельности (см. подр. об этом в работах [Шелов 2014; Шелов, Четверикова 2022 и др.]).

Для сравнения представим в таблице толкования слова *протест* в Большом толковом словаре, в Большом юридическом словаре и в Словаре лексики терминологического и профессионального характера русского языка (далее – Словарь).

Сравнительная таблица толкований слова «протест» в трех словарях

БТС Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2002	БЮС Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. – М.: Инфра- М, 2003	Словарь (ИРЯ РАН) Словарь лексики терминологического и профессионального характера русского языка
ПРОТЕСТ		
‘1. Официальное заявление о несогласии с чем-л. (обычно с каким-л. решением, постановлением)’.	В праве РФ одна из форм надзора за соблюдением законности ; заключается в мотивировке возражений прокурора против судебного или управленческого акта.	<i>Юрид.</i> Мотивированное возражение прокурора на нарушение закона при рассмотрении уголовных или гражданских дел в судах.

Следовательно, часть понятийного содержания термина, которая находится в компетенции специалистов и только специалистов, в Словаре не отражается. Потому нерелевантная информация для неспециалиста о том, что протест – это одна из форм

надзора, убирается, а та часть, которая в юридическом словаре дается как пояснение, выносится в основное толкование, потому что именно в этой части и заключается основной компонент значения термина.

Таким образом, толкования специальной лексики в Словаре не содержат терминов, а являются своего рода расшифровкой специального понятия для не специалиста в области права.

Литература

1. *Барабаи О.В.* Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2015. № 2. С. 39–51.
2. *Барабаи О.В.* Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса // Rhema. Рема. 2016. № 3. С. 29–46.
3. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с.
4. БЮС – Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М, 2003 [Электронный ресурс] // URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-194-3.htm#zag-993> (дата обращения: 09.03.2023).
5. *Голев Н.Д.* О специфике языка права в составе общенародного русского языка // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права; под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АГУ, 2004. С. 39–57.
6. *Жукова М.В.* К вопросу о семантической интерпретации юридической терминологии // Философия социальных коммуникаций. 2011. № 3 (16). С. 10–20.
7. *Милославская Д.И.* Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 104–116.
8. *Михайлов А.М.* Юридическая доктрина и профессиональное мышление юристов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 74–90.
9. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М.: Юрид. лит., 1988. 384 с.
10. Скоро в суд.ру // Официальный сайт адвоката Цепкова Константина Сергеевича [Электронный ресурс] // URL: <https://skorovsud.ru/voprosyi-i-otvetyi/?page=2> (дата обращения: 22.01.2024).
11. *Татаринов В.А.* Терминологическая лексика русского языка: Эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики / Отв. ред. Опарина Е.О., Казак Е.А. М., 2006. С. 133–164.
12. *Туранин В.Ю.* К вопросу о классификации юридических терминов // Право и образование. 2006. № 4. С. 83–92.
13. *Ушаков А.А.* Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. 314 с.
14. *Шелов С.Д.* Толкование лексики терминологического и профессионального характера в филологических толковых словарях (проект рекомендаций) // Терминология и знание: Мат-лы IV Межд. симпозиума. М., 2014. С. 284–299.
15. *Шелов С.Д., Четверикова Т.Д.* Между общей и специальной лексикой: о словаре терминологической и профессиональной лексики русского языка // Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в цифровую эпоху. В 2 ч. Ч. 1: сборник научных трудов: сборник статей / кол. авторов; под ред. В.А. Иконниковой, Е.В. Глушко, Н.А. Гусейновой. М.: РУСАЙНС, 2022. С. 37–47. 234 с.

5. ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПЕРЕВОД

MACHINE TRANSLATION AND TERMINOLOGY IN PROFESSIONAL AND TEACHING PRACTICE

Влияние цифровизации на представление, извлечение, хранение и перевод информации диктует новые условия работы переводчиков и широкого круга специалистов, работающих с текстами на иностранных языках, определяет их новые роли и навыки, что предполагает необходимые изменения и в процессе их профессиональной подготовки. Активная эксплуатация сетевых систем машинного перевода (МП) продемонстрировала потенциал их использования как для практики перевода, так и практики обучения. В статье показывается, что постредактирование продуктов МП при работе с техническими и научными текстами полезно для обучения языкам и переводу, особенно в аспекте овладения терминологией, для того чтобы устранить разрыв между понятиями и терминами развивающихся и обновляющихся научных областей в разных языках.

The process of digitalization involves the use of various information technologies, the mastery of which should be an important component of a present-day translator and researcher arsenal, thus active use of Internet information is an obligatory part of a modern specialist's activity (the term *Homo interneticus* is now used to nominate a human in the network space [Goldhaber 2004]). Information and communication technologies (ICTs) as a set of methods, processes, software and hardware integrated for the purpose of collecting, processing, storing, distributing, displaying, and translating information for the benefit of its users have become a commonplace in all life areas. The use of these technologies has fundamentally changed the practices and procedures of almost all forms of activity in business and management. Machine translation (MT) is definitely one of those in demand in education, academic publications and many professional spheres.

The long time that applied linguistics has traversed the distance between the machine translation idea to its present form of network neural translation systems requires special understanding of the difficulties faced by their linguistic and software developers. Beginning with the monstrously labor-intensive development of automatic dictionaries and binary word-for-word translation procedures, and various changes in the computer base itself, modern network systems offer a high level of translation as they use really gigantic text collections, national and parallel corpora. Thus, for example, the YaLM neural network was trained on a plenty of the RuNet pages indexed by Yandex, including not only Wikipedia, news articles and books, but also public posts made by users of social networks and forums. This network was pre-trained by removing repetitive, incomplete and unnatural texts from the training set not to overload the model. It was then trained for 65 days on the texts of 1.7 TB volume extracted from the network sources, using 800 A100 video cards. Today the YaLM contains 100 billion parameters and is the largest existing model for Russian and English languages.

The choice of a specific MT strategy has always been and remains both a theoretical and practical problem. This choice comes down to a discussion of possible theoretical strategies between traditional approaches: direct binary MT, different versions of translation with transfer and augmented transition networks, translation with an intermediary language; as well as new strategies: statistical MT and neural MT [Беляева 2022; Паренко 2021].

It is true, that the quality of the results produced by neural machine translation systems has increased dramatically, revealing a new opposition within translation techniques: *machine*

translation ↔ *translation from scratch*, i.e. contrasting full or partial machine translation with manual translation from start to finish. At the same time, the latter is the domain of a highly professional translator, while the former is equally popular both with translation companies performing a huge amount of work and a wide range of users – from freelance translators to researchers, students performing academic tasks, and ordinary network users.

Despite the successes of modern MT systems, the attitude towards them is very contradictory both among professional translators and in the academic environment. More than 38% of practicing translators still consider MT as a possible competitor that may reduce the amount of their work or even replace them [de Almeida, O'Brien 2010]. In addition, the average amount of post-editing MT products done by translators amounts to approximately 5,000 words a day, a process that causes translators resist and deny MT in general. New characteristics of MT process itself and requirements to the quality and speed of translation are also determined by the fact that it is included in the so-called Localization Industry [Ачкасов 2016; Беляева 2016], which covers not only the translation itself, but also the adaptation of its result to the culture of the target language, and performing marketing and technological tasks as well. It should be taken into account that the use of MT to obtain information in different languages shapes the basis for pursuing various research and practical objectives, therefore the use of MT systems is an important part of translation as a technological process.

A translator today must be well aware not only of terminology in the subject area and linguistic peculiarities of the source and target languages, but be an expert in intercultural relations, wield the tools of information retrieval and text processing, and, which is more, be responsible for promoting translation services. With MT as part of technological process post-editing becomes a crucial activity of a translator. It requires the ability to perform proofreading and editing translation, and the ability to set and monitor quality standards. However, the general structure of digitalization today implies a change not only in the activities of the post-editor, but also in the editing process as a whole.

Post-editing of MT products and obtaining the final version of the text translation require access to dictionary and encyclopedic databases. The use of MT systems, especially subject-oriented practical ones, by specialists in various fields of knowledge, actually makes it possible to grasp the general content of the text with a certain number of lexical units that the system failed to translate, many of which are new terms if the subject area is intensely developing. This determines the volume of borrowings when creating texts in Russian in the corresponding subject area and provides unjustified introduction of a mass of new words into the Russian language, in particular Anglicisms: *саунд-арт* (*sound art*), *интернет-арт* (*internet art*), *нет-арт* (*net art*), *веб-арт* (*web art*), *виджеинг* (*VJing*), *дигитальный перформанс* (*digital performance*), etc. Since the use of these words is not consistent enough, their meaning is not clearly defined and the words themselves are not entered into terminological databases (out-of-vocabulary words), they can be considered either terminoids, or slangisms [Фельде 2012], or units of common vocabulary before they are adopted by Russian terminological systems. The processing of such unidentified words now is one of the most pressing problems of actively used neural MT, since it disrupts the perception of text and makes it difficult to edit the results of MP [Clifford et al. 2013].

Translating a scientific or technical text, a professional translator spends up to 75% of the time required to translate the whole text on selecting an adequate term equivalent [Кудашев 2007; Vasiljevs et al. 2014; Vieira 2019]. This labor-intensive process of handling foreign terminology, establishing and describing translation equivalents of new terms introduced into scientific use is excluded from the process of teaching academic writing to undergraduate and postgraduate students, who often bring in newly borrowed concepts and their nominations avoiding the required terminological procedures. With their special knowledge background and a sufficiently high level of foreign language proficiency, they read and grasp a scientific text even with terminological units that yet lack a translation equivalent. This leads to a crazy

mixture of languages, a new scientific Volapük. The example of a research paper fragment below can be hardly considered a correct text in Russian:

Это справедливо, например, для энвайронментализма, который, в свою очередь, был тесно связан с другими арт-практиками, в частности, ленд-артом, экологическим искусством, арте повера, био-артом, art&science.

It is quite obvious that translating out-of-vocabulary terms and searching for their equivalents remain most labor-intensive tasks both in the process of translation and in post-editing of MP products. Thus, specialists in different scientific and technical fields take a great responsibility for introducing new concepts before the adequate terminology is described and standardized.

Commonly, post-editing of MT output is done by a human post-editor. Many translation memory systems (Trados, MemoQ, OmegaT, etc.) provide access to MT systems, which allows storing preedited results in translation memory systems. In large translation projects today there is often a need to divide large amounts of text between several translators. Under these conditions, it is the MP system, trained for a specific subject area, that makes unification of terminology translation possible. Unfortunately, there is no universal repository of parallel translation data suitable for the widest possible range of tasks related to language teaching, translation and post-editing.

A translator's work with an MT system includes manual pre-editing (preparing the source text for translation); manual post-editing (editing the products of the MT system); compiling a dictionary (a user dictionary) to record the results of MT and to tune the MT system for the translator's tasks.

Pre-editing is necessary to establish the unity of the terminology used, for example, in data mining systems, since incorrect results often arise due to discrepancies between the data extracted from the text and the nomination of the corresponding concepts in the dictionary support (databases or ontologies).

Post-editing of MT results and obtaining the final version of translation requires access to dictionary and encyclopedic databases, text corpora pre-selected by the translator. When deciding on the choice of translation for a specific terminological unit, it is necessary to involve context (concordance). The result is entered into the user dictionary that is run to specify the terminological characteristics of a particular text. Then, at the system modification stage, the dictionary is added to the MT linguistic resources.

In recent decades ICTs have begun to be actively used in the field of education [Oliver 2002], but their impact has not been as significant as in other fields. The fact is that there really is a number of factors that hinder the active introduction of ICTs into education process: insufficient funding, lack of training among experienced teachers, lack of motivation and need to use ICTs as teaching tools. However, it is extremely important for young specialists to learn and use a full range of modern means of exchanging, searching and transmitting information. It is absolutely necessary for them to be able to choose computer-assistant teaching systems, machine translation systems, automatic and reference dictionaries, databases and data banks that meet their requirements, being aware that such systems do not replace either a teacher, or a translator, or a language engineer, but are indispensable and convenient aids.

The active use of network MT systems has demonstrated the potential of their use both for translation practice and for teaching or learning purposes. Among other factors, it has been proven that editing MT results when processing scientific texts is useful for teaching or learning languages and translation, especially in terms of mastering terminology and syntax. However, many teachers still reject the use of MT by students when learning a foreign language (including LSP) or translation, or performing academic writing tasks, or doing research, which is absolutely unproductive and becomes especially important with lack of academic hours for language study in most universities. So, it seems reasonable for teachers/academics to develop new ways and techniques for using MT in teaching to assist both language learning and training a specialist.

MT systems are broadly used by specialists in different fields for searching the Internet and translating texts from a variety of sources, primarily from scientific and technical journal sites and conference proceedings. However, their practical knowledge of working with MT systems is scanty and they know very little of post-editing if at all, hence the above cited Volapük texts. Moreover, they also do not know or are not sufficiently aware of the connection between the volumes and methods of post-editing with the completeness and accuracy of linguistic support, especially statistical and neural MT systems [Беляева 2022; Паренко 2021].

The result of MT requires post-editing at the level of the syntactic structure of the entire sentence, at the lexical level for updating and/or changing the translations of individual words and phrases, introducing translations for unknown (out-of-vocabulary) words, that are more likely new terms in case of scientific or technical texts, as well as for changing the morphological characteristics of gender, number, case, and clarifying the forms of aspect and voice, introducing correct punctuation. All these shape the content of teaching MT as part of educating a translator, a language worker, a specialist.

The widespread occurrence of MT systems and their complete accessibility make it senseless to fight against their use in language teaching and learning and in the professional training of translators, philologists and specialists. In the academic sphere, the struggle against the use of MT by students when writing in a foreign language, including Russian, is of a fundamental nature when it comes to teaching foreign students and postgraduate students. Foreign language teachers consider the use of such systems by their students as completely unacceptable and unethical. However, the trainees today do not write but type their texts with a variety of computer tools, from computer to smartphone, consulting online dictionaries, and using almost exclusively online sources. And the students will use MT systems even though they have signed a commitment not to use any computer software that may compromise their learning process, including translation programs [Araabi et al. 2022].

As practicality and free access to neural MT systems have made these tools very popular among language learners with different objectives, it is no use to forbid them, on the contrary, it is time to develop effective ways to apply such systems for teaching researchers, specialists and translators. The authors' own experience allows to claim that efficiency and appropriateness of MT use depends on the type of the language studied, and the teacher's choice of an MT system, depending on the capabilities of the educational environment and the level of students training.

Working with MT products in the process of teaching/learning a foreign or native language students can critically analyze the result of machine translation, discuss potential solutions in a group together with the teacher, and check their solutions using national text corpora as reference bases. The purpose of training to work with MT products is to teach how to coordinate the structure, vocabulary, terminology and stylistic resources of a reference text or to find good-enough solutions using corpus search engines.

To facilitate the job, it is necessary to build special parallel text corpora, that combine the sentences in the source language, their machine translations and the possible results of post-editing, including explanations of the changes made due to the post-editing. Such training corpora must be subject-specific and compile a hierarchy of sub-corpora, where each sub-corpus has a specific language issue as its dominant: lexical (terminological), syntactic, stylistic, on the basis of pre-selected examples. For post-editing of syntactic and stylistic violations in the MT text universal corpora are good enough, while working with terminology is best done with subject-oriented subcorpora.

So, in the increasingly digitalized educational environment the development of special tools and methods for teaching how to work with MT and post-editing systems is an absolute necessity. An important component of such tools is a training corpus of parallel texts, focused on subject areas.

Teaching translators, philologists and specialists in different areas to work with MT systems and post-editing MT products is appropriate and relevant, and quite necessary to put a stop to unedited MT products in students' academic essays and theses, papers in conferences proceedings, articles sent to scientific journals, and, as a consequence, in the texts responsibility of which rests with professional translators: news blocks, network publications and channels, as well as literary translations.

Quite a special issue is training translators to deal with new scientific terminology, out-of-vocabulary words, that are automatically exposed in MT process in subject-oriented MT systems. Extracting this new vocabulary from machine translated texts of a certain professional domain and entering them in the translator's dictionary is the first step for deciding on their nature. In case of their contextual consistency and frequency their termhood becomes evident and it obligates the translator to consult terminologists or specialists and to seek a reliable and, if possible, unified candidate term before it is standardized in the corresponding terminological system. Thus, working with and editing an MT product may become the first step in alignment and unification of terms in rapidly developing industries in attempt to bridge national terminologies.

Литература

1. *Ачкасов А.В.* Индустрия локализации и подготовка переводчиков // Материалы VIII Международной научной конференции «Индустрия перевода». Пермь, 2016. С. 13–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26181052&ysclid=ldwxzskzkc395978920>
2. *Беляева Л.Н.* Лингвистические технологии в современном сетевом пространстве: language worker в индустрии локализации. СПб.: Книжный дом, 2016. 134 с.
3. *Беляева Л.Н.* Машинный перевод в современной технологии процесса перевода // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Филологические науки (языкознание). 2022. № 203. С. 22–30.
4. *Кудашев И.С.* Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki: Univ. of Helsinki, Dep. of transl. studies, 2007. 443 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/19272/proektir.pdf>
5. *Раренко М.Б.* Машинный перевод: от перевода «по правилам» к нейронному переводу (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал ИНИОН РАН. 2021. С.70–79.
6. *Фельде О.В.* Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник под редакцией А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/63722>
7. *Araabi A. Monz C., Niculae V.* How Effective is Byte Pair Encoding for Out-Of-Vocabulary Words in Neural Machine Translation? // arXiv:2208.05225v1 [cs.CL] 10 Aug 2022.
8. *Clifford J., Merschel L., Munné J.* Surveying the Landscape: What is the Role of Machine Translation in Language Learning? // The acquisition of second languages and innovative pedagogies. 2013. P. 108–121.
9. *de Almeida G., O'Brien S.* Analysing Post-Editing Performance: Correlations with Years of Translation Experience // Proceedings of the 14th Annual conference of the European Association for Machine Translation, May 27–28, 2010, Saint Raphael, France – European Association for Machine Translation, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/2010.eamt-1.19>
10. *Goldhaber M.* The mentality of Homo interneticus: Some Ongian postulates, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/1155/1075#author>

11. *Oliver R.* The role of ICT in higher education for the 21st century: ICT as a change agent for education. 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.83.9509&rep=rep1&type=pdf>
12. *Vasiljevs A., Pinnis M., Gornostay T.* Service model for semi-automatic generation of multilingual terminology resources // Terminology and Knowledge Engineering. 2014. P. 67–76. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/266565145>
13. *Vieira L.N.* Post-Editing of Machine Translation // M. O'Hagan (Ed.), The Routledge Handbook of Translation and Technology. Routledge, 2019. P. 319–335. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.routledge.com/9781138232846>

Сведения об авторах

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор; РГПУ им. А.И. Герцена, профессор кафедры образовательных технологий в филологии (Санкт-Петербург, Россия)

Гринев-Гриневиц (Гринев) Сергей Викторович – доктор филологических наук, профессор; Государственная высшая профессиональная школа им. проф. Едварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки; профессор (Белосток, Республика Польша)

Иконникова Валентина Александровна – доктор филологических наук, доцент; МГИМО МИД России, Одинцовский филиал, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации (Москва, Россия)

Камшилова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; РГПУ им. А.И. Герцена, доцент кафедры образовательных технологий в филологии (Санкт-Петербург, Россия)

Кокорина Юлия Георгиевна – доктор филологических наук; Московский политехнический университет; профессор (Москва, Россия)

Кулева Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Маринова Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; профессор (Нижний Новгород, Россия)

Сорокина Эльвира Анатольевна – доктор филологических наук, профессор; Государственный университет просвещения (Москва, Россия)

Цумарев Алексей Эдуардович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Четверикова Татьяна Дмитриевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Шелов Сергей Дмитриевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, руководитель терминологического центра; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Периодическое издание

СЛОВО И ТЕРМИН

Выпуск II

Ответственный редактор доктор филологических наук
С.Д. ШЕЛОВ

Утверждено к печати

Ученым советом

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

24.10.2024 г.